

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

3.2016

Издается с 2002 г.

ИЗДАТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

ПИ № ФС 77–63324
от 09.10.2015 г.

Электронная версия журнала:
www.mpgu.ru

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

ISSN 2500-2953

3.2016

Rhema. Pema

The journal
has been published
since 2002

THE PUBLISHER:

Moscow State
University
of Education

**Mass media
registration
certificate**

**ИИ № ФС 77-63323
as of 9.10.2015**

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed
via: www.mpry.pf

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора, заведующая рубрикой литературоведения

Татьяна Юрьевна Журавлева – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета.

Заведующая рубрикой лингвистики

Екатерина Анатольевна Лютикова – кандидат филологических наук; доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения Российской академии наук; старший научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Илона Кишш – PhD (филология); публицист, переводчик, эксперт ЮНЕСКО, главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, эксперт по русской культуре издательств «Европа», «Магвето», «Типотекс», г. Будапешт, Венгрия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института философии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии), Университет Страны Басков, г. Витория, Испания.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор перевода (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Таллиннского университета, Эстония.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В.Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук, Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – кандидат филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Клара Эрновна Штайн – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education; professor of the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State University of Education; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Deputy chief editor, head of the section of textual criticism

Tatiana Yu. Zhuravleva – PhD in Philology; associate professor of the Department of Russian Literature, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State University of Education.

Head of the section of linguistics

Ekaterina A. Lyutikova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education; professor of the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State University of Education.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – PhD in Philology; assistant professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; senior research fellow of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab., professor at the Chair of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow State University of Education.

Aleksandr Feduta – PhD in Philology; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor of ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Ilona Kiss – PhD in Philology; publicist, translator, UNESCO expert, chief editor of the «Russian Quarter Journal» of Budapest Eötvös Loránd University, expert on the Russian culture of Hungarian publishing houses «Europe», «Magveto» and «Tipoteks», Budapest, Hungary.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; Associate Professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, The University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor of the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab., senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore»; senior research fellow at the School of Humanities, Tallinn University, Estonia.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab, professor full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the sector of typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor of the Department of Bulgarian, research fellow of the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, The Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor of the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Klara E. Shtayn – Dr. Phil. Hab., full professor; professor at the chair of the Russian Language, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab, full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil.Hab, professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab, full professor; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor and leading research fellow of the Institute of Philosophy and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.И. Семина

К вопросу об интерпретации мотивов в турецких
средневековых похоронных элегиях
(на примере кыт'а). 9

Я.В. Солдаткина

Мотивы прозы А.П. Платонова
в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор». 19

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.В. Барабаш

Смысловые трансформации правовых терминов
вне юридического дискурса. 29

Н.Ю. Гвоздецкая

Именные композиты в древнеанглийском поэтическом
тексте (синтактико-нарративный аспект) 47

А.А. Герасимова

Параметрический подход к внутриязыковому
варьированию: проблемы и методы 63

П.В. Гращенков

Сложные прилагательные, бинарность ветвления
и выбор синтаксического формализма. 75

И. Игартуа, Н. Мадарьяга

Русские малые числительные и их история
в типологической перспективе 97

НАШИ АВТОРЫ. 115

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА 117

LITERARY CRITICISM

A. Semina

On interpretation of motives in Turkish medieval
mournful songs (on the material of qita) 9

Ya. Soldatkina

The motives of A. P. Platonov's prose
in the novel «Aviator» by E.G. Vodolazkin 19

LINGUISTICS

O. Barabash

Semantic transformations of legal terms outside
of the legal discourse 29

N. Gvozdetskaya

Nominal Compounds in Old English Poetic Text
(a Syntactic and Narrative Aspect) 47

A. Gerasimova

A parametric approach to intralingual variation:
problems and methods 63

P. Grashchenkov

Complex Adjectives and Binary Branching in Syntax 75

I. Igartua, N. Madariaga

Russian lower numeral phrases in typological
and diachronic perspective 97

ABOUT THE AUTORS 115

CONTENTS 117

А.И. Семина

К вопросу об интерпретации мотивов в турецких средневековых похоронных элегиях (на примере кыт'а)

В статье характеризуются особенности турецких похоронных элегий-мерсийе, написанных в жанровой форме кыт'а. Опираясь на материал диванов турецких поэтов XV–XIX вв., автор разделяет кыт'а-мерсийе на три типа, различающихся как по формальным (объем, наличие/отсутствие хронограммы), так и по содержательным признакам. Кыт'а первого типа создавались с целью выразить скорбь от утраты, в них поэт сосредоточивался на мотивах оплакивания и личных чувствах лирического героя. В кыт'а второго типа, прежде всего, актуализировались мотивы ухода в загробный мир, расцветиваемые фактографическими деталями из жизни усопшего; в таких кыт'а поэт ставил перед собой задачу констатировать факт смерти и зафиксировать дату печального события посредством поэтической фигуры тарих. В кыт'а третьего типа поэт стремился обессмертить имя усопшего путем прославления его многочисленных достоинств; центральное место в таких кыт'а занимают панегирические мотивы, при интерпретации которых поэт обращался к конкретным деталям из жизни покойного.

Ключевые слова: турецкая средневековая литература, мерсийе, кыт'а, тарих.

Создание похоронных элегий, в которых поэты оплакивали гибель усопшего, имеет в турецкой культуре давнюю традицию. Еще в фольклоре тюркских народов известны плачи-агыты, исполнение которых сопровождало и по сей день сопровождает похороны в Турции. В турецкой диванной литературе также существовали похоронные элегии, которые назывались мерсийе (от арабск. *марсиа* или *риса* – «оплакивание»). Мерсийе развились не из аутентичных тюркских народных заплачек,

а были импортированы из персидской литературы, которая, в свою очередь, заимствовала их из арабской традиции. Мерсийе в турецкой литературе создавались в различных жанровых формах, наиболее популярными из которых были теркиб-бэнд¹, кыт'а и фарды².

Мерсийе в форме теркиб-бенда представляли собой развернутое прославление покойного, которого поэты описывали как носителя многочисленных добродетелей. Создавая подобные посмертные панегирики, поэты, с одной стороны, задавались целью обессмертить имя почившего, с другой – рассчитывали на материальное вознаграждение от его родственников.

Мерсийе в форме фарда имели мало общего с фардами-афоризмами философского и любовного содержания, они представляли собой констатацию факта смерти, зачастую создавались экспромтом и, как правило, содержали в себе хронограмму-тарих³.

В кыт'а характерные для мерсийе мотивы представлены более разнообразно, чем в теркиб-бендах и в фардах. Несмотря на это, мерсийе, созданные в форме кыт'а, не становились объектом специального исследования.

Кыт'а в турецкой литературе представляла собой стихотворение-монорим с нерифмованным первым двустушием-бейтом объемом от 2 до 12 (в некоторых случаях – до 70) бейтов. Во все время своего функционирования (с конца XIV – начала XV вв. до момента угасания турецкой диванной литературы в середине XIX в.) кыт'а представляла собой крайне продуктивную жанровую форму: турецкие поэты создавали многочисленные кыт'а «делового содержания» (прошения, записки и др.), писали в этой форме любовную и философскую лирику, сатирические стихотворения, поэтические миниатюры (загадки, хронограммы, описания городов, зданий, природных явлений и др.), мерсийе. Материалом для данного исследования послужили написанные в форме кыт'а мерсийе наиболее значительных турецких поэтов XV–XIX вв.

По формально-содержательным признакам все мерсийе в форме кыт'а можно разделить на три типа. Кыт'а первого типа представляют собой стихотворения небольшого объема (от 2 до 4–5 бейтов), в которых поэты актуализируют мотивы, выражающие скорбь по усопшему, в частности, мотивы оплакивания покойного и мотивы сгорания на огне

¹ Теркиб-бэнд – жанровая форма турецкой поэзии, стихотворение, состоящее из 5–12 строф-бэндов объемом от 5 до 10 бейтов; каждый из бэндов рифмовался по схеме aa ba... и завершался бейтом с парной рифмой («васыта» – 'vasita'), которая менялась от строфы к строфе.

² Фард – жанровая форма турецкой поэзии, стихотворение, состоящее из одного бейта и обычно представляющее собой афоризм.

³ Термин «тарих» (букв. «дата») имеет два значения: 1) фигура средневековой турецкой литературы – хронограмма, которая инкорпорировалась в ткань стихотворения; 2) стихотворение, содержащее хронограмму.

скорби, которые нередко становятся в таких кыт'а центральными. В качестве примера приведем кыт'а Ахмеда Паши (1426–1497), в творчестве которого мотивы, характерные для жанра мерсийе, приобретают особенно пронзительное звучание, поскольку поэт пережил личную трагедию, потеряв маленькую дочь:

*Gelin gelin biraz ol nev-cuvâni ağlayalım
Neden yıkıldı bu serv-i revâni ağlayalım*

*Hem anı ağlayalım hem anun firâkından
Cihan ne odlara yandı cihâni ağlayalım.*

[Ahmet Pasha, 1992, с. 303]

Приходите, приходите, поплачем немного над молодостью!
Почему сломался этот юноша со станом кипариса?! Поплачем!

Поплачем и о нем, и о его уходе!
В каком пламени сгорел мир, поплачем о мире!!

В данной кыт'а, посвященной смерти некоего молодого человека, Ахмед Паша передает ощущение всеобщей скорби за счет многократных повторов и обращений к слушателям. Мотив сгорания в огне скорби, который здесь сплетается с призывами оплакать усопшего, звучит лаконично и вместе с тем проникновенно. Обыгрывая этот широко распространенный в турецкой диванной поэзии мотив, поэт обращается к такому поэтическому приему, как перенос мотива с одного объекта на другой: он призывает слушателя оплакать не только и не столько покойного, сколько весь мир, который понес тяжелую утрату и уже не будет таким, как прежде.

Поэт Эмри (?–1575) в своих кыт'а также сосредоточивается на описании горечи утраты, преподносит ее в гиперболизированном виде:

*Hibr olup bahr-i siyeh alınur ise kaleme
Bahr berr ola kala gelmeye eşküm rakama*

*Tişe-i gam depesini delerek kuhkenün
Saldı şirin-dehenin isteyü mülk-i 'ademe.*

[Emri, 2002, с. 377]

Черное море завладело моим пером,
С тех пор, как суша стала морем, моим слезам нет числа.

Топор горя прорубает гору.
Отдала та, у которой красивый рот, свое имущество небытию.

В данной кыт'а, помимо использования гиперболы – *суша стала морем, слезам нет числа*, Эмри прибегает к фигуре «тамлих» («намеки»): мотив прорубания горы отсылает слушателя к истории Хосрова

¹ Здесь и далее стихотворения приводятся в переводах автора статьи.

и Ширин. Подобно Фархаду, который не смог вынести ложной вести о смерти Ширин и умер от горя, влюбленный погибает, услышав о смерти возлюбленной. Ссылка на известный сюжет позволяет Эмри подчеркнуть силу своих страданий, которые буквально убивают его.

Еще одна группа мотивов, характерных для мерсийе этого типа, – мотивы похвалы усопшему. Интересно, что поэты не называют имени почившего, а его восхваление ограничивается единичными эпитетами и сравнениями («луноликий», «подобный розе», «чей стан как кипарис» и т.д.), например, в одном из мерсийе Ахмеда Паши о покойном говорится, что он был «кипарисом на лужайке» (*serv-i çemen*), «со щеками как розы» (*gül yanağı*) [Ahmet Pasha, 1992, с. 303], в другой кыт'а поэт называет усопшего «счастьем розового сада» (*gül-i bâğ-i saâdet*), «фиалкой» (*benefşe*), «серебряным тополем» (*serv-i sîm*) [Там же, с. 297].

Во всех кыт'а первого типа звучат мотивы отхода в иной мир. Разрабатывая их, поэты редко используют слово «умер» или его синонимы, как правило, они прибегают к образному иносказанию и созданию авторских метафор, у Ахмеда Паши мы видим: «затмилась честь зодиака луны» (*meh-i bürc-i şeref tutuldu*), «увяло счастье розового сада» (*gül-i bâğ-i saâdet soldu*), «завяла фиалка» (*benefşe ... bozuldu*), настала «осень весны» (*hazân nev-bahârin*), усопшего «погребли в землю, потому что он был подобен кладу» (*genc idi ol ... // Anunçün toprağa defn oldu*) [Там же], судьба «положила луну в могилу» (*mihri ... kabre koydun*), «отправила солнце в пустыню» (*mâhi ... çâha saldin*)... Эмри пишет: «В собрании разлуки мои стоны от вести о твоей смерти как трубы страшного суда» (*Meclis-i hecrün kıyamet nay-ı nalem sur imiş*) [Emri, 2002, с. 339].

Кыт'а второго типа в большом количестве появляются в диванах турецких поэтов начиная с XVII в. В кыт'а второго типа (как правило, объемом 2–3 бейта) мотивы оплакивания не играли главенствующей роли, в них поэты констатировали факт смерти, упоминая имя усопшего и некоторые обстоятельства его жизни.

Непременным элементом таких кыт'а являлась хронограмма-тарих¹: с помощью системы «эбджед хесабы», где буквам османского алфавита

¹ Кыт'а, содержавшие хронограмму-тарих, в которой была зашифрована дата смерти, были известны в турецкой литературе с XV в., однако особую популярность они обрели в XVII в.: именно в этот период все большую роль в жизни османского общества начинают играть представители третьего сословия, являвшиеся основными заказчиками кыт'а с тарихом. Кыт'а с тарихом создавались на разные темы: в них поэты запечатлевали события из жизни своего окружения (рождение, свадьба, похороны, получение высокой должности и т.д.), большое количество кыт'а с тарихом были посвящены закладке или реконструкции архитектурных объектов и др.

соответствовали определенные числовые значения, поэты зашифровывали в тексте стихотворения дату смерти. Как правило, для того, чтобы получить искомую дату, нужно было сложить числовые значения букв, составлявших последнюю строку стихотворения, однако существовало множество хронограмм, расшифровка даты в которых строилась по иным принципам: при помощи прибавления или вычитания обозначенного в первой строке последнего бейта числа, складыванием значений только огласованных/неогласованных букв, делением полученной суммы на два и др. Часто указание на то, как вести подсчет и вычислять дату смерти, содержалось в самом стихотворении, в последнем бейте.

Например, у поэтессы XIX в. Лейлы Ханым (?–1848) мы видим: «Написала Лейла Ханым полный тарих драгоценными камнями» (*Yazdı Leylâ sengine cevherle bir târîh-i tâm*) [Leyla Hanim, 2003, с. 221], в данной строке поэтесса указывает на вид тариха – «полный» (тур. «tam»), т.е. для вычисления зашифрованной даты необходимо было сложить числовые значения всех букв последней строки. В другой кыт'а поэтесса указывает на то, что при подсчете даты необходимо складывать значения огласованных букв, не учитывая неогласованные: «Сказала Лейла тарих с украшенными буквами на смерть...» (*Didi harf-i mücevher ile Leylâ fevtine târîh*) [Там же, с. 222], («украшенный драгоценностями тарих» – *mücevher tarih*, в тексте – *harf-i mücevher*). Или: «Я, Лейла, плакала, когда писала этот драгоценный тарих» (*Agladım Leylâ yazarken cevherî târîhini*) [Там же, с. 224] (*cevherî târîh* – то же, что *mücevher tarih*). В последнем бейте кыт'а второго типа обязательным было употребление слова «тарих», а также упоминание имени почившего и иногда – литературного псевдонима поэта (тахаллуca).

В кыт'а этого типа поэты разрабатывают мотивы отхода в иной мир. Констатируя факт смерти, поэты либо используют синонимы слова «умер» – «почил» (*vefat etti*), «успокоился» (*fevt oldu*), «умер» (*öldü, irtihal etti*), либо прибегают к иносказанию, как правило, предпочитая не авторские метафоры, а устойчивые выражения повседневного языка, например: «ушел» (*gitti*), «откочевал» (*göçtü*), «ушел из этого мира» (*dünyadan sefer eyledi; alemde sefer etti*), «отправился в рай» (*cennet mekan kıldı; mekan cennet oldu*) и т.д. Если при создании кыт'а первого типа поэты сочетают мотивы ухода с мотивами описания тела почившего («увяли розы щек», «переломился стан-кипарис»), то в кыт'а второго типа мотивы перехода в иной мир насыщаются конкретными бытовыми деталями и фактами из жизни покойного.

Так, в одной из кыт'а Иззета Моллы (1785–1829) поэт говорит о том, что усопший «оставил после себя трех сирот» (*terk etdi üç yetimin*) [Izzet Molla, 2005, с. 339], тем самым подразумевая, что он отошел в мир иной;

в другой кыт'а, посвященной смерти суфийского шейха, Иззет Молла пишет, что покойный «избавился от забот этого мира с именем Аллаха на устах» (*buldu fâniden rehâ Allâh deyip*) [Izzet Molla, 2005, с. 342]; о некоем Сафи Эфенди он говорит, что тот «был убит и отдал душу на милость Аллаха» (*katl olunup // Eyledi rûhunu Hak rahmet-yâb*) [Там же, с. 336]; в кыт'а на смерть некоей Зюбейды Ханым Иззет Молла сожалеет, что она «к несчастью, умерла молодой» (*adn oldu genc iken mesken*) [Там же, с. 341], об одном знаменитом учителе поэт пишет: «Когда пришел [месяц] Реджеб, он прервал свой урок для посвященных, // Он умер потому, что рукопись его жизни закончилась» (*Kesdi geldikde Receb dersini bir 'allâme // Nûsha-i 'ömrünü hatmin sebebi mevt oldu*) [Там же, с. 343].

В последнем бейте таких кыт'а звучат мотивы посмертной участи покойного: поэт неизменно выражает уверенность в том, что душа покойного находится в раю. Например, у Невизаде Атаи (1583–1635) мы видим: «Тарихом стала эта стрела нашей молитвы. // Дал Аллах Яхье вечную жизнь» (*Târîh ola bu tur-î du'amuz yâ'sız // Yayhâ'ya vire hayât-i sermed Allah*) [Atâjî, 1994, с. 301]. У Сами Арпаэминизаде (?–1734): «В момент смерти сказал с печалью Сами тарих. // Химмет-заде сделал рай своим новым пристанищем» (*Dem-i fevtinde kederle didi Sâmî târîh // Kürsî-i 'adni makâm eyledi Himmî-zâde*) [Samî, 2004, с. 153], «Когда ушел ребенок, сказал о нем тарих ангел или святой. // Стал Ахмед соловьем в розовом саду рая» (*Âzim-i bâlâ olunca didi târîhin melek // Ya İlâhî ola Ahmed bülbül-i verd-i bihişt*) [Там же, с. 183], «Услышав о его смерти, в тоске сказал я тарих. // О Господь! Отправился в рай кокетливый Мустафа» (*Gûş idüp fevtin tahassürle didüm târîhini // Cennet-i 'adn ola yâ Rab cilvegâh-i Mustafâ*) [Там же].

Кыт'а третьего типа – значительные по объему стихотворения (от 4 бейтов до 50–60 бейтов), в которых поэты сосредоточиваются на прославлении почивших. Все кыт'а этого типа включают тарих. Исключение составляют лишь несколько кыт'а без тариха (например, кыт'а Невизаде Атаи (1583–1635), представляющая собой панегирик почившему правителю). Как и кыт'а второго типа, кыт'а третьего типа становятся крайне популярными у турецких поэтов начиная с XVII в.

В кыт'а третьего типа центральное место занимают мотивы восхваления почившего. Как и в кыт'а второго типа, поэты включали в текст стихотворений имена, регалии, перечисляли прижизненные свершения покойных, однако использовали эти детали не для того, чтобы по-новому подать мотивы их ухода из жизни, а для того, чтобы отметить уникальность и многочисленные достоинства усопших. Приведем в качестве примера отрывок состоящей из 18 бейтов кыт'а, созданной Сами Арпаэминизаде (?–1734) и написанной на смерть Муеззина Кючека Челеби:

*Meclis-ârâ-yi safâ bülbül-i güلزâr-i tarab
Rind-i âlüfte sebük-rüh hoş-âyende-kelâm*

*Ahsenüs-savt-i cihân ya'nî Mü'ezzin Çelebi
Kim virürdi negamî sâmi'aya zevk-i tamâm...*

[Sami, 2004, с. 166]

Украшающий собрание утренний соловей, радость розового сада!
Обезумевший от любви ринд, с легким нравом, с красивой речью!

Самый прекрасный голос мира, а именно – Муеззин Челеби,
Который услаждал слух лучше всех!

Мы видим, что для написания данного стихотворения Сами выбрал тональность панегирика. Гиперболизированное описание достоинств музыканта (он, Муеззин Челеби, был лучше всех в мире) поэт сочетает с конкретными фактами его жизни: он называет усопшего мастером мелодий-макамов, а также отмечает, что Муеззин Челеби в совершенстве владел мелодиями (макамами) бюзург и кючек (отсюда и прозвище музыканта – «Кючек»). Поэт считает, что равного муеззину Челеби нет и не будет, говорит о том, что своими напевами музыкант успокаивал души.

Разрабатывая мотивы ухода в мир иной в кыт'а третьего типа, поэты зачастую прибегали к приему поэтического сопоставления земной жизни покойного и его загробной участи, как, например, в следующем стихотворении Османа Невреса (1820/21–1876), посвященном министру иностранных дел Джемилю Паше:

*Dedi Nevres dahi kan ağlayıp tarih-i dil-suzun
Bu dehr-i la-bekadan el çekip gitdi Cemil Paşa*

*Bu zat etmişdi devletde vezâret hil'atın iksa'
Kefen-puş-ı seferdir şimdi ya'ni 'azim-i 'ukba <...>*

*Muvaffak oldu her emri yolunda eyledi ifa...<...>
Umur-ı devleti teshil ile meşgul iken da'im... <...>*

*Bırakmaz kimseyi haline her gün bir sitem eyler
Komaz dünyada rahat ede işte böyledir dünya*

*Olunca hariciye nazırı ol asaf-ı kamil
'Alamet-i sefer meşhudu olup yumdu göz hayfa.*

[Kaya, 2010, с. 656]

Сказал Неврес, плача кровавыми слезами, тарих, печалыщий сердце:
Из этого бренного мира ушел Джемиль Паша.

Этот человек носил халат визиря,
Теперь настала очередь савана, он ушел в мир иной. <...>

Он с успехом исполнял все приказы... <...>
Был постоянно поглощен заботой о счастье государства... <...>

Он никого не оставлял в беде, каждый день принимал жалобы,
Нельзя в этом мире жить спокойно – таков этот мир.

Этот совершенный визирь был министром иностранных дел,
Он отправился в посольство на тот свет, увы.

Неврес проводит параллели между тем, чем занимался министр в земной жизни, и тем, что он делает в жизни загробной: он носил халат визиря, но сейчас надел саван, он служил министром иностранных дел, а теперь отправился в последнее посольство. Поэт говорит о положительных качествах покойного: его усердии в исполнении приказов, поглощенности государственными заботами, ответственности, желании помочь ближним. Восхваление покойного поэт сопрягает с мотивами перехода в иной мир («отправился в посольство на тот свет») и мотивами непостоянства земного существования («нельзя в этом мире жить спокойно»).

Концовка таких кыт'а так же, как и концовка кыт'а второго типа, определяется правилами создания тарихов: в последнем бейте поэты упоминают слова-маркеры (слово «тарих», имя усопшего и тахаллус поэта); иногда в тексте стихотворения имеет место указание на тип тариха. В последних бейтах стихотворения поэты обращаются к мотивам посмертной участи покойного, которые сопровождаются в кыт'а третьего типа развернутой молитвой о его благополучии на том свете. Приведем пример такой молитвы, которой заканчивается упоминавшаяся выше кыт'а Сами Арпаэминизаде:

*Vefat emri irince didi cân baş üzre
İldi şevk ile çemen-suffe-i firdevse hırâm
Sâkî-i kevser idiüp rûhını sîr-âb-i neşât
Ola ravzât-i bihişt içre kadeh-nûş-i merâm
Yâ İlâhî be-hak-i ravza-i sultân-i rüsûl
Rahmetünle ola 'işretkedesi dâr-i selâm
Râstdur terk idicek savt-i segâhî târîh
Evc-i me'vâda Mü'ezzin Çelebi bula makâm.*

[Sami, 2004, с. 167]

Когда пришел приказ умирать, душа сказала: «Повинуюсь»!
И с радостью отправилась на луга шестого неба.

Виночерпий-Кевсер¹ увеселит его душу водой тайны,
Станет райский сад кубком с вином для его души.

О святая земля садов султана пророков,
Прояви милосердие и стань приветливым местом для винопития.

Покинет нас поющий мелодию голос, правильно [будет сказать] тарих:
Пусть в вышине найдет себе пристанище Муэззин Челеби.

¹ Кевсер – река, текущая в раю.

Подводя итог, можно заключить, что выбор мотивов и характер их реализации напрямую соотносится с объемом кыт'а и наличием/отсутствием в ее тексте хронограммы. Поэты обращаются к соответствующему типу кыт'а, руководствуясь своими задачами и целями: так, если поэт хочет подчеркнуть скорбь от утраты, он создает небольшое по объему стихотворение, в котором развивает мотивы оплакивания, фокусирует внимание на переживаниях лирического героя, практически ничего не говоря о почившем.

Кыт'а второго типа, напротив, отличаются своей конкретикой: поэты создают их с целью дать сведения об умершем человеке, указать дату, а иногда и причину его смерти. Это также стихотворения небольшого объема, в которых поэты называют имена усопших, включают в текст стихотворения детали, свидетельствующие о жизни почивших или обстоятельствах их смерти.

Кыт'а третьего типа создавались с целью прославить и обессмертить имя покойного. Это пространные славословия, включающие большое количество деталей, характеризующих земную жизнь покойного. В них поэты воспевают многочисленные добродетели почивших, перечисляют их прижизненные заслуги и выражают надежду на то, что и в загробном мире их ждет то же высокое положение, что и в земной жизни.

Таким образом, в мерсийе, созданных в форме кыт'а, наблюдается реализация большого количества мотивов, разрабатывая которые, поэты используют различные художественные приемы: традиционные поэтические фигуры, различные способы трансформации мотивов и пр.; обращаясь к авторским метафорам, они, в первую очередь сосредотачиваются на поисках новых, ярких образов и сравнений. Традиционные для мерсийе мотивы актуализируются также путем включения в текст стихотворения большого количества биографических деталей. Используя данные приемы, средневековым турецким поэтам, действующим в рамках традиционалистского канона и имеющим перед собой четкие практические цели, удалось создать выдающиеся образцы жанра мерсийе. Это свидетельствует о том, что они максимально использовали художественный и функциональный ресурс, который им предоставляла жанровая форма кыт'а.

Библиографический список

Ahmet Pasha, 1992 – Ahmet Paşa Divanı. Ankara, 1992. [Ahmet Pasha Divanı. [A collection of poems by Ahmet Pasha]. Ankara, 1992.]

Samî, 2004 – Arpaemîni-zâde Mustafa Sâmî. Dîvân. Ankara, 2004. [Arpaemini-zade Mustafa Samî. Divan. [A collection of poems by Arpaemini-zade Mustafa Samî]. Ankara, 2004.]

Ataji, 1994 – Atâyî Nev'î-zâde Dîvânı. Malatya, 1994. [Ataji Nevi-zade Divani. [A collection of poems by Ataji Nevi-zade]. Malatya, 1994.]

Emri, 2002 – Emrî Divanı. İstanbul, 2002. [Emri Divani. [A collection of poems by Emri]. Istanbul, 2002.]

Kaya, 2010 – Kaya B.A. Osman Nevres ve Divanı. İnceleme-Metin. Ankara, 2010. [Kaya B.A. Osman Nevres ve Divanı. İndzheleme-Metin. [Osman Nevres and his collection of poems. Study and text.] Ankara, 2010.]

Izzet Molla, 2005 – Keçecizade İzzet Molla ve Divan-ı Bahar-ı Efkâr. Hazana Sürgün Bahar. İstanbul, 2005. [Kechedzhizade Izzet Molla ve Divan-i Bahar-i Efkâr. Hazana Surgun Bahar. [Kechejizade Izzet Molla and his collection of poems «Reflections about spring». Spring exiled to autumn.] Istanbul, 2005.]

Leyla Hanim, 2003 – Leylâ Hanım Divanı. İstanbul, 2003. [Leyla Hanim Divani. [A collection of poems by Leyla Hanim.] Istanbul, 2003.]

Я.В. Солдаткина

Мотивы прозы А.П. Платонова в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор»

В статье рассматривается роман современного прозаика Е.Г. Водолазкина «Авиатор» в контексте актуальных социокультурных запросов на переосмысление советского прошлого и диалога с русской литературной традицией и философией XX в., в частности, с антиутопическими произведениями А.П. Платонова («Котлован») и «Философией общего дела» Н.Ф. Федорова. Автором анализируется трансформация в романе Водолазкина платоновских идей преодоления смерти и символов кладбища, собрания и сохранения вещей.

Ключевые слова: современная русская проза, литературная традиция, антиутопия, русский космизм, мотив, сюжет, «Авиатор» Е.Г. Водолазкина, проза А.П. Платонова.

Для современной отечественной культуры и общественного сознания характерен интерес к советскому периоду русской истории, свидетельствующий о потребности в переосмыслении многообразного наследия советской эпохи, о влиянии опыта прошлого как на социально-экономическую, так и на философско-гуманитарную и литературную сферы. Ряд отечественных прозаиков в последние годы выпустили романы, отсылающие к советским литературным топосам и узнаваемой соцреалистической стилистике: К. Букша «Завод «Свобода», З. Прилепин «Обитель» (подробнее см., например, [Костырко, 2015]), Р. Сенчин «Зона затопления», Г. Яхина «Зулейха открывает глаза» и др. Активно обращается к советским воспоминаниям современная русская «женская проза» с ее семейно-бытовыми романами, посвященными, как правило, нескольким поколениям одной семьи. С другой стороны, как верно замечает В.А. Мескин в своем обзоре недавних «премиальных» прозаических новинок, «писатели обращаются в прошлое... чтобы объяснить настоящее» [Мескин, 2015, с. 69]). Напряженные современные поиски национальной идеи, отологических и этических оснований бытия заставляют писателей размышлять над культурной и социальной предметностью, над теми сложными связями, которые прослеживаются между актуальными проблемами нынешней России – и трагическим русским XX в.

Для творчества современного прозаика Е.Г. Водолазкина, лауреата престижных литературных премий, чей наиболее известный роман

«Лавр» переведен уже более чем на двадцать языков, тема истории, ее закономерности, ее восприятие личностью – одна из ведущих (см., например, [Вежлян, 2013]). И если «Лавр», повествующий о судьбе средневекового русского монаха, связан с современностью опосредовано (через концепцию спиралевидного движения времени, подобного трекам на музыкальной пластинке, позволяющего ввести в повествование современные эпизоды и совместить грамматические и стилевые приметы церковно-славянского и современного русского языков), то остальные тексты Водолазкина далеки от средневекового контекста: действие его романов «Похищение Европы» и «Соловьев и Ларионов», эссе из сборника «Инструмент языка», повести «Близкие друзья» разворачиваются в XX в. Вопросу взаимодействия современности с советским прошлым, очередной попытке нравственной интерпретации советского опыта, его влияния на общество и личность, посвящен новый роман писателя «Авиатор» (2016).

Формально редакторская аннотация относит «Авиатора» к популярному в массовой прозе жанру «альтернативной истории» [Гулярян, 2006]), сюжет кажется фантастическим: главный герой романа, художник и политический заключенный Иннокентий Платонов, в конце 1930-х гг. на Соловках становится участником эксперимента по крионике (осознанно выбирая заморозку как путь относительно безболезненного ухода из страшной реальности лагеря), но каким-то чудом доктору Гейгеру в конце 1990-х гг. удается «разморозить» и воскресить, вернуть к жизни человека совершенно иной эпохи, самосознания, мышления и нравственных качеств. Согласимся с критиками, что подобная завязка используется Водолазкин в качестве повода для утверждения принципиальных моральных и философских максим, за фантастическим допущением скрывается серьезный разговор о палачах и жертвах, о коллективной и индивидуальной вине и надежде на искупление, поскольку «центральная проблема романа – проблема времени, проблема истории. И разрешается (ставится?) она в двух плоскостях – личной и общественной. В общественной жизни, в большой истории события, по мнению автора, происходят как неизбежный результат того, что в тот или иной момент кипит внутри людей. Войны, лагеря, тоталитарные режимы – все это зеркало общественной души, на которое бесполезно пенять, поскольку единственное, что во власти человека, – изменить себя» [Филатов, 2016].

В частности, герой романа, которого поколение постсоветской эпохи считает «жертвой тоталитаризма», оказывается убийцей, «покаравшем» доносчика, но и после «разморозки» отчаянно нуждающимся в покаянии и прощении: *Господи, помилуй. Я сказал священнику:*

вот я покаялся на исповеди, что когда-то убил человека, но легче мне не становится. Священник мне ответил: ты просил прощения у Бога, Которого не убивал, – может быть, тебе попросить прощения у убитого? Боже мой, что же я могу сказать убитому, и услышит ли он меня оттуда? [Водолазкин, 2016, с. 404]. Безусловно, эта сложная этическая проблематика перекликается с философскими поисками русской литературы XIX и XX вв. (прежде всего, Ф.М. Достоевского), а идея воскресения как исцеления от греха – напрямую с евангельскими сюжетами об исцелении расслабленного при овчей купели и о воскрешении Лазаря (думается, не без определенной иронии отдел крионики, созданный на Соловках, кодируется у Водолазкина аббревиатурой «ЛАЗАРЬ» (Лаборатория по замораживанию и регенерации)): *Засытая, я думал о Лазаре. Его судьба была для меня единственной надеждой. <...> Я понимал, что обретение меня при разморозке живым исключено, но мне не хотелось уходить с чувством отчаяния. Господь воскресил Лазаря через четыре дня. <...> Думая сейчас о моей разморозке, я – ввиду количества ушедших лет – спрашиваю себя: не стала ли она воскресением целого поколения?* [Там же, с. 279].

С другой стороны, тема воскресения, физического или символического преодоления смерти – ключевая для русской литературы, философии, культуры XX в. Идея физического воскрешения умерших как высшего долга человечества по отношению к умершим поколениям (в общественном измерении) и детей по отношению к родителям (как личностная цель) сформулирована в монументальном трактате самобытного русского философа Н.Ф. Федорова «Философия общего дела» (первая публикация 1906 г.), основателя «русского космизма», повлиявшего на многие реальные советские научные проекты (Институт крови А.А. Богданова, природная регуляция и искусственное орошения, освоение космоса).

В этом смысле опыты по крионике академика Муромцева в романе Водолазкина – не «фантастика», а достаточно узнаваемая метафора советского общественного сознания: путь к «светлому будущему», миру без смерти, раю на земле (...мне как-то так спокойно подумалось, что после избиения на Секирке я попал прямо в Рай [Водолазкин, 2016, с. 206]), который лежит через фактическое умерщвление участников эксперимента. Неслучайно герой Водолазкина даже роняет фразу об «общем деле» [Там же, с. 213], которое сближает их с Муромцевым, но в котором у них, тем не менее, принципиально разные роли.

Не акцентируя специально, Водолазкин выстраивает повествование как своего рода ответ на советские утопические идеологемы и их антиутопические вариации в произведениях Е.И. Замятина, М.А. Булгакова,

А.П. Платонова. В списке книг, составленном Водолазкинским для портала «Книги моей жизни» [Водолазкин, 2015], указано одно из самых известных произведений, развенчивающих советское утопическое мышление, – «Котлован» А.П. Платонова. Вообще, для понимания социокультурного контекста романа фигура и творчество Андрея Платонова, писателя, на первый взгляд, очень далекого от творческой вселенной Водолазкина, представляются нам значительными, а платоновские мотивы и образы, обнаруживаемые в произведении, – важными для символики и метафизики романа.

Обратим внимание на наименование главного героя и основного повествователя «Авиатора» – Иннокентий Платонов. Имя имеет латинское происхождение («невинный») и связано с уже описанной выше диалектикой вины и невинности повествователя. Вероятно, оно является намеком на прощение, даруемое ему автором. Фамилия «Платонов» (и ласкательное прозвище «Платоша», которым награждает героя супруга Настя) ассоциируется в романе с философом Платоном («все, что включает имя Платон, несет в себе оттенок мудрости» [Водолазкин, 2016, с. 230]), а потому мы вправе говорить только о гипотетическом указании на образ писателя Платонова и платоновское творчество, – или же о знаменательном совпадении, которое может стать, тем не менее, определенным «кодом прочтения» для романа, поскольку позволяет объединить семантику «советского прошлого», «победы над смертью», преодоления истории – основные смысловые узлы романа.

Влияние уже упомянутой нами «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова на художественный мир и поэтику произведений Андрея Платонова установлено исследованиями Н.В. Корниенко [Корниенко, 1993] и С.Г. Семеновой [Семенова, 1988]. Более того, современный филологический интерес к русскому космизму и наследию Федорова во многом обусловлен как раз платоновской рецепцией его идей. Все ключевые платоновские герои, как «преобразователи» и «Дон-Кихоты революции», так и «созерцатели» и «сокровенные люди», видят в социальной революции средство для построения нового мира, в котором смерть будет уничтожена, а мертвые – воскреснут. Диалектика жизни и смерти раскрывается Платоновым и в «Котловане», и в «Чевенгуре», причем для этих текстов одинаково характерно установление взаимосвязи между мистически понимаемым коммунизмом и преодолением смерти. Соответственно, смерть героев будет маркировать неудачу социальных преобразований (см. авторское послесловие к «Котловану»: *Погибнет ли эссесерша подобно Насте или вырастет в целого человека, в новое историческое общество? <...> Автор мог ошибиться, изобразив в смерти девочки гибель социалистического поколения...*

[Платонов, 2009, с. 534]. В этом контексте соловецкая крионика, описанная Водолазкиным в реалистических тонах, и связанная с ней тема физического отрицания смерти, размытия границ времени и пространства, вполне соотносится с той одновременно физической и метафизической трактовкой смерти как социального зла и квинтэссенции тоталитарного (и любого ложного, противоестественно устроенного) общества, какой она предстает в платоновской вселенной, в частности, в «Котловане».

С другой стороны, тема воскрешения мертвых принципиально важна для героев Платонова и в аспекте развития сюжета «преодоления сиротства», когда, в соответствии с философией Н.Ф. Федорова, каждый человек объявляется сиротой, обреченным на потерю родителей и, соответственно, обязанным трудиться над их физическим воскресением. Во многом, именно федоровскими мотивами объясняются многочисленные кладбищенские сцены в романах и повестях Платонова, стремление его героев прикоснуться к миру мертвых, в окончательность уничтожения которых они, в сущности, не очень верят. Эта классическая «платоновская» коллизия неоднократно возникает и в романе «Авиатор»: Иннокентий Платонов испытывает постоянный интерес к кладбищам. По словам его супруги, *мы не впервые по кладбищу гуляем: у Платонова – как бы это выразиться? – некоторая слабость к таким прогулкам* [Водолазкин, 2016, с. 294]. Там же, на кладбище, Платонов случайно находит могилу старика из своего детства: *– Если раскопать эту могилу, – говорю Насте, – можно увидеть человека, которого в последний раз я встречал в 1905 году. Протяжный Настин взгляд на меня. Выразительно молчит. Кажется, она не хочет откапывать Терентия Осиповича* [Там же, с. 293]. Таким образом, для Платонова, перешагнувшего через смерть и несколько эпох, мертвецы в могилах – живы, они – еще люди, к ним обращаются по имени-отчеству. Более того, эти частые прогулки по кладбищам, на которых Платонов ищет знакомых, людей «своего времени», выполняют во многом именно федоровско-платоновскую функцию: очнувшись в конце 1990-х, символически «осиротевший» Иннокентий Платонов ищет «своих», тех, кто знал его когда-то, еще до смертного сна. Подобно героям «Чевенгура», мечтающим раскопать могилы своих близких, поскольку никакой смерти на самом деле нет, Платонов Водолазкина соединяет религиозное представление о бессмертии души с ощущением реальности телесного посмертного существования, которое не вызывает у него ужаса, брезгливости, страха.

Этот очень «платоновский» мотив устремленности живого к мертвому (и подразумеваемого зова мертвых к живым), эстетизации смерти как одной из форм жизни, логически разрешается в эксгумации Терентия

Осиповича, случайно осуществленной водоканалом, прокладывающим через кладбище коммуникации: *Одним движением приподнял крышку и сдвинул ее на край гроба. В бьющемся свете прожектора стали видны останки человека. Этим человеком был Терентий Осипович. Я узнал его сразу. Прилипли к черепу седые волосы. Торжественный мундир, почти не тронутый тлением. Таким, собственно, он был и при жизни. Отсутствовал, правда, нос, и на месте глаз зияли две черные дыры, но в остальном Терентий Осипович был похож на себя. Какое-то мгновение я ждал, что он призовет меня идти бестрепетно, но потом заметил, что у него нет и рта* [Водолазкин, 2016, с. 325–326]. Для героя Водолазкина, помимо метафоры физического соединения разорванного времени, встреча с Терентием Осиповичем на кладбище указывает на возможность покаяния перед убитым им соседом Зарецким: *Потом я ходил на кладбище. Взяв с собой Фемиду (статуэтку, орудие убийства. – Я.С.), снова говорил с рабом Божиим Николаем* [Там же, с. 404]. Убежденность в «бессмертии» мертвых, пребывающих на кладбище не столько в жутковатом мороке «Бобка» Ф.М. Достоевского, сколько в ожидании будущего воскресения, прообраз которого самому Платонову довелось пережить, дает герою надежду на прощение не в плане умозрительном, мистическом, но во вполне реальном, поскольку грань между живым и мертвым не представляется непроходимой.

В художественном мире «Авиатора» мертвые оказываются долговечнее живых, они не только присутствуют в памяти героя, но обладают неким «пакибытием», отменяющим привычные представления о времени, которое оказывается обратимым, неподвластным смерти и уничтожению: *Ведь настоящее покаяние – это возвращение к состоянию до греха, своего рода преодоление времени. А грех не исчезает, он остается как бывший грех, как – не поверите – облегчение, потому что раскаян. Он есть – и уничтожен одновременно* [Там же, с. 409]. По сути, Иннокентий Платонов сам возвращается к жизни для того, чтобы раскаяться, доказать бессилие и неокончателность смерти. Религиозная христианская семантика у Водолазкина (как и мистически-философская семантика в произведениях Андрея Платонова конца 1920-х – начала 1930-х гг.) обретает и физическое измерение. Антиутопический научно-социальный эксперимент по крионике наполняется искупительным смыслом в контексте личной судьбы и нравственной эволюции Иннокентия Платонова.

С темой обуздания и преодоления времени связан и сюжет записей, которые ведут трое главных героев романа: сам Иннокентий, его жена Настя и лечащий врач Гейгер. И если в начале повествования записи, которые делает Иннокентий, используются врачом как методика

пробуждения памяти, то постепенно для героя они становятся способом задержать время, а потому он просит записывать воспоминания и впечатления и своих близких: *Накануне Иннокентий попросил меня описать венчание. Я предложил снять венчание на видео. Он взял меня за руку и сказал: – Нет, опишите, пожалуйста, словами. В конечном счете остается ведь только слово* [Водолазкин, 2016, с. 340]. В понимании Иннокентия, важны именно детали, подробности, о которых не расскажут в учебниках: *Описания должны касаться чего-то такого, что не занимает места в истории, но остается в сердце навсегда* [Там же, с. 336]. Подобное собирание незначущих деталей свойственно и платоновским героям, стремящимся сохранить «вещество существования», восстановить то, можно назвать «полнотой бытия». В частности, Воцев в «Котловане» ничего не записывает, но собирает такие частицы отжившего: *Воцев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. «Ты не имел смысла житья, – со скупостью сочувствия полагал Воцев, – лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить* [Платонов, 2009, с. 416]. При разности подходов (собираание предметов и описание впечатлений) механизм поведения и логика героев типологически родственна: спасти от забвения и – в конечном итоге – от времени и уничтожения, сообщить смысл всему, что существует на земле и соприкасается с человеком, весь окружающий его ощущаемый мир, в котором отражается и продолжает отражаться человек и после физической смерти.

Обратим особое внимание на близость семантических и метафорических художественных решений, свойственных поэтике А.П. Платонова и Е.Г. Водолазкина и неслучайность подобных типологических сходжений. Объяснения этому явлению лежат, с нашей точки зрения, как в культурно-философской, так и в собственно литературной плоскостях. Прежде всего, исследовательский и читательский интерес к творчеству Платонова, масштабные научные конференции, издание собрания его сочинений в 2008–2009 гг., тома его писем в 2014 г., свидетельствует о современной востребованности этого писателя с его причудливым художественным сознанием и сложным восприятием советской действительности (о платоновских мотивах в современной русской прозе см. [Солдаткина, 2015]). Более того, платоновское мировидение позволяет показать советскую действительность во всей ее диалектической противоречивости: оттенить ее отрицательные стороны подавления человека, но и подчеркнуть мечты о справедливом обществе, поиски мистического счастья самоотвержения, в определенной степени,

смыкающиеся с религиозными православными идеалами. В этом отношении платоновские антиутопические образы становятся для Водолазкина, возможно, той отправной точкой, которая служит ему для характеристики духа воссоздаваемой эпохи, и, с другой стороны, для нового – философско-символического – взгляда на уже масштабно проработанный литературой и публицистикой исторический материал (в частности, быт и нравы Соловецких лагерей).

Но, представляется, не только культурно-исторический опыт платоновской прозы, но и ее поэтика находит свой отклик в художественном мире романа «Авиатор». Творчеству Платонова свойствен органичный сплав социальной и философской проблематики, повышенная символизация повествования, активное использование приемов овеществления метафор и метафоризации повседневности, проявляющиеся, в том числе, и в узнаваемой платоновской диалектике физического и метафизического в изображении и понимании смерти, взаимодействия небытия и бытия. Эти платоновские творческие открытия, вольно или невольно, продуктивно воплощаются в тексте «Авиатора», помогая передать принципиально важную для Водолазкина семантику преодоления смерти не только на мистическом, но и на телесном уровне, показать взаимозависимость и взаимообусловленность мира и человека, отражающего этот мир и – тем самым – привносящего в него смысл и, в конечном счете, бессмертие. Думается, для этих двух писателей-мыслителей типологические схождения могут простекать как из общего модернистского мировоззрения, свойственного обоим, так и из схождения в трактовке семантических и метафорических комплексов «жизни-смерти-бессмертия», «сохранения вещества», поисков путей нравственного переустройства общества и личности. Даже заглавная тема романа – тема авиатора как метафоры полета, потенциально оборачивающегося падением и смертью, возводится самим автором к стихотворению А.А. Блока «Авиатор», но при этом очень близка сюжету Москвы Честновой из платоновского романа «Счастливая Москва», что воспринимается как логичное следствие общности художественной логики писателей.

В заключении отметим, что для творчества Водолазкина в целом, и для романа «Авиатор» – в частности, принципиальной значимостью наделен философско-эстетический диалог с историей и культурой XX в., поскольку именно миропонимание человека эпохи рубежа веков и становится объектом художественной рецепции в романе. Проповедуемая писателем победа над разрушительной работой времени, над духовной и физической смертью находит свое соответствие в многообразных размышлениях русских писателей и поэтов XX в. над темой

бессмертия и нравственного возрождения/воскрешения как одной из форм адаптации и преодоления катастрофической реальности прошлого века, как способа принятия бытия. В этом смысле герой Водолазкина Иннокентий Платонов, никогда, судя по тексту, произведений Андрея Платонова не читавший, оказывается своего рода наследником и, возможно, собеседником его персонажей, символическим продолжателем их философских и нравственных поисков.

Библиографический список

Вежлян, 2013 – Вежлян Е. Присвоение истории // Новый мир. 2013. № 11. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_11/Content/Publication6_984/Default.aspx (дата обращения: 04.08.2016). [Vezhlyan E. Appropriation of the History. *Novyj mir*. 2013. № 11.]

Водолазкин, 2015 – Водолазкин Евгений. Книги моей жизни // Книги моей жизни. Библиотеки ярких людей. URL: <http://knigalife.com/person/pisateli/evgeniy-vodolazkin/> (дата обращения: 04.08.2016). [Vodolazkin Evgenij. The books of my life. *Knigi moej zhizni. Biblioteki jarkih ljudej*.]

Водолазкин, 2016 – Водолазкин Е.Г. Авиатор. М., 2016. [Vodolazkin E.G. *Aviator*. Moscow, 2016.]

Гуларян, 2006 – Гуларян А.Б. Жанр альтернативной истории как системный индикатор социального дискомфорта // Журнал Самиздат. URL: http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (дата обращения: 04.08.2016). [Gularjan A.B. The genre of alternative history as a systemic indicator of social discomfort. *Zhurnal Samizdat*.]

Корниенко, 1993 – Корниенко Н.В. История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 1–320. [Kornienko N.V. The history of the text and the biography of A.P. Platonov (1926–1946). *Zdes' i teper'*. 1993. № 1. Pp. 1–320.]

Костырко, 2015 – Костырко В. В поисках родового тела // Знамя. 2015. № 10. С. 184–190. [Kostyrko V. In search of the tribal body. *Znamja*. 2015. № 10. Pp. 184–190.]

Мескин, 2015 – Мескин В.А. По страницам «Большой книги» – 2014 // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 52–70. [Meskin V.A. The pages of «the Big book» – 2014. *Voprosy literatury*. 2015. № 2. Pp. 52–70.]

Платонов, 2009 – Платонов А.П. Котлован // Платонов А.П. Чевенгур. Котлован (Собрание). М., 2009. С. 411–534. [Platonov A.P. *Kotlovan [The Foundation Pit]*. *Platonov A.P. Chevengur. Kotlovan (Sobranie)*. Moscow, 2009. Pp. 411–534.]

Семенова, 1988 – Семенова С.Г. «Идея жизни» Андрея Платонова // Москва. 1988. № 3. С. 180–189. [Semenova S.G. «Idea of life» by Andrei Platonov. *Moskva*. 1988. № 3. Pp. 180–189.]

Солдаткина, 2016 – Солдаткина Я.В. Творческое наследие А.П. Платонова и семантико-эстетические поиски в современной русской прозе (А.Н. Варламов «Мысленный волк», А.В. Иванов «Ненастье») // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Литературоведение, Журналистика». 2016. № 1. С. 45–54. [Soldatkina Ja.V. The artistic heritage of A.P. Platonov and semantic and

aesthetic searches in contemporary Russian prose (A.N. Varlamov «The spiritual wolf», A.V. Ivanov «Foul weather»). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenie, Zhurnalistika*. 2016. № 1. Pp. 45–54.]

Филатов, 2016 – Филатов К. Хвалить нельзя ругать. Евгений Водолазкин. Авиатор [Рецензия] // Звезда. 2016. № 6. URL: <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2771> (дата обращения: 04.08.2016). [Filatov K. To praise not to criticize. Eugene Vodolazkin. Aviator [Review]. *Zvezda*. 2016. № 6.]

О.В. Барабаш

Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса

Цель статьи заключается в том, чтобы проследить, какие смысловые преобразования претерпевает правовой термин вне юридического дискурса, а также оценить возможные языковые и правовые последствия подобных трансформаций. Кроме того, в работе предлагаются критерии разграничения таких явлений, как деспециализация и детерминологизация, а также искажение (подмена) понятия, выражаемого термином.

Ключевые слова: юридический термин, смысловые трансформации, детерминологизация, деспециализация, подмена понятия, дискурс.

Для того чтобы уловить потенциальные тенденции смыслового развития слов, целесообразно исследовать и способы их индивидуально-творческого применения и преобразования...

В.В. Виноградов

Введение

Исследованию юридической терминологии посвящено немало работ. При этом задачи, возникающие перед исследователями, выстраиваются в двух направлениях – теоретическом (анализ юридической терминологии как системы, выявление структурно-семантических особенностей правовых терминов; определение способов образования терминов и т.п.) и практическом (оценка реального функционирования юридических терминов в процессе реализации правовых норм). Подобное деление носит условный характер и не предполагает, что эти направления существуют изолированно, напротив, они взаимодополняют друг друга: без теоретических обобщений не представляется возможным создание

унифицированной системы юридических терминов, отвечающей потребностям современного правового регулирования; в то же время именно правоприменительная практика порождает потребность в переосмыслении и дополнении имеющихся теоретических сведений, в поиске новых подходов к решению возникающих проблем.

Существенный вклад в разработку первого направления внесли труды известных отечественных ученых – С.П. Хижняка [Хижняк, 1997; 2007] и И.И. Чироновой [Чиронова, 2007]. Прагматические аспекты исследования юридической терминологии отражены в работах К.В. Бугаева [Бугаев, 2011], В.Ю. Туранина [Туралин, 2009; 2011], Н.Д. Голева [Голев, 2015] и др. Как юристы, так и лингвисты, оценивая функционирование юридических терминов в действующей отечественной правовой системе, обращают внимание на следующие проблемы: недостаточную упорядоченность юридической терминологии (наличие дублетов, синонимов, омонимов, полисемантов); отсутствие дефиниций для ряда терминов, выступающих ключевыми в соответствующем нормативном правовом акте; наличие официальных дефиниций, не отражающих в необходимой мере сущности правового понятия.

В то же время без оценки того, как юридический термин функционирует, выходя за пределы институционального дискурса, его анализ, в том числе в свете решения указанных проблем, представляется неполным. В связи с этим, цель статьи заключается в том, чтобы проследить, какие смысловые трансформации претерпевает правовой термин вне юридического дискурса, а также оценить возможные языковые и правовые последствия подобных преобразований. Кроме того, в работе предлагаются критерии разграничения таких явлений, как деспециализация и детерминологизация, а также искажение (подмена) понятия, выражаемого термином.

Материалом исследования служат тексты действующих нормативных правовых актов, демонстрирующие образцы официального толкования терминов, и исторические правовые документы; данные толковых словарей; фрагменты текстов художественных и публицистических произведений, а также публикаций, размещенных на различных интернет-ресурсах.

1. Деспециализация и детерминологизация терминов

Функционирование терминов за пределами специальной сферы принято рассматривать в свете процессов детерминологизации и деспециализации. Мы не преследуем цель подробного анализа различных точек зрения по поводу соотношения данных понятий, но заметим, что существует позиция, согласно которой деспециализация термина

является «этапом детерминологизации» [Лубожева, 2006]. Однако на практике деспециализация не всегда приводит к детерминологизации. При деспециализации, под которой понимается перемещение термина из специального текста в неспециальный, не наблюдается каких-либо структурно-семантических деформаций термина, а контекст может способствовать лишь выражению субъективного отношения (как правило, негативного) автора высказывания к явлению, обозначенному термином. При этом сам денотат остается прежним, меняется только сфера функционирования специальной лексемы. Иными словами, термин «деспециализация», на наш взгляд, характеризует *выход* специальной лексической единицы за границы профессиональной коммуникации, а «детерминологизация» подразумевает внутренние – структурно-семантические преобразования специальной лексической единицы, обусловленные ее переосмыслением на основе ассоциативных связей, в процессе деспециализации. Соответственно, деспециализация *может сопровождаться* детерминологизацией, являясь для последней не этапом, а условием.

Указанные процессы характерны и для правовой терминологии. Выходя за пределы юридического дискурса либо попадая в смежные с ним области, правовой термин вынужден «приспосабливаться» к новым для него условиям функционирования.

2. Правовой термин в дискурсах, смежных с юридическим

Неотъемлемым этапом процесса правоприменения является толкование текста закона, при котором абстрактную модель поведения, предписываемую правовой нормой, требуется спроецировать в область прагматики, приложить к конкретному фрагменту действительности. В силу того, что законы и подзаконные нормативные правовые акты адресованы широкому неопределенному кругу лиц и имеют важное социальное значение, толкование текста закона осуществляется на различных уровнях – от официального до обыденного. В теории права обыденное толкование понимается как вид неофициального и предполагает разъяснение содержания норм права (в том числе ключевых правовых понятий, отраженных в терминологии) неюрисстами, т.е. гражданами, не имеющими юридического образования, для собственных потребностей. При этом последние оказываются, с одной стороны, вовлеченными в процесс правовой коммуникации, а с другой – участниками, например, бытового общения либо адресатами сообщений СМИ. Соответственно, обыденное толкование норм права может происходить на пересечении различных типов дискурса, и юридический термин оказывается погруженным как в «привычные», так и в несвойственные для него контексты.

Одной из проблем, связанных с употреблением правовых терминов в юридическом дискурсе, является такая их смысловая трансформация, которая приводит к искажению (подмене) правовых понятий. Рассмотрим в качестве примера термин «залог»¹ и начнем лексикографический анализ с толкований, представленных в словарях.

Исходное значение толковые словари русского языка определяют следующим образом: *залог* – «Все то, что дается въ обеспечение займа или подряда. *Взять в залогъ недвижимое имѣніе*» [СЦСиРЯ, 1847, т. II, с. 32]; «Обеспечение каким-л. имуществом, какой-л. ценностью выполнения обязательств; обеспечение ссуды» [МАС]; «Обеспечение получаемой ссуды путем передачи кредитору какого-л. имущества или каких-л. ценностей» [БТС]; «Отдача (имущества) в обеспечение обязательств, под ссуду» [Ожегов, Шведова, 1999].

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона также выделяет компонент «обеспечение выполнения обязательства имуществом» в качестве исходной базы формирования значения слова *залог*, при этом включая в толкование компонент «ответственность за невыполнение обязательств»: «обеспечение обязательства или требования определенным имуществом должника, и притом так, что, в случае неисполнения, кредитор имеет право на удовлетворение из заложенного имущества, в чьих бы руках оно ни находилось» [Брокгауз, Эфрон, 1894].

Как видим, в словарных дефинициях прослеживается общий смысловой компонент «обеспечение выполнения обязательства имуществом». Сторонами правоотношений выступают должник (залогодатель) и кредитор (залогодержатель). В случае неисполнения обязательства кредитор имеет право обратитъ взыскание на имущество, т.е. предмет залога, продав его с торгов. Именно данное понимание рассматриваемого понятия лежит в основе отечественного залогового права. Обратившись к действующему законодательству, обнаруживаем, что как таковая дефиниция термина «залог» в нем отсутствует, однако в п. 1 ст. 329 Гражданского кодекса залог характеризуется как одна из форм обеспечения исполнения обязательств в одном ряду с неустойкой, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором [Гражданский кодекс]. Сущность залога как способа обеспечения исполнения основного обязательства состоит в праве кредитора (залогодержателя) потребовать реализации предмета

¹ Мы не будем рассматривать омонимичные слова: «залог» – «категория глагола, выражающая различные отношения действия к его субъекту или к его объекту» и «залог» – «никогда не паханная земля, целина».

залога и передачи ему вырученных по такой реализации денежных средств в размере, не превышающем суммы задолженности по обеспеченному обязательству [Информационное письмо].

Предметом залога, согласно п. 1 ст. 336, «может быть всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права, за исключением имущества, на которое не допускается обращение взыскания, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности, требований об алиментах, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом» [Гражданский кодекс]. Первоначально имущество *закладывалось* с целью получения ссуды, поэтому деньги не могли выступать в качестве предмета залога. Так, например, п. 32 Псковской судной грамоты (1397–1467) гласит: «Начавший искъ о возвратѣ занятыхъ денегъ по доскамъ и сверхъ того представивший закладъ¹ на платье, dospѣхи, лошадь или вообще на всякую движимость и если заложенная вещь стоитъ меньше цѣны иска, и отвѣтчикъ отопрется от заклада и скажетъ: я у тебя ничего не закладывалъ и ничего у тебя не занималъ; – становится владѣльцемъ заклада, а отвѣтчикъ оправдывается» [Псковская судная грамота, с. 12].

Дальнейшее расширение перечня обязательств, обеспечиваемых залогом, также не способствовало тому, чтобы деньги становились предметом залога: их невозможно продать с публичных торгов в случае неисполнения должником обязательств перед кредитором, а последнее является существенным признаком предмета залога. Исключение составляет случай, когда залогодержателем выступает государственный орган (например, суд) или государственный, муниципальный заказчик: в качестве предмета залога могут выступать денежные средства, которые в случае нарушения обязательств обращаются в доход государства. Так, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, «залог в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого либо обвиняемого» [Уголовно-процессуальный кодекс] и состоит во внесении им или другим лицом ценного имущества (в том числе денег) в целях обеспечения явки к следователю, дознавателю или в суд, а также предупреждения совершения новых преступлений, при этом подозреваемый (обвиняемый) выпускается из-под стражи. Подобный механизм применяется и при внесении залога в виде денежных средств за арестованное судно при возбуждении дела об административном правонарушении. Однако в целом в уголовном и административном праве понятие залога базируется на той же семантической модели, что и в гражданском праве.

¹ Анализ источников русского права («Русская Правда», «Псковская судная грамота», «Судебник 1497 года», «Соборное Уложение 1649 года») показал, что понятие залога эксплицируется в них через термины «заклад», «закладная грамота». В дальнейшем «заклад» был вытеснен более гибким по семантике «залогом».

Таким образом, термин «залог» входит в семантическое поле «обеспечение исполнения обязательств», при этом ситуация возникновения залогового правоотношения характеризуется модусом долженствования, предполагает наличие обязательства, должника и кредитора, а также предмета залога – движимого либо недвижимого имущества, на которое будет обращено взыскание в случае невыполнения основного обязательства.

Рассмотрим примеры употребления термина «залог» в различных контекстах:

- (1) *Сбербанк будет давать кредиты под залог ценных бумаг* [Сбербанк].
- (2) *Пятнадцать российских моряков, которых в прошлом году обвинили в нелегальном ввозе оружия в Нигерию, освобождены под залог до слушания по их делу, которое состоится в апреле* [Власти Нигерии].
- (3) *Я хотел купить частный дом и земельный участок, на котором он стоит, и ... оставил залог продавцу 100 000 руб.* [Интернет-портал «МОЛНЕТ.ру»].

Примеры (1) и (2) функционируют в информационно-аналитическом типе медиадискурса, имеющем гибридную сущность. Характер передаваемой информации, в частности, наличие финансово-правовых предпосылок для события, описываемого в примере (1), и юридических последствий события в примере (2), обуславливает пересечение медийного дискурса с правовым. Пример (1) иллюстрирует использование термина «залог» в его исходном значении, соответствующем нормам действующего законодательства. Все элементы, характеризующие залоговые правоотношения в данном контексте, присутствуют и выражены эксплицитно (предмет залога – *акции*, залогодержатель – *Сбербанк*, обязательство залогодержателя – *выдавать кредит*) и имплицитно (залогодатель – клиент Сбербанка и владелец акций, обязательство – погашение задолженности по кредиту). Пример (2) демонстрирует возникновение залоговых правоотношений по уголовно-процессуальному законодательству, и здесь рассматриваемый термин также употреблен в прямом значении.

По-иному «чувствует» себя термин «залог» в примере (3), который относит нас к иному типу дискурса, возникающему на пересечении правовой и обиходно-бытовой коммуникации. Результат интерпретации и использования в речи правового термина обусловлен в данном случае «фактором адресата» [см. Арутюнова, 1981, с. 358] – ментальными установками, уровнем правовой культуры, особенностями мышления

и другими характеристиками правопользователя, осуществляющего обыденное толкование норм права.

В контексте высказывания (3) рассматриваемый термин употреблен в несвойственном ему значении. Вероятно, произошло смешение понятий «залог» и «задаток» либо «залог» и «аванс». Толковые словари определяют исходное значение слова «задаток» как «часть денег, из договорной цѣны даваемая вперед» [СЦСиРЯ, 1847, т. II, с. 15]; «часть общей суммы, уплачиваемая вперед в обеспечение выполнения всего обязательства» [МАС]; «часть общей суммы, уплачиваемая вперед в счет выполнения обязательства или задания» [БТС]; «сумма, уплачиваемая вперед в обеспечение всего платежа» [Ожегов, Шведова, 1999]. Соответственно, значение слова «задаток» складывается из компонентов «деньги», «часть суммы», «предварительный платеж», «обеспечение обязательства».

Официальное определение, данное в ст. 380 Гражданского кодекса, гласит, что «задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения» [Гражданский кодекс]. При этом законодатель устанавливает ответственность сторон за неисполнение обязательств: «Если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны. Если за неисполнение договора ответственна сторона, получившая задаток, она обязана уплатить другой стороне двойную сумму задатка» [Там же]. Важно, что соглашение о задатке должно быть совершено в письменной форме, в ином случае внесенная сумма считается уплаченной в качестве аванса.

В свою очередь, под *авансом* принято понимать «предварительную выплату заказчиком некоторой денежной суммы в счет предстоящих платежей за поставляемые товары, выполняемые работы, услуги» [БТС]. Очевидно, что слова «задаток» и «аванс» оказываются в рамках семантического поля «предоплата». Однако в семантической структуре *аванса*, в отличие от *задатка*, отсутствует компонент «обязательство», поэтому и юридически аванс не является гарантией исполнения обязательства, в связи с чем может быть возмещен, если сделка не состоится.

Анализ семантики терминов «залог», «задаток», «аванс» подводит нас к следующим предварительным выводам. Термин «залог» принадлежит семантическому полю «способы обеспечения исполнения обязательств». Термин «аванс» представляет семантическое поле «предоплата». Термин «задаток» располагается в смежной области, образуемой этими полями. Графически эти отношения могут быть представлены в виде кругов Эйлера (рис. 1).

Рис. 1. Расположение значения терминов «здаток», «аванс», «предоплата»:

1 – семантическое поле «обеспечение исполнения обязательств»;

2 – семантическое поле «предоплата»; 3 – смежная область

С юридической точки зрения, залог и задаток относятся к способам обеспечения исполнения обязательств, однако обозначают различные правовые институты, поэтому взаимозамена соответствующих терминов недопустима даже в контекстах максимальной нейтрализации. Несмотря на то, что, например, в словаре Н. Абрамова слова «залог» и «здаток» приводятся в одном ряду [Абрамов, 1915], полагаем, что с лексической точки зрения их нельзя считать синонимами, т.к. именуемые ими экстенсионалы не просто различны, а связаны отношениями несовместимости, следовательно, мы можем квалифицировать рассматриваемые термины как когипонимы. Не случайно словарь З.Е. Александровой приводит в качестве синонимов к термину «залог» только слова «гарантия», «обеспечение» и устаревшее «заклад» [Александрова, 2001, с. 152]. Таким образом, в высказываниях, подобных примеру (3), употребление термина «залог» следует признать неверным: вместо него должны быть использованы *здаток* либо *аванс*, в зависимости от целей установок участников сделки.

Примечательно, что примеры подмены юридических понятий и неверного выбора термина можно встретить на интернет-порталах, позиционирующих себя как источник профессиональной юридической консультации, например: «Деньги, передаваемые в залог покупателем продавцу, обеспечат только обязательства покупателя купить квартиру, но никак не свяжут продавца в обязанности продать квартиру» [Всё о сделках]. Подобные высказывания не только иллюстрируют употребление юридически значимых слов в несвойственном значении, противоречат действующему законодательству и стандартам, регламентирующим деятельность риэлторов [Стандарт], но и вводят адресата высказывания – рядового правопользователя – в заблуждение, затрудняя реализацию его прав и законных интересов.

Причиной искажения значения юридического термина может оказаться небрежность журналистов в его употреблении при освещении

соответствующих правовых вопросов. Характерным примером является формулировка «материнский капитал», получившая широкое распространение в газетных публикациях, обиходно-бытовом общении и даже проникающая в научный дискурс в качестве предмета анализа.

Воспринимая формулировку «материнский капитал» как юридический термин, исследователи указывают на присущий ей манипулятивный потенциал, который заключается в том, что правопользователь вводится в заблуждение относительно прав мужчин на распоряжение данным видом средств, выделяемых государством для поддержки семей, имеющих детей. При таком подходе ответственность за возможность недобросовестной интерпретации термина возлагается на законодателя, осуществившего «неудачный выбор языковых средств для конструирования термина» [Мартышко, 2015, с. 109]. Однако обращение к действующему законодательству позволяет обнаружить, что термин имеет другую – трехкомпонентную – структуру и, начиная с первой редакции Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», продолжает фиксироваться как «материнский (семейный) капитал» [Федеральный закон]. В связи с этим полагаем, что проблема заключена не столько «в неудачном выборе языковых средств для конструирования термина», сколько в искажении его структурно-семантической организации при употреблении вне юридического дискурса и, как следствие, неверном толковании. Отметим, что в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг параллельно с первоначальным, развернутым, вариантом термина функционирует аббревиатура *МСК* (а не **МК*), образованная по первым буквам входящих в него лексем.

Более того, трехкомпонентная структура рассматриваемого термина, на наш взгляд, вполне соответствует содержанию правовой нормы, т.к. подчеркивает *очередность* возникновения у членов семьи права на дополнительные меры государственной поддержки: у *женщин*, родивших либо усыновивших второго, третьего ребенка или последующих детей; у *мужчин*, являющихся *единственными* (т.е. без женщины) усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей; а также у *ребенка* в оговоренных законом случаях. Полагаем, что использование сочетания «родительский капитал», предлагаемого Н.Ю. Мартышко, означало бы равные права матери и отца на получение предусмотренных законом средств и распоряжение ими и исключало бы указанные права ребенка. Это, в свою очередь, повлекло бы противоречия в практике применения данного закона и повысило бы количество судебных разбирательств. В связи с этим термин «материнский (семейный) капитал» следует признать отвечающим замыслу законодателя. Другое дело, что

двухкомпонентная языковая формула «материнский капитал» действительно получила широкое распространение как на страницах прессы, так и в бытовом общении. Возможно, причиной этого могла послужить действующая в разговорной речи тенденция экономии языковых средств, обернувшаяся для термина сужением объема обозначаемого правового понятия в процессе интерпретации усеченного варианта.

Таким образом, мигрируя в смежный с юридическим дискурс, правовой термин все еще сохраняет свои конститутивные признаки, однако результатом обыденного толкования термина может быть как совпадение, так и расхождение смыслов, вкладываемых законодателем и интерпретатором. В связи с этим проблема соотношения правового понятия и термина как его материальной оболочки выходит в сферу прагматики, актуализируя, с одной стороны, вопросы адаптации языка закона, а с другой – задачи повышения уровня правовой культуры в современном российском обществе.

3. Детерминологизация правовых терминов вне юридического дискурса

Одним из вариантов деспециализации правового термина вне юридического дискурса является утрата им конститутивных свойств в связи с выходом за пределы терминологической системы, иными словами, детерминологизация. Результатом детерминологизации может стать «превращение» термина в общеупотребительное слово или возникновение переносного значения, которое, в свою очередь, либо закрепляется в узусе, либо так и остается окказиональным. Предпосылками для непосредственного перехода термина в категорию общеупотребительных слов могут быть отсутствие синонимов в естественном языке; частота употребления слова носителями языка в практической деятельности; высокая предметно-логическая ценность смысла, выражаемого термином.

В русском языке лексемы, первоначально имеющие юридический смысл, а затем вошедшие в сферу общего употребления *без наслоения переносных значений*, немногочисленны (например, *брак* – «законно оформленные супружеские отношения», *опекун, налог*), т.к. для терминологии отечественного права характерен противоположный процесс – образование термина на основе общеупотребительного слова путем наращивания «смысловых компонентов, сознательно устанавливаемых законодателем и фиксируемых в нормативных правовых актах» [Барабаш, 2015, с. 41]. В то же время можно выделить целый ряд «консубстанциональных» [Гринев, 1995] терминов, которые в процессе деспециализации развили переносные значения, закрепившиеся в толковых словарях: *наследник, наследство, допрос, приговор, аванс,*

суд, кодекс, закон, законный, преступление, преступный, а также некоторые термины финансового права – кредит, капитал, сделка, вклад, банкротство, монополия и др.

Интересна в этом отношении история семантического развития слова «залог», уже ставшего предметом нашего рассмотрения с точки зрения синхронии. Его кодификацию, вероятно, следует соотносить с составленным в 1892 г. проектом Вотчинного устава, в разделе 1 которого появляется глава «О залоговом праве». Однако вполне очевидно, что еще до кодификации в юридическом акте слово «залог» в исходном значении функционирует именно в правовом поле, ср.:

(4) *Соглашаясь на мир, он требовал денег за убытки, им понесенные, и за кровь россиян, убитых в сражении с Мечиславом; отсрочил платеж, но хотел, чтобы ему отдали в залог область Люблинскую*
[Карамзин, 1808–1818].

Ситуация обеспечения обязательств реализуется и в тех случаях, когда предметом залога становится человек:

(5) *ежели они и их бояре целуют на том крест, что Игорю ничего не домогаться и быть отческим довольну, а сверх того дву предних бояр по сыну в залог даст, то он его отпустит*
[Татищев];

(6) *Отдаю в залог вам моего сына, Мамутека, – велел он сказать нашим полководцам: – сделаю все, чего требуете*
[Карамзин, 1809–1820]¹.

Как видно из примеров (4), (5) и (6), контексты употребления слова «залог» имеют отношение к правовому либо политическому дискурсу и вербализируют коммуникативную ситуацию заключения сделки, обеспечения договорных отношений.

В то же время, опираясь на данные, представленные Национальным корпусом русского языка, мы приходим к выводу, что до кодификации слово «залог» развивает переносное значение, которое сохраняется до сих пор, – «свидетельство, доказательство, обеспечение чего-л.; ручательство в чем-л.» [МАС]. В таком значении слово функционирует прежде всего в публицистике, научной и художественной литературе, ср.:

¹ Отметим также, что в примерах (5) и (6) имплицитно реализуется понятие заложника: «Человѣкъ, данный в обеспечение договора, аманатъ» [СЦСиРЯ, 1847, т. II, с. 32]. В настоящее время слово «заложник», восходящее исторически к «залогу», является термином уголовного права, который при деспециализации также может развивать переносное значение («заложник ситуации», «заложник чувств» и т.п.).

- (7) *Труд, так сказать, рычаг, залог всякого успеха!*
[Успенский, 1866].
- (8) *Мисс Жаксон, удостоверясь, что Лиза не думала поднять ее насмех, успокоилась, поцеловала Лизу и в залог примирения подарила ей баночку английских белил, которую Лиза и приняла с изъявлением искренней благодарности*
[Пушкин, 1960, с. 114].
- (9) *Залогом эффективности химической чистки является подбор оптимально подходящего к каждому конкретным условиям реагента для промывки теплообменников*
[Реагенты].
- (10) *Постепенное экономическое сближение КНР с Тайванем – залог снижения политического и идеологического накала напряженности по обеим сторонам пролива*
[Потапов, Салицкий, 2002].

Ядерный компонент семантики лексемы «залог» продолжает высвечиваться в переносном значении, однако компоненты, связывающие слово с правовой сферой, нейтрализуются, происходит расширение фразеологических связей, у слова появляется возможность сочетаться с абстрактными именами существительными (*успех, примирение, эффективность, снижение*).

Формирование переносных значений у правовых терминов и, следовательно, развитие полисемии обусловлено тем, что юридический термин призван номинировать процессы и явления, коммуникативно и когнитивно значимые на данном этапе развития общества. В.В. Виноградов показывает эту взаимосвязь на примере развития значений слова *кодекс* в русском литературном языке XIX в. Ученый пишет, что «в 20–40-е годы, когда перед русской передовой интеллигенцией встает с особенной остротой вопрос об общественно-политических убеждениях, слово *кодекс* из юридической терминологии переносится в сферу вопросов мировоззрения, жизненной морали и общественного поведения. Круг фразеологических связей у этого слова расширяется» [Виноградов, 1977]. В результате становятся возможными такие сочетания, как *кодекс дружбы, кодекс чести, кодекс житейской мудрости, кодекс нравственности, моральный кодекс, шахматный кодекс* и т.п., а толковые словари фиксируют у лексемы «кодекс» второе – переносное – значение: «совокупность правил поведения, привычек, убеждений и т. п.» [БТС].

Отметим, что если внутри терминологической системы права доминирующим механизмом полисемии является метонимия, то вне юридического

дискурса преобладает именно метафорическое переосмысление правовых терминов. В частности, окказиональная метафоризация правовых терминов встречается в заголовках газетных статей и интернет-публикаций («*Рецидивисты брака*» [Рецидивисты]; «*США и Россия: брак по расчету*» [США]; «*Коллективное фантастическое: приватизация воображения*» [Коллективное]), научных статей («*Дело о надежде открывается вновь*» [Филмор, 1981]); в названиях фильмов («*Адвокат дьявола*») и т.п.). Становясь «ингредиентом» метафоры, правовой термин обретает новые функции и коннотации, становится зависимым от контекста, расширяет лексическую сочетаемость и обрастает символическими смыслами. При этом «индивидуальное переосмысление слова, не получившее общественной санкции, обычно не меняет присущих этому слову значений» [Виноградов, 1977], т.к. для закрепления в узусе новое значение должно обрести свойства устойчивости и воспроизводимости.

В заключение отметим, что детерминологизация юридических терминов может сопровождаться фразеологизацией. Так, удачными с точки зрения носителей языка оказались языковые формулы *кредит доверия, залог успеха, залог любви, заложник обстоятельств, допрос с пристрастием, сделка с совестью*, получившие широкое распространение в употреблении.

Выводы

В силу такого свойства дискурса, как интертекстуальность, фрагменты юридического дискурса, в частности, терминология, проникают в другие типы дискурсов, образуя либо не образуя при этом смежную «территорию». Выходя за пределы юридического дискурса либо попадая в смежные с ним области, правовой термин вынужден «приспосабливаться» к новым для него условиям функционирования. Смежную «территорию» образуют, к примеру, юридический и информационно-аналитический дискурсы, когда для освещения каких-либо общественных событий требуется обращение к понятийному аппарату действующей правовой системы. Находясь в смежной области, термины употребляются в прямом значении, однако в отдельных случаях могут наблюдаться такие явления, как намеренное (манипулятивное) либо неосознанное искажение значения термина и подмена понятий. Результатом искажения значения термина становится его ограничительное или, наоборот, расширительное толкование. Подмена понятия свидетельствует об ошибочном применении термина, приводит к дисбалансу означающего и означаемого, затрудняет понимание высказывания. Деспециализация термина нередко сопровождается его детерминологизацией: термин становится общеупотребительным словом, сохраняя в значении признаки исходного понятия, либо являет собой вариант

индивидуально-творческого преобразования, обусловленного коммуникативным посылом автора высказывания.

Полагаем, что исследование семантических трансформаций правовых терминов вне юридического дискурса не только помогает уловить потенциальные тенденции их смыслового развития, но и дает возможность проследить особенности восприятия, понимания и интерпретации носителями языка тех явлений, которые регулируются действующим законодательством и фиксируются в системе правовых терминов. Не случайно на Первом всесоюзном совещании по терминологии В.В. Виноградов назвал историю терминологии «повестью о закономерностях развития знаний о природе и обществе» [цит. по: Петушков, 1972, с. 105]. Юридическая терминология в таком случае являет собой «повесть» о закономерностях развития правовых отношений.

Библиографический список

Абрамовъ, 1915 – Абрамовъ Н. Словарь русскихъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выражений. Изд. 4-е, доп. Пг., 1915. [Abramov N. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions]. Saint Petersburg, 1915.]

Александрова, 2001 – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2001. [Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, 2001.]

Арутюнова, 1981 – Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. М., 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367. [Arutyunova N.D. The Addressee Factor. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1981. Vol. 40. № 4. Pp. 356–367.]

Барабаш, 2015 – Барабаш О.В. Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2015. № 2. С. 39–51. [Barabash O.V. Differentiation between homonymy and polysemy of law terms. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Seriya: filologicheskie nauki*. 2015. № 2. Pp. 39–51.]

Брокгауз, Эфрон, 1894 – Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь: В 86 т. Т. XII (Жилы – Земпах). СПб., 1894. [Brokgauz F.A., Efron I.A. Entsiklopedicheskii slovar': v 86 t. [Encyclopedic Dictionary: in 86 vol.]. Vol. 12. Saint Petersburg, 1894.]

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. [Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big Dictionary of Russian language]. Ed. S.A. Kuznetsov. Saint Petersburg, 1998.]

Бугаев, 2011 – Бугаев К.В. Проблемы юридической терминологии (на примере криминалистики и судебной экспертизы) // Современное право. 2011. № 10. С. 23–27. [Bugaev K.V. Problems of law terminology (through the example of forensics and legal enquiry). *Sovremennoe pravo*. 2011. № 10. Pp. 23–27.]

Виноградов, 1977 – Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977.

С. 162–189. [Vinogradov V.V. The main types of lexical meaning of word. *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. Moscow, 1977. Pp. 162–189.]

Власти Нигерии – Власти Нигерии освободили российских моряков под залог // Голос Америки: информационный интернет-портал. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/russian-sailors-freed-in-nigeria-on-bail/1610477.html> (дата обращения: 7.07.2016). [Nigerian government frees Russian sailors for bail. *Golos Ameriki: informatsionnyi internet-portal*. 2013.]

Всё о сделках – Всё о сделках с недвижимостью. URL: <http://nedvicon.ru/kvartira/docs/dogovor-zadatka.html> (дата обращения: 7.07.2016). [Everything on real estate bussiness.]

Голев, 2015 – Голев Н.Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148. [Golev N.D. Juridical terminology in the context of doctrinal interpretation. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2015. № 4. Pp. 138–148.]

Гражданский кодекс – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=200855> (дата обращения: 7.07.2016). [Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 03.07.2016) [Civil code of Russian Federation (Part 1) dated 30.11.1994 №51-FL (dated 03.07.2016).]

Гринеv, 1995 – Гринеv С.В. Введение в терминографию. М., 1995. [Grinev S.V. *Vvedenie v terminografiyu* [An introduction to terminography]. Moscow, 1995.]

Интернет-портал «МОЛНЕТ.ру» – Интернет-портал «МОЛНЕТ.ру». URL: http://www.molnet.ru/mos/ru/purchase_and_sale_estate/o_40525 (дата обращения: 7.07.2016) [Internet-portal «MOLNET.ru»]

Информационное письмо – Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=17626> (дата обращения: 7.07.2016). [Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 15.01.1998 № 26 «Obzor praktiki rassmotreniya sporov, svyazannykh s primeneniem arbitrazhnymi sudami norm Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o zaloge». [Informational letter from Presidium of SAC dated 15.01.1998 № 26 «Review of practical experience of the resolution by arbitration courts of cases associated with the application of bailing norms of civil code of Russian Federation».]

Карамзин, 1809–1820 – Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. Т. 5 (1809–1820). Национальный корпус русского языка. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%EB%EE%E3&mode=main&p=160 (дата обращения: 7.07.2016) [Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t. [History of the Russian state: in 12 vol.]. 1809–1820. Vol. 5.]*

Карамзин, 1808–1818 – Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. Т. 3 (1808–1818). Национальный корпус русского языка. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%EB%EE%E3&mode=main&p=160 [Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t. [History of the Russian state: in 12 vol.]. 1809–1820. Vol. 3.]*

Коллективное – Коллективное фантастическое: приватизация воображения. URL: <http://www.vshm.science/blog/vvkornev/451/> (дата обращения: 7.07.2016). [Kollektivnoe fantasticheskoe: privatizatsiya vooirazheniya [Collective and fantastic: privatization of imagination].]

Лубожева, 2006 – Лубожева Л.Н. Роль профессиональной лексики в обогащении словарного состава общепотребительного языка (на материале экономической терминологии английского и русского языков): Автореф. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. [Lubozheva L.N. Rol' professional'noĭ leksiki v obogashchenii slovarnogo sostava obshcheupotrebitel'nogo yazyka (na materiale ekonomicheskoi terminologii angliĭskogo i russkogo yazykov). [The role of professional language in enrichment of vocabulary of common language (a case study of economic terminology). Author's abstract of the cand. diss.]. Chelyabinsk, 2006.]

Мартышко, 2015 – Мартышко Н.Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. [Martyshko N.Yu. Smyslovaya modifikatsiya terminov v sovremennom zakonodatel'nom diskurse [Semantic modification of terminology in modern legislative discourse]. Ph.d. diss. Volgograd, 2015.]

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стр. М., 1999. Т. 1 (А-Й). [Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Little Academy Russian Dictionary: in 4 vol.]. Ed. A.P. Evgen'eva. Moscow, 1999. Vol. 1.]

Национальный стандарт – Национальный стандарт профессиональной деятельности «Услуги брокерские на рынке недвижимости. Общие требования», утвержден Решением Национального Совета Российской гильдии риэлторов от 07.02.2002 г. (с изм. от 16.05.2012 г.) URL: <http://www.rgr.ru/Sertifikatsiya/Sertifikatsiya/Standard/default.aspx> (дата обращения: 7.07.2016). [Natsional'nyi standart professional'noi deyatel'nosti «Uslugi brokerskie na rynke nedvizhimosti. Obshchie trebovaniya» [National standard of professional activities «Broker services in real estate market» (dated from 16.05.2012)].]

Ожегов, Шведова, 1999 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. 1999. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, 1999.]

Петушков, 1972 – Петушков В.В. Лингвистика и терминоведение // Терминология и норма (О языке терминологических стандартов): Сб. ст. / Отв. ред. В.П. Даниленко. М., 1972. С. 102–116. [Petushkov V.V. Linguistics and terminology. *Terminologiya i norma (O yazyke terminologicheskikh standartov)*. Ed. V.P. Danilenko. Moscow, 1972. P. 105.]

Потапов, Салицкий, 2002 – Потапов М., Салицкий А. Китай в ВТО: что делать России? // Проблемы Дальнего Востока. 28.10.2002. Национальный корпус русского языка. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%EB%E3&mode=main&p=46 (дата обращения: 7.07.2016). [Potapov M., Salitsky A. China in the WTO: What will Russia do? *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2002. №. 4. Pp. 55–77.]

Псковская судная грамота – Псковская судная грамота (1397–1467): Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста / Сост. И.И. Васильев, Н.В. Кирпичников. Псков, 1896.

[Pskovskaya sudnaya gramota (1397–1467): Podlinnaya i v perevode na sovremennyi yazyk s primĕchaniyami po ustanovleniyu perevodnogo teksta [Pskov Judicial Charter (1397–1467): Original and translated to modern language with notes on translated text]. Content by I.I. Vasilev, N.V. Kirpichnikov. Pskov, 1896.]

Пушкин, 1960 – Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. / Под общей редакцией Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. Т. 5. Романы и повести. М., 1960. [Pushkin A.S. Baryshnya-krest'yanka [Mistress into Maid]. *Sobranie sochinenii v 10 t.* Eds. D.D. Blagoi, S.M. Bondi, V.V. Vinogradov, Yu.G. Oksman. Vol. 5. *Romany i povesti.* Moscow, 1960.]

Реагенты – Реагенты для промывки теплообменников. URL: http://www.a-filter.ru/reagenty_dlya_promyvki_teploobmennikov (дата обращения: 7.07.2016). [Reagenty dlya promyvki teploobmennikov [Reactive chemicals for cleaning heat-exchange units].]

Рецидивисты – Рецидивисты брака. URL: https://lady.mail.ru/forum/topic/recidivisty_braka/ (дата обращения: 7.07.2016). [Retsidivisty braka [Marriage recidivists].]

Сбербанк – Сбербанк будет давать кредиты под залог ценных бумаг // ИА «Банки.ру». 03.04.2012. URL: <http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=3716426> (дата обращения: 7.07.2016). [Sberbank will offer credits charged upon paper]. *IA «Banki.ru»*. 03.04.2012.]

СЦСиРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка / Сост. вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. II. 3-Н. СПб., 1847. [Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka [Old Church Slavonic and Russian dictionary]. Vol. II. Saint Petersburg, 1847.]

США – США и Россия: брак по расчету. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/russia-usa-relations/1639781.html> (дата обращения: 7.07.2016). [*SShA i Rossiya: brak po raschetu* [USA and Russia: marriage of convenience].]

Татищев, 1750 – Татищев В.Н. История российская в семи томах. Т. 2 (1750). Национальный корпус русского языка. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%EB%EE%E3&mode=main&p=166 (дата обращения: 7.07.2016). [Tatishchev V.N. *Istoriya rossiiskaya v semi tomakh* [Russian history in 7 vol.]. Vol. 2. 1750.]

Туранин, 2009 – Туранин В.Ю. Типология ошибок использования юридической терминологии в российском законодательстве // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 12–14. [Turanin V. Yu. Typology of errors using legal terminology in Russian legislation. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2009. № 8. Pp. 12–14.]

Туранин, 2010 – Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования: Монография. М., 2010. [Turanin V. Yu. *Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossiiskom zakonodatel'stve: teoreticheskie i prakticheskie problemy ispol'zovaniya*. [Juridical terminology in the modern Russian legislation: theoretical and practical problems of usage]. Moscow, 2010.]

Уголовно-процессуальный кодекс – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=201018> (дата обращения: 7.07.2016). [Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (ot 15.07.2016)]

[The Criminal Procedure Code of Russian Federation dated 18.12.2001 № 174-FL (dated 15.07.2016).]

Успенский, 1866 – Успенский Н.В. Федор Петрович (1866). Национальный корпус русского языка. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%EB%EE%E3&mode=main&p=167 (дата обращения: 7.07.2016). [Uspenskii N.V. Fedor Petrovich. 1866.]

Федеральный закон – Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 7.07.2016). [Federal Law dated 29.12.2006 № 256-FL (dated 30.12.2015).]

Филмор, 1981 – Филмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика / Сост., общ. ред. и вступит. ст. В.А. Звегинцева. М., 1981. [Fillmore C. The case for case reopened. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vol. 10. Ed. V.A. Zvegintsev. Moscow, 1981.]

Хижняк, 1997 – Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов, 1997. [Khizhnyak S.P. *Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav* [Legal terminology: formation and vocabulary]. Saratov, 1997.]

Хижняк, 2007 – Хижняк С.П. Семантические свойства юридического термина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 104–112. [Khizhnyak S.P. Semantic properties of legal term. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2007. № 2. Pp. 104–112.]

Чиронов, 2007 – Чиронов И.И. Теоретические основы анализа юридической терминологии // Современные гуманитарные исследования. 2007. № 6. С. 142–148. [Chironova I.I. Theoretical framework for legal terminology analysis. *Sovremennye humanitarnye issledovaniya*. 2007. № 6. Pp. 142–148.]

Н.Ю. Гвоздецкая

Именные композиты в древнеанглийском поэтическом тексте (синтактико-нарративный аспект)¹

В статье рассматриваются древнеанглийские именные композиты (N + N) с точки зрения их места в синтаксических и нарративных структурах текста. Анализируется внутренняя семантическая форма и диффузная семантика субстантивных эпитетов в ее отношении к предикативным конструкциям. Обсуждается связь композитов с приемами построения аллитерационного стиха и эпического повествования, в частности, эпической вариацией. Показана их близость формульным словосочетаниям и роль в создании эпической образности героического и религиозного плана в поэмах «Беовульф» и «Елена».

Ключевые слова: именные композиты, синтаксис, семантика, аллитерационный стих, древнеанглийская поэзия, «Беовульф», «Елена».

Именные композиты («имя + имя») являются важной составляющей древнеанглийского поэтического словаря и текста. До сих пор они рассматривались преимущественно в двух аспектах: как источник поэтической образности, с одной стороны, и как удобное средство построения аллитерационного стиха – с другой [Buckhurst, 1929; Brodeur, 1968; Brady, 1979, 1983; Mazo, 1991 и др.]. В настоящей работе предпринята попытка оценить их значение в плане построения поэтического высказывания и их роль в развертывании эпического повествования, т.е. в синтактико-нарративном аспекте.

Древнеанглийский стих рассматривается здесь, вслед за О.А. Смирницкой, как разновидность германского аллитерационного стиха, сложившегося в ту пору, когда эпический поэт-сказитель еще не отделял сочинения от исполнения. Данная особенность обусловила неотчлененность метрических схем архаического стихосложения от клишированных (формульных) моделей поэтической речи, удовлетворявших потребностям импровизированного воспроизведения эпических тем и мотивов. Подобные модели и их элементы, закрепившиеся как основа построения краткой и долгой строки (важнейших и взаимосвязанных единиц древнеанглийского поэтического текста), сохранились

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 14-04-00580 «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира».

и в первые века переноса поэтического творчества на пергамент, составив в конечном итоге особую наддиалектную языковую форму – древнеанглийский поэтический язык¹.

Поэтический композит, согласно О.А. Смирницкой, послужил образцом для формирования акцентных моделей краткой строки². Вместе с тем, на наш взгляд, в синтаксическом и семантическом плане он и сам приобрел особые черты, в которых проявляется диалектика «данности» и «созидания», свойственная эпической импровизации. Таким образом, древнеанглийские поэтические композиты, как и другие лексические «поэтизмы» – это не просто отдельные, не свойственные общенародному языку вкрапления в поэтическую речь, а необходимые элементы, отвечающие самим условиям ее существования.

Зародившись в героико-эпическом повествовании языческих времен, древнеанглийский поэтический композит сохранил свою природу и в религиозном эпосе времен христианизации Англии. Сравним употребление композитов в героико-эпической поэме «Беовульф», повествующей о схватках Беовульфа с чудовищами, и в христианской поэме «Елена», рассказывающей о битвах с язычниками императора Константина и об обретении Креста Господня его матерью Еленой³. Несмотря на то, что Кюневульф, автор «Елены», в отличие от анонимного поэта «Беовульфа», вписал свое имя рунами в концовку поэмы, его творчество в целом остается в рамках тех же эпических тем и той же эпической фразеологии, хотя и отсылающих к иным реалиям.

Зачин «Беовульфа», составляющий три долгих строки, содержит три композита с субстантивным эпитетом, построенных по модели словосложения «имя + имя». Подобные композиты, преобладающие в древнеанглийской поэзии, часто включают в качестве первого компонента существительное с качественным значением (ср. в русском фольклоре «бой-баба», «жар-птица» и т.п.) [Стеблин-Каменский, 2003, с. 492–513], что видно и в указанном примере:

*Hwæt, we Gar-Dena
in geardagum
þeodcyninga
þrym gefrunon
hu þa æðelingas ellen fremedon (1–3)*

¹ Ср. «...канонизация аллитерационного стиха имеет своей необходимой стороной одновременную системную реорганизацию языка, то есть превращение его в особую форму существования языка – поэтический язык» [Смирницкая, 1988, с. 5].

² Ср. «Ключевую роль в канонизации КС (краткой строки – Н.Г.) играет сложное слово» [Там же, 1988, с. 22].

³ Подробнее о синтактико-нарративных функциях композита в «Беовульфе» см. [Гвоздецкая, 1995].

Что ж, мы храбрых данов (букв. копье-данов)
 в давние дни (букв. год-дни) //
 великих конунгов (букв. племя-конунгов)
 славу узнали,
 как те витязи
 подвиги совершали¹.

Однако значение этого качественного имени нередко настолько расплывчато, что скорее создает целостный многопризнаковый образ, разворачивающийся далее в повествование, чем просто служит украшающим эпитетом, указывающим на некий частный признак. Композиты в данном зачине идентифицируют тему и героев эпического рассказа, отмечая, в том числе, отделяющую их от аудитории эпическую дистанцию.

Нечто подобное можно заметить в более пространным зачине «Елены» (десять строк с семью композитами), хотя и в модифицированном виде:

*Ʒa wæs agangen
 geara hwyrftum
 tu hund ond þreo
 geteled rimes
 swylce þrittig eac
 þinggearces
 wintra for worulde
 þæs þe wealdend God
 acenned wearð
 cyninga wuldor
 in middangeard
 þurh mennisc heo
 soðfæstra leoht;
 þa wæs syxte gear
 Constantines
 caserdomes
 þæt he Romwara
 in rice wearð
 ahæfen hildfruma
 to hereteman (1–10)²*

¹ Здесь и далее текст «Беовульфа» цитируется с указанием номеров строк по изданию [Beowulf, 1990]. Перевод автора статьи.

² Здесь и далее текст «Елены» цитируется с указанием номеров строк (без обозначения долгот) по изданию [Cynewulf's Elene, 1996]. Перевод автора статьи/

Тогда прошло
 (букв.) поворотом лет
 две сотни и три
 числом сосчитаны
 и также тридцать
 (букв.) меры вещей
 зим в миру,
 как Владыка Бог
 родился,
 конунгов слава
 в срединном мире,
 в человечьем обличье
 праведных (букв. твердых в истине) свет;
 шел год шестой
 Константина
 кесаря власти,
 когда он в римской (букв. обитателей Рима)
 стал державе
 возвышен битвоводитель
 до воеводы.

В отличие от «Беовульфа», где имя героев сразу включается в рамки недосягаемого эпического времени (*Gar-Dena – in geardagum*), в зачине «Елень» сделана попытка указать точную дату начала царствования Константина, соотносенную с рождением Христа. Однако числовой отсчет перемежается здесь с иными выражениями, отсылающими к дохристианским представлениям. Генитивный оборот *geara hwyrftum* «поворотом лет» вызывает в памяти образ поворота прялки, т.е. восприятия времени как нитей судьбы, которые прядут норны, а синтаксически параллельный ему композит *þinggemearces* «меры вещей» намекает на неотчлененность времени от происходящих событий, что тоже характерно для мифологического сознания [Стеблин-Каменский, 2003, с. 252].

Два композита отсылают к историческим реалиям эпохи Константина (*Romwara* «обитателей Рима» и *caserdomes* «правления кесаря»), их первые члены служат логическими определениями вторых; то же, вероятно, в именовании праведников как *soðfæstra* «твердых в истине». Наименования Христа представлены формульными выражениями христианского и героико-эпического плана (с преобладанием генитивных конструкций: *wealdend God – cyninga wuldor – soðfæstra leoht* «Владыка Бог – конунгов слава – праведных свет»), но Константин получает однозначно героические эпитеты: *ahæfen hildfruma / to hereteman* «возвышен

битвоводитель / до воеводы». Вполне можно увидеть здесь отзвук реального события – возведения Константина в ранг цезаря¹.

Однако с синтактико-нарративной точки зрения важно, что завершающие весь этот пассаж, на первый взгляд, тавтологичные композиты задают дальнейшую тему битвы. Фонетическое и смысловое сопряжение их первых компонентов в тексте не только подготавливает переход к «портрету» вождя, но и иными способами воспроизводится на протяжении всего эпизода столкновения римского правителя с варварами. Это может достигаться за счет:

1) расширения композита с целью заполнения краткой строки (*heria hildfruma* (101a) «битвоводитель войск»);

2) включения первых компонентов в аллитерационную коллокацию для построения строки долгой (*hrora to hilde*; / *here wicode* (65) «...смелых на битву; / войско остановилось»);

3) построения устойчивых формульных словосочетаний, повторяющихся на небольшом отрезке текста (*hergum to hilde* (32a) «войска на битву»; *herge to hilde* (52a) «войско в битву»).

В последнем случае формульный повтор служит соотносению действий варварского и римского войска. В той же мере формульный повтор предложного оборота с композитом соотносит служение Константина со служением Христа, ср. *geond middangeard / mannum to hroder* (16) «в срединном мире / человекам в утешение» (о Константине) и *in middangeard / þurh mennisc heo* (6) «в срединном мире / в человеческом облике» (о Христе).

Таким образом, лексико-семантическая структура композитов, представленных в зачине, может обыгрываться далее синтактико-нарративными средствами с целью раскрытия эпической темы, повтор же композитов в сочетании с синтаксическим параллелизмом имеет результатом акцент смысловых переключек в тексте. Можно даже сказать, что сам художественный эффект связан в древнеанглийской аллитерационной поэзии с умением поэта подобрать или создать такое сложное имя, которое бы содержало в своем ассоциативном поле «зародыш рассказа», отвечая при этом ожиданиям аудитории, т.е. канонам эпического повествования.

Обратимся к следующему за зачином «портрету» Константина. Не одни только видимые словесные переключки сближают его с приемами построения текста в «Беовульфе», ср.: *ædelinges weox // rice under roderum*; / *he wæs riht cyning* (Elene, 12b–13) «выросла князь // держава под небом; / он был истинный конунг» и *weox under wolcnum*, / *weorðmyndum þah... <...> / þæt wæs god cyning* (8–11) «возрос под

¹ О возможных исторических реалиях в поэме см. [Гвоздецкая, 2005].

облаками, / славой процвел... / добрый был конунг». Обращает на себя внимание, что и том, и в другом «портрете» похвала герою не обходится без композитов. В «Беовульфе» некоторые из них могут показаться всего лишь метафорами, украшающими описание эпического антуража – *meodosetla* (5b) «медовые скамьи» (сидения на пиру), которых лишились враги Скильда из-за его набегов; *hronrad* (10a) «китовый путь» (море), по которому союзники везли ему дань. Следует, однако, вспомнить, какую роль играет в поэме образ разоренного пиршественного дворца или морские путешествия, чтобы ощутить глубокую связь этих внешних атрибутов с самим повествованием. Не менее значим в этом отношении и композит *weorðmynd* (букв. «память о достоинстве (достойных делах)»), т.е. добрая репутация Скильда среди людей, слава, выступающая сквозным мотивом. Далее Унферт пытается поставить под сомнение репутацию Беовульфа (499–528); «помни о славе» (659a) – напутствует Хродгар героя перед сражением; концовка поэмы включает посмертное прославление дружинниками Беовульфа (3169–3182).

В «Елене» композитами начинается и завершается характеристика Константина:

*Wæs se leodhwata
lindgeborga
eorlum arfæst... <...>
he wæs riht cyning,
gudwearð gumena* (12–14a)

Был тот храбрый (букв. «народ + храбрый») воин (букв. «щит + защитник») к эрлам щедр... он был истинный конунг, (битво-)защитник воинов.

Два первых композита получают неоднозначные интерпретации, допускается даже возможность конъектуры: *lindhwata leodgeborga* [Synewulf's Elene, 1996, p. 25]. Недоумение разрешается, если учесть, что субстантивные эпитеты действительно взаимозаменяемы в композитах по причине своей широкозначности: и *leod* как обозначение целого племени или его вождя, и *lind* как обозначение вооружения (щит) отсылают в данном случае не к конкретным предметам, а к их ассоциативному полю, включающему сему «воинственность», которая присутствует, только в более явном виде, и в первом компоненте *gudwearð*. В сущности, завершающий «портрет» генитивный оборот *gudwearð gumena*, варьирующий и поясняющий выражение *riht cyning*, полностью

повторяет семантику *leodhwata lindgeborga*. Семантико-синтаксическое «наращивание» этих наименований вождя выполняет нарративно-художественную функцию в тексте, подготавливая рассказ о битве, где Константин и проявил воинственность, и защитил свое войско. Конъектура, предполагающая перестановку эпитетов, ничуть не изменила бы смысла, но сама ее возможность, на наш взгляд, обнаруживает и подтверждает «потенциальный» характер поэтических композитов, большинство из которых не столько воспроизводятся, сколько, наряду с другими формульными выражениями, созидаются в процессе творчества поэтом, чутким к их смысловому потенциалу.

Подобные связи композита с нарративной организацией текста просматриваются не только в самой композиции поэмы, но и на других уровнях, теснее связанных с собственно синтаксическими структурами. Объединяя в себе две нерасчлененные стороны эпического творчества (воспроизведение и сочинение), композит используется в тексте как арена взаимопревращений номинации и предикации. Будучи именем, он называет и отождествляет. Как сложное имя, он приглашает к развертыванию в сообщении и одновременно может выступать средством запечатления рассказа в образе¹. Остановимся подробнее на этих функциях композита, зародившихся еще в эпоху устного творчества. Начнем с «Беовульфа».

Обращает на себя внимание нередкое тождество внутренней семантической формы композита и синтаксически соотнесенного с ним предикативного глагольного выражения. Приведем примеры из сцены сражения героя с великаном Гренделем в «Беовульфе»: *Com on wanre niht // scriðan sceadugenga* (702b–703a), *þæt hie ne moste, / þa Metod nolde, // se scynscaða / under sceadu bregdan* (706–707), *mynte se manscaða / manna cynnes // sumne besyrwan / in sele þam hean* (712–713), *onbræd þa bealohydig, / þa he gebolgen wæs, // recedes muþan* (723–724a), *ond se ellorgast // on feonda gewæld / feor sidian* (807a–808).

В подобных примерах наглядно воспроизводится соотнесенность сложного слова и высказывания. Поэт рассказывает о посещении Гренделем дворца Хеорот, опираясь на имена-эпитеты, воссоздающие целостный образ чудовища. Их употребление в точности соответствует ситуации: каждое из них появляется в тексте тогда, когда Грендель собирается совершить то действие, которое запечатлено в его имени. *Sceadu-genga* «во-тьме-ходящий» приходит ночью (702b–703a),

¹ Ср. «Границы между единицами языка, словами, и единицами речи, словосочетаниями, закономерно оказываются здесь подвижными, нечеткими. Слова могут создаваться эпическим поэтом в процессе творчества, а словосочетания, напротив, могут воспроизводиться как целостные единицы, унаследованные из традиции» [Смирницкая, 1982, с. 194].

scyn-scaða (или *man-scaða*) «демон» (букв. «зло-вредитель») собирает-ся заманить и унести воинов во тьму (706–707, 712–713), *bealo-hydig* «зло-замышляющий» врывается во дворец разъяренным (723–724а), *ellor-gast* «дух-изгнанник», потерпев поражение в схватке с Беовульфом, отправляется в дальний путь (807а–808). Наименования Гренделя отражают разные аспекты ситуации: внешнюю обстановку, действия чудовища, внутренние мотивы его поведения, отношение к людскому сообществу. Их последовательная смена в тексте одновременно и движет вперед сюжет, и отражает разные стороны образа чудовища, причем имя и глагольное сочетание оказываются как бы взаимобратимыми: тем, чем герой стал (и это воплощено в его имени), он беспрерывно снова и снова становится в повествовании и таковым остается в памяти слушателя (или читателя)¹.

Итак, поэтический композит способен «резюмировать» предикативные структуры текста. Характерно, что нередко композит появляется в составе эпической вариации, которая в древнеанглийской поэзии напоминает пение на два голоса. Один голос, вариант (чаще во второй краткой строке) ведет тему, движет рассказ вперед посредством предикативных сочетаний «имя + личная форма глагола». Другой голос, вариант (чаще в первой краткой строке) не торопит повествование, но, напротив, приостанавливает его, как бы «сгущает» тему, давая ей «отвердеть» в именах, нередко скрепленных двойной аллитерацией, сравни в «Беовульфе»: *oðð þæt seo geogod geweox, // magodriht micel* (66b–67a) «пока это юное войско не выросло, // сородичей дружина великая». Композит-варианс – это не просто повторное наименование того же референта, а свернутое высказывание, или «высказывание-образ». Приведем еще пример из «Беовульфа», где высказывание-рассказ сообщает о событии, а следующее высказывание-образ обобщает его в насыщенной коннотациями композитной группе: *þa wæs æfter wiste / wop up ahafen, // micel morgensweg* (128–129а) «Тогда после пира / плач поднялся, // великий утренний вопль». Подобный композит обладает соответствующими импликациями в тексте, сравни в «Беовульфе»: *naefne him his wlite leoge, // ænlic ansyn* (250b–251a) «если только лицо его не обманчиво, // необычная внешность», или: *beran ofer bolcan / beorhte randas, // fyrdsearu fuslicu. / Hine fyrwyт bræc* (231–232) «несли над поручнями / щиты блестящие, // боевые доспехи яростные. / Его любопытство разобрало». В первом примере «необычная внешность» подразумевает высказывание «ведь у него такая необычная внешность, что можно ожидать многого». Во втором примере вариант предвосхищает и оправдывает

¹ О нарративной природе формульности и эпической вариации в древнеанглийском поэтическом тексте подробнее см. [Гвоздецкая, 2004].

реакцию стража (любопытство) на появление дружины Беовульфа у датских берегов: фраза «боевые доспехи яростные» в данном контексте может подразумевать «что-то уж слишком воинственно выглядят эти щиты».

Нечто подобное встречаем и в «Елене». Сообщая о том, что у императора Константина недоставало войска для борьбы с врагами (и потому его спасло только Божественное вмешательство), в сцене, предшествующей видению Креста, поэт говорит:

*hæfde wigena to lyt
eaxlgestealna
wið ofermægene
hrora to hilde (63b–65a)*

слишком мало имел воинов,
сподручников
против силы чрезвычайной
храбрых в битве (т.е. варваров – *Н.Г.*).

Прямое наименование воинов варьируется здесь композитом, который точно отвечает данной ситуации и согласуется по смыслу с предшествующей глагольной группой: мало было у него *eaxlgestealna* «у [его] плеча стоящих» (помощников). Ср. также включающее композит метафорическое наименование кольчуги, паратактически соединяемое с наименованием копья: *garas lixtan, // wriðene wælhrencan* (23b–24a) «копья сверкали, // витые звенья смерти». Подобный способ построения поэтического высказывания, весьма характерный для древнеанглийской поэзии, может показаться нелогичным современному читателю. Однако речь, на наш взгляд, идет не об отождествлении кольчуги и копья, и даже не о том, что копья сверкали наряду с кольчугами. Широкозначная лексема *wæl* «павшие в битве; поле боя, битва, смерть» в роли субстантивного эпитета означает подтекст, подразумевающий смертельную опасность, которую несет с собой сверкающее вооружение врага; в этом смысле композит становится аналогом предшествующего высказывания.

Данную функцию в тексте – назовем ее имплицативной – поэтические композиты разделяют, разумеется, с другими формульными выражениями, особенно генитивными конструкциями, которые способны выступать лексико-семантическими дублетами композитов, ср. в «Беовульфе» синонимы вождя: *beag-gyfa* (1102a) «кольцедаритель» и *beaga brytta* (35a, 352a, 1487a) «дробитель колец». Первое наименование дважды встречается в «Елене» (100a, 1198a). Интерес

представляет непосредственная соотнесенность в тексте их семантики с содержанием окружающих предикативных конструкций. Генитивный оборот в «Беовульфе» регулярно стоит в позиции варианса, предвосхищая или обобщая смысл рассказываемого. Так, в описании погребения Скильда прямое наименование «любимого вождя» (*leofne þeoden*) синтаксически дублируется перифразой *beaga brytta* «дробителя колец», поскольку его полагают в «лоно корабля» (*on bearm scipes*) вместе с его сокровищами (34–37). В эпизоде беседы Беовульфа со стражем, который должен допустить его во дворец к королю данов, та же перифраза сочетается в долгой строке с предикативным оборотом «о чем ты просишь» (*swa þu bena eart* (352)), имплицитно его будущие отношения с Хродгаром как отношения вождя и дружинника (позже король щедро одаривает героя за победы над чудовищами). В «Елене» синонимичный композит также встречается исключительно в позиции варианса, сочетаясь в долгой строке с глагольными конструкциями, включающими наименования сокровищ-артефактов: знамени, изготовленного по образцу увиденного на небе Святого Креста (*beorna beaggifa, / swa he þæt beacen geseah* (100)) и уздечки, в которую были вставлены гвозди с обретенного Еленой Креста Господня (*beorna beaggifan, / bridels frætwan* (1198)).

Неслучайным представляется поэтому в «Елене» генитивный оборот как перифраза войны в той же позиции варианса: *him wæs hild boden, / wiges woma* (18b–19a) «ему была война объявлена, / сражения шум». Действительно, далее в описании битвы неоднократно упоминается ее «звуковое сопровождение», нередко мифологического плана:

fyrðleoð agol
wulf on wealde...
urigfeðera
earn sang ahof (27b–29)

боевой клич издал
 волчина в чаше...
 росокрылый орел
 песнь завел.

Особо подчеркивается шум вражеского войска перед упоминанием обуявшего римлян ужаса:

þonne rand dynede,
campwudu clynede <...>
hleopon hornboran,

*hreopan friccan,
mearh moldan træd <...>
Cyning was afyrhted,
egsan geaclad (50b–57a)*

тогда щит стучал,
битвы древо грохотало...
Бежали трубачи,
кричали глашатаи,
конь землю топтал...
Конунг утрашился,
ужасом обуян.

Заметим, что и простое наименование щита (*rand*) усиливается в эпической вариации композитом, чей первый член также ассоциируется с шумом (*campwudu* «битвы древо»).

Дальнейшее описание боя сопровождается умножением перифрастических наименований, где генитивные обороты чередуются с композитами. Скопление образных перифраз сменяется динамичным перечнем реальных и мифических атрибутов битвы, который, в свою очередь, вновь «отвердевает» в перифразе. Так, перифраза битвы как «стычки оружия» (*wæpenbracu* (106b)) разворачивается далее в рассказ, включающий наименования копий, мечей, щитов и стрел (116–122), и даже Святой Крест, который несут впереди римского войска, именуется «мечевой знак», знаменье войны (*heorucumbul* (107a)). Напротив, все мифические атрибуты сражения – ликование ворона, полет орла, «песнь» (*sang*) волка (110b–113a) – обобщаются в конце периода энергичной фразой (*hildegese stod* (113b)), которая, вследствие широкозначности субстантивного эпитета (букв. «битва + ужас»), может интерпретироваться двояко: «ужас битвы восстал» или «началась ужасная битва». Реальное и мифическое не разграничиваются композитом, благодаря чему создается диффузный, но впечатляющий образ битвы, который усиливается нагнетанием перифраз в последующих строках, включающих внутреннюю рифму: *Pær was borda gebrec / ond beorna geprec, // heard handgeswing / ond herga gring* (114–115) «Там был лязг щитов / и стычка голов (букв. воинов), // жестокая рук встреча / и войска сеча».

Вышеназванные особенности употребления композитов наблюдаются не только в традиционных героико-эпических эпизодах поэмы «Елена», но и в тех частях, где затрагиваются темы духовного плана, например, в сцене противостояния обратившегося к вере во Христа

Иуды (будущего епископа Кириака) и его противника дьявола – противостояния, которое, однако, тоже рисуется в образе боя:

*Ɔa þær ligesynnig
on lyft astah
lacende feond.
Ongan þa hleoðrian
helle deofol,
eatol æclæca
yfelā gemyndig (898b – 901)*

Тут (букв.) лжегреховный
в воздухе восстал
враг играя.
Тут возопил
ада диавол,
монстр ужасный,
зло замышляя.

Следует заметить, что эпитет *ligesynnig* не только обличает противника Иуды во грехе лжи, но и намекает на его воинственные качества («лжец воинствующий»), поскольку лексема *syn(n)* сохраняла в поэзии свое первичное значение – «вражда» (грех был осмыслен как вражда против Бога), ср. в «Беовульфе»: *Ɔa wæs synn ond sacu / Sweona ond Geata (2472)* «Были вражда и раздор / меж геатов и сеев». Глагол *lacan*, производный от существительного *lac* «колебание, качание; игра, борьба», также ассоциируется с битвой. Упомянутый композит создает мгновенный образ мятущегося злого духа – образ, разворачивающийся в рассказ.

Сходным образом эпитеты, которыми Иуда наделяет своего противника, выступают не только в роли обращений, но и некоторым образом комментируют и резюмируют предыдущие фразы, т.е. могут расцениваться как свернутые высказывания:

*Ne þearft ðu swa swiðe
synna gemyndig
sar niwigan
ond sæce ræran,
morðres manfrea;
þec se mihtiga cyning
in neolnesse,
nyðer bescufed,
synwyrccende (939–943a)*

Нет нужды тебе столь рьяно
 войну замышляя
 раны обновлять
 и раздор воздвигать,
 убийства злоначальник (= поскольку ты сам породил убийства);
 тебя могучий конунг
 в бездну,
 вниз низринет,
 войну затевающий (= поскольку ты затеваешь войну).

Обратим внимание на сложный эпитет *mordres manfrea* «убийства злоначальник», в котором генитив и первый член композита семантически дублируют друг друга (*mordor* «убийство» и *man* «преступление»). Как показал наш анализ, такого рода «избыточные» перифразы вызваны не просто формальными потребностями стихосложения – построением акцентной и аллитерационной модели краткой строки. Поскольку древнеанглийский поэт «оперирует не звуками как элементами плана выражения языка, а созвучными (двусторонними – Н.Г.) знаками» [Смирницкая, 1994, с. 71], то и объяснение следует искать в смысловых стратегиях построения рассказа. Повторяемость подобных перифраз (как правило, включающих композиты и/или генитивные обороты), иногда на небольшом участке текста, заставляет видеть в них не просто стилистические украшения, повышающие образность повествования, но прием смысловой организации высказывания, благодаря которому древнеанглийский поэтический язык беспрерывно заново созидался в поэтической речи.

Вследствие соотнесенности поэтического композита со структурами рассказа, его внутренняя семантическая форма никогда не застывает и воспринимается как только что созданная *ad hoc*, т.е. уподобляется внутренней форме свободного словосочетания. Ср. в речи Иуды наименование дьявола *widerhycgende* (букв. «против думающий», «супротивник»). Этот композит резюмирует предыдущее обвинение адресата в отречении от Бога; вместе с тем, он служит и чем-то вроде комментария к его судьбе, ср. *þær awa scealt, // widerhycgende, / wergðu dreogan* (950b–951) «там [в аду] ты вечно будешь, // супротивник (= поскольку ты восстал против Бога), / жалкую участь влачить». Данное слово не является *hарах legomenon*, но его смысловая двусоставность живо ощущается в контексте, в том числе благодаря тому, что оно целиком заполняет краткую строку, получая два метрических ударения. Это особенно заметно в тех случаях, когда в аллитерацию вступает только второй член композита, как будто бы это было отдельное слово,

ср. в «Елене»: *þæs þe heo gehyrde / þone helle sceapan // oferswiðende, / synna bryttan* (956–957) «[Елена обрадовалась], когда она услышала, / что адова вредителя [дьявола] // одолели, / грехоподателя».

В данном примере интересна также перифраза *synna brytta*, построенная по формульной модели традиционных наименований вождя – *beaga/sinces/goldes brytta*. Эта модель, согласно первичной семантике определяемого, предполагает идею дробления, деления сокровищ, трансформирующуюся под влиянием композита *beag-gyfa* «даритель колец» в идею дарения, подаяния, наконец, господства, которая в последнем варианте и прилагается к библейским реалиям (ср. распространенное в религиозной поэзии имя Бога *lifes/swægles/tires brytta* «Владыка жизни/неба/славы»). Контекст оживляет в указанной перифразе внутреннюю форму композита: героиня радуется тому, что прекратилась власть того, кто «подает грехи».

Наконец, обратим внимание на функционирование в «Елене» традиционной для героического эпоса перифразы вождя:

*Him ða gleawhydig
Iudas on cwæð,
hæleð hildedeor –
him þæs Halig Gast
befolen fæste,
fyrhat lufu,
weallende gewitt* (934–937a)

Тогда ему благоразумный
Иуда сказал,
воин в битве отважный –
ибо на него Дух Святой
скоро сошел,
пламенная любовь,
внезапное откровение.

Можно было бы посчитать ее неуклюжей вставкой, вызванной потребностями аллитерации, но, на наш взгляд, синтаксическая позиция в высказывании говорит об ином. Выступая в роли варианса, данная перифраза комментирует сказанное: Иуда вступает в духовную борьбу с дьяволом, как отважный воин. Однако поэт не останавливается на этом переносном употреблении, но стремится разъяснить далее смысл борьбы, приписав ее наитию Святого Духа и отметив ее христианские черты (любовь и откровение свыше). Это говорит о возможности «смысловой текучести» не только поэтического текста, но и самой

героико-эпической фразеологии, за которой может стоять «переосмысление, отражающее сдвиги в сознании людей той эпохи» [Смирницкая, 1982, с. 207]. Смысловые инновации, обусловленные диалектикой «воспроизведения» и «созидания» в древнеанглийском поэтическом тексте, не разрушали поэтического языка, но, сохраняя его как систему, получали внутри него свое оправдание.

Таким образом, древнеанглийские поэтические композиты, особенно композиты с так называемым субстантивным эпитетом, отличающимся диффузной семантикой, представляют единицы поэтического языка, способные, подобно другим формульным системам, к бесконечному обновлению, формальному и смысловому, в поэтической речи. Их закрепление за синтаксической позицией варианта в эпической вариации, как и роль в построении краткой строки, говорит о нарративной функции, связанной с взаимопревращениями в тексте номинации и предикации. Варьируя и заново восстанавливая композиты, поэт проявлял мастерство, не нарушая границ поэтической традиции, чем обеспечил ей и долгую жизнь, и художественную ценность.

Библиографический список

Гвоздецкая, 1995 – Гвоздецкая Н.Ю. Текстобразующие функции древнеанглийского поэтического сложного имени // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. 1 / Отв.ред. О.А. Смирницкая. М., 1995. С. 42–48. [Gvozdetskaya N. Yu. Text-forming functions of Old English poetic compounds. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike*. Vol. 1. (Ed.) O.A. Smirnitskaya. Moscow, 1995. Pp. 42–48.]

Гвоздецкая, 2004 – Гвоздецкая Н.Ю. Нарративные основы формульности древнеанглийского поэтического текста // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. 6 / Отв. ред. О.А. Смирницкая. М., 2004. С. 37–48. [Gvozdetskaya N. Yu. Narrative character of formulas in Old English poetic text. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike*. Vol. 6. (Ed.) O.A. Smirnitskaya. Moscow, 2004. Pp. 37–48.]

Гвоздецкая, 2005 – Гвоздецкая Н.Ю. Позднеримская история глазами англосакса: эпизод обращения Константина Великого в поэме Кюневульфа «Елена» // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2005. С. 36–49. [Gvozdetskaya N.Yu. Episode of the conversion of Constantine the Great in the poem 'Elene' by Cynewulf. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: materialy i issledovaniya 2003: Mnimye real'nosti v antichnykh i srednevekovykh tekstakh*. (Ed.) T.N. Jackson. Moscow, 2005. Pp. 36–49.]

Смирницкая, 1982 – Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 171–232. [Smirnitskaya O.A. Poetic art of Anglo-Saxons. *Drevneangliiskay poeziya*. (Ed.) O.A. Smirnitskaya, V.G. Tikhomirov. Moscow, 1982. Pp. 171–232.]

Смирницкая, 1988 – Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. [Smirnitskaya O.A. Stikh i yazyk drevnegermanskoj poezii. [Verse and Language in Old Germanic poetry]. Author's abstract of the dokt. diss. Moscow, 1988.]

Смирницкая, 1994 – Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. М., 1994. [Smirnitskaya O.A. Stikh i yazyk drevnegermanskoj poezii [Verse and Language in Old Germanic poetry]. Vol. 1–2. Moscow, 1994.]

Стеблин-Каменский, 2003 – Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии / Отв. ред. Ю.А. Клейнер. СПб., 2003. [Steblyn-Kamenskii M.I. Trudy po filologii [Works on Philology]. (Ed.) Yu.A. Kleiner. Saint Petersburg, 2003.]

Beowulf, 1990 – Beowulf. Swanton M. (ed.). Manchester, 1990.

Brady, 1979 – Brady C. «Weapons» in Beowulf: an Analysis of the Nominal Compounds and an Evaluation of the Poet's Use of them. *Anglo-Saxon England*. 1979. Vol. 8. P. 79–141.

Brady, 1983 – Brady C. «Warriors» in Beowulf: an Analysis of the Nominal Compounds and an Evaluation of the Poet's Use of them. *Anglo-Saxon England*. 1983. Vol. 11. P. 199–245.

Brodeur, 1968 – Brodeur A.G. A Study of Diction and Style in Three Anglo-Saxon Narrative Poems. *Nordica et Anglica: Studies in Honour of Stefan Einarsson*. Orrick A.H. (ed.). The Hague–Paris, 1968. P. 97–114.

Buckhurst, 1929 – Buckhurst H. Terms and Phrases for the Sea in Old English Poetry. *Studies in English Philology (To F. Klaeber on his 65th birthday)*. Minneapolis, 1929. P. 103–119.

Cynewulf's Elene, 1996 – Cynewulf's Elene / Gradon P.O.E. (ed.). Revised edition. Exeter, 1996.

Mazo, 1991 – Mazo J.A. Compound Diction and Traditional Style in Beowulf and Genesis A. *Oral Tradition*. 1991. Vol. 61. № 1. P. 79–92.

А.А. Герасимова

Параметрический подход к внутриязыковому варьированию: проблемы и методы¹

Статья посвящена проблеме внутриязыкового варьирования, которая рассматривается на материале русских событийных номинализаций. С помощью серии экспериментов изучаются особенности оформления внешнего аргумента событийных имен действия. Результаты экспериментального исследования, с одной стороны, свидетельствуют о существовании двух стратегий кодирования внешнего аргумента номинализаций, с другой – позволяют установить, что оба варианта приписывания падежа доступны всем носителям русского языка. В статье предлагается анализ, увязывающий дифференцированное падежное маркирование внешнего аргумента номинализации с количеством функциональной структуры, помещенной в номинализующую оболочку.

Ключевые слова: номинализация, структура именной группы, аргументная структура, падеж, дифференцированное маркирование актантов, внутриязыковое варьирование, русский язык.

1. Аргументная структура событийных номинализаций в русском языке

Универсальным свойством событийных номинализаций можно назвать наличие аргументной структуры. Это значит, что структура имени действия включает в себя как минимум глагольную группу VP [Grimshaw, 1990]. Событийная интерпретация достигается за счет вложения в номинализующую оболочку функциональных проекций более высокого категориального статуса, чем VP. В частности, после работы А. Алексиаду [Alexiadou, 2001] считается, что в процессные номинализации обязательно входит проекция легкого глагола *v*. Набор функциональных проекций, которые доминируют над группой легкого глагола в составе событийных номинализаций, оказывается параметром межъязыкового варьирования. Для русского языка максимальной функциональной проекцией считается аспектуальная проекция AspP. Ее присутствие проявляется при модификации номинализаций

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

наречиями определенных классов, присоединении целевого оборота, а также в ряде других диагностик [Пазельская, Татевосов, 2008].

Падежное оформление аргументов имен действия является одним из параметров межъязыкового варьирования в WALS [Dryer, Haspelmath, 2011]. В терминах классификации М. Копчевской-Тамм русские номинализации являются эргативно-посессивными [Koptjevskaja-Tamm, 1993]. Единственный аргумент одноместной основы и внутренний аргумент переходной основы получают родительный падеж, падеж посессора. Им противопоставляется внешний аргумент переходной основы, которому приписывается творительный падеж.

- (1) а. *падение курса рубля*
(внутренний аргумент одноместной основы)
- б. *ворчание соседей*
(внешний аргумент одноместной основы)
- с. *исполнение арии Шаляпиным*
(внутренний и внешний аргументы переходной основы)

1.1. Вариативное падежное маркирование внешнего аргумента номинализации

Однако корпусные данные, а также более множественные данные из сети Интернет показывают, что внешний аргумент номинализации может получать творительный падеж не только в составе номинализации, образованной от переходной основы [Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig, forthcoming]. Во-первых, маркирование инструменталисом возможно при номинализациях от основ, лексически управляющих внутренним аргументом. При номинализации падежное маркирование внутреннего аргумента сохраняется, а внешний аргумент может кодироваться как родительным, так и творительным падежом.

- (2) *Классицизм – это стиль подражания человека природе, проходящий через его видение, узнается сразу, отличается целостностью.*
(URL: http://samlib.ru/p/prohorowa_n_g/proza-3.shtml)
- (3) *Если у Аристотеля τέχνη еще есть в каком-то смысле подражание человеком творческой мощи φύσις, то у Фомы Аквинского сама природа (Natura) подражает техническому мастерству Божества.*
(URL: <http://platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala>)

Во-вторых, использование творительного падежа оказывается возможным и при одноместных основах, в частности, при именах действия, образованных от неэргативов, глаголов, не имеющих внутреннего аргумента.

(4) *Когда хождение **ребенком** на цыпочках носит постоянный характер, причиной может стать гипертонус мышц.*

(URL: <http://mamainfo.com.ua/ot-goda-do-trex/rebenok-xodit-na-nosochkax-chto-delat>)

(5) *Чтоб дети не болели «простудными» заболеваниями, взрослые должны приветствовать хождение **детьми** босиком и раздетыми.*

(URL: <http://absite.ru/forum/index.php?showtopic=2287>)

Таким образом, внешний аргумент имен действий в указанных случаях демонстрирует вариативное падежное маркирование. Другими словами, стратегия кодирования актантов номинализации становится одним из параметров внутриязыкового варьирования для русского языка. Однако количества корпусных данных оказывается недостаточно для полноценного суждения о падежном варьировании. Кроме того, корпус не позволяет установить, является ли использование инструменталиса последовательным у одного носителя в разных контекстах. Поэтому возникла необходимость провести экспериментальное исследование, которое позволило бы доказать существование вариативного оформления аргументов номинализации в речи носителей современного русского языка.

2. Границы падежного варьирования

Чтобы выявить границы падежного варьирования, эксперимент был организован в таком формате, при котором испытуемый должен был сам порождать аргументы номинализаций. В рамках исследования были изучены стратегии кодирования актантов при номинализациях, образованных от неэргативов (*чихание ребенка*), а также от двухместных глаголов, управляющих лексическим падежом. К последним в русском языке относятся имена действий, образованные от глаголов, управляющих дательным (*мишение пешехода водителю*), творительным падежами (*торговля соседки картинами*), предложной группой (*ухаживание инженера за артисткой*). Мы не включали в рассмотрение номинализации от двухместных глаголов, управляющих генитивом. При них испытуемые стремятся избежать ситуации, когда внешний и внутренний аргументы кодируются одним родительным падежом. То есть

условия выбора творительного падежа при номинализациях, управляющих генитивом, и при номинализациях, управляющих другим лексическим падежом, различны.

Для верификации результатов эксперимента мы также включили в рассмотрение номинализации от неаккузативов, которые обладают только внутренним аргументом (*прибытие президента*), и от переходных основ (*присоединение музыкантом микрофона*).

Был проведен лингвистический эксперимент, в котором участвовало 119 респондентов. Вниманию испытуемых были представлены сложные предложения с пропусками во второй части, которые респондентам предлагалось заполнить, используя аргументы из первой части предложения. Так, например, испытуемым предъявлялось предложение (6). Один из примеров заполнения пропусков показан в (7).

(6) В тот месяц **армия** освободила **столицу**, и освобождение _____ сильно подняло боевой дух всех солдат.

(7) В тот месяц **армия** освободила **столицу**, и освобождение *армией столицы* сильно подняло боевой дух всех солдат.

Результаты эксперимента подтвердили предположение о наличии двух стратегий падежного маркирования актантов при номинализациях от основ, управляющих лексическим падежом. Из 120 участников эксперимента 56% испытуемых хотя бы один раз использовали творительный падеж внешнего аргумента.

Таблица 1

Доля ответов с творительным падежом внешнего аргумента для номинализаций разного типа

Тип основы	Доля INSTR
Переходная	99%
Управляющая DAT	19,8%
Управляющая INSTR	18,9%
Управляющая PP	10,43%
Неэргативная	0,9%
Неаккузативная	0

В случае одноместных предикатов, а именно, образованных от неэргативных и неаккузативных основ, внешний аргумент в основном маркируется родительным падежом. Тем не менее, для неэргативов

обнаруживается малая доля ответов, в которых испытуемые все же использовали творительный падеж внешнего аргумента (*плавание дедушкой*). Для переходных основ полностью подтвердилась эргативно-посессивная модель (таблица 1).

2.1. Предсказания современных падежных теорий

Для того чтобы понять, какова природа дифференцированного падежного маркирования, посмотрим, какие предсказания делают современные падежные теории на счет оформления внешнего аргумента номинализаций, внутренний аргумент которых маркирован лексическим падежом. Предсказания теорий для номинализаций русского языка подробно разобраны в статье А.А. Герасимовой, Е.А. Лютиковой и А.М. Перельцвайг [Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig, forthcoming].

Конфигурационная теория приписывания морфологического падежа А. Марантца для рассматриваемых номинализаций предсказывает родительный падеж внешнего аргумента. Генитив представляет собой немаркированный падеж в именной группе, возникающий в отсутствие падежной конкуренции внешнего аргумента с внутренним. Внутренний аргумент получает лексически управляемый падеж. Поскольку внутренний аргумент маркирован, приписывание зависимого падежа внешнему аргументу невозможно. В результате внешний аргумент получает немаркированный падеж.

Модель приписывания абстрактного падежа при согласовании рассматривает творительный падеж в качестве ингерентного падежа. Ингерентный падеж маркирует внешние аргументы, и его приписывание всегда связано с тематической позицией; в случае событийных номинализаций ингерентный творительный падеж ассоциируется с ролью агентивного участника ситуации.

Заметим, что подобные рассуждения и соответствующие предсказания остаются верными и для неэргативных основ. Действительно, в рамках конфигурационной теории внешний аргумент получает немаркированный генитив в отсутствие падежной конкуренции внешнего аргумента с внутренним, который попросту отсутствует. Согласно модели приписывания падежа при согласовании, ингерентный творительный падеж возникает независимо от падежного оформления внутреннего аргумента. И хотя респонденты практически не использовали творительный падеж внешнего аргумента при неэргативных основах, предсказания двух теорий позволяют допустить наличие дифференцированного падежного маркирования и в данном случае, что и было продемонстрировано ранее на примерах из сети Интернет.

Итак, мы увидели, что каждая теория способна дать объяснение лишь одному из рассматриваемых случаев. Можно ли при подобном раскладе говорить о том, что ни одна из теорий не соответствует языковой действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к тому, какой может быть внутриязыковая вариативность.

2.2. Виды внутриязыковой вариативности

При анализе внутриязыковой вариативности можно предположить существование двух типов варьирования. С одной стороны, вариативность возможна в пределах языковой общности. Такое варьирование может определяться набором внешних факторов: территориальных, социальных, функционально-стилистических и др. С другой стороны, вариативность может существовать в пределах грамматики одного индивида, а выбор может определяться более частными лицензорами, такими как конкретное лексическое наполнение конструкции. В предельном случае мы имеем дело со следующим противопоставлением: либо грамматические варианты одного языка распределены по его носителям, либо они сосуществуют в пределах грамматики одного индивида, а выбор определяется какими-то дополнительными факторами.

Чтобы объяснить феномен вариативного маркирования внешнего аргумента в русских номинализациях, необходимо, в первую очередь, понять, какой модели следует варьирование падежного оформления. Если способность к кодированию внешнего аргумента творительным падежом является индивидуальной, то нас может устроить наличие двух теорий, которые описывают независимые системы, характерные для разных носителей языка. Если две падежные стратегии не распределены по носителям, нужно установить, как две конфигурации могут сосуществовать в пределах одной грамматики, т.е. как должен быть устроен механизм приписывания падежа, допускающий выбор между родительным и творительным падежом внешнего аргумента.

По результатам первого эксперимента респонденты разделились на две группы: больше половины респондентов использовали внешний аргумент номинализаций с лексически управляемым внутренним аргументом в творительном падеже, остальные испытуемые использовали только родительный падеж. В связи с этим предположим, что стратегии оформления актантов номинализаций распределены по носителям русского языка.

3. Распределение стратегий падежного оформления по носителям русского языка

Для проверки предположения был проведен новый лингвистический эксперимент с участием респондентов первого эксперимента. На участие согласились 78 человек. Испытуемым были представлены

предложения с событийными номинализациями, внешний аргумент которых стоял в родительном или в творительном падеже. Респондентам предлагалось оценить грамматичность предложений по шкале от одного до пяти. Номинализации были образованы от переходных, двухместных непереходных и неэргативных основ. В этот раз мы убрали из рассмотрения имена действия, образованные от неаккузативов, поскольку инструменталис не может быть приписан единственному внутреннему аргументу, что было подтверждено в первом эксперименте.

В первом эксперименте респонденты практически не использовали творительный падеж внешнего аргумента имен действия, которые были образованы от неэргативных основ. Тем не менее, подобные основы с внешним аргументом в инструменталисе были найдены в корпусе. Одна из особенностей таких примеров заключается в том, что номинализации были модифицированы наречиями или обстоятельствами. Поэтому в дополнение к примерам с неэргативными номинализациями мы добавили предложения, в которых были использованы те же основы, но модифицированные обстоятельственной группой.

- (8) а. *Грациозное хождение моделей* было высоко оценено дизайнером.
б. *Грациозное хождение моделей (по подиуму)* было высоко оценено дизайнером.
- (9) а. *Увлеченное ныряние горожан* было показано по телевидению.
б. *Увлеченное ныряние горожан (в прорубь)* было показано по телевидению.

Мы проанализировали оценки грамматичности отдельных стимульных предложений респондентами и посчитали среднюю оценку для каждого из рассматриваемых типов номинализаций (таблица 2).

По результатам опроса можем заключить следующее. Во-первых, наблюдается статистически значимое различие оценок инструменталиса для разных типов основ. Наиболее приемлемым творительный падеж внешнего аргумента воспринимается при переходных основах. Менее допустимыми носители оценивают творительный при номинализациях с лексически управляемым внутренним аргументом. Наконец, наименее приемлемым был оценен инструменталис подлежащего в предложениях с именами действия, образованными от неэргативных глаголов. Подобное распределение в целом соответствует результатам первого эксперимента, за исключением неэргативных основ: количество ответов с творительным падежом было совсем мало, однако оценка грамматичности оказалась значимо выше самой низкой оценки из возможных.

Более того, обнаружено статистически значимое различие в оценках предложений с неэргативными основами, модифицированными и немодифицированными обстоятельствами. При этом различие в оценках творительного падежа внешнего аргумента при неэргативных номинализациях с обстоятельственной группой и при переходных основах, управляющих лексическим падежом, значимым не оказалось. Это говорит о том, что модификация обстоятельством существенно повышает приемлемость инструменталиса внешнего аргумента номинализации.

Таблица 2

**Средние оценки грамматичности
для разных типов номинализаций**

Статистически значимые различия	Тип основы	Средняя оценка
Класс 1	Переходная	3,61
Класс 2	Управляющая DAT	2,09
	Управляющая INSTR	1,97
	Управляющая PP	1,92
	Неэргативная, модифицированная PP	2,2
Класс 3	Неэргативная	1,41

Во-вторых, удалось установить, что носители по-разному оценивают приемлемость творительного падежа внешнего аргумента имен действия. Респондентов можно объединить в две группы в соответствии с тем, как испытуемые оценивают грамматичность предложений с инструменталисом. Иными словами, с точки зрения оценки приемлемости инструменталиса носители русского языка оказываются неоднородны.

Однако при сопоставлении оценок грамматичности с данными о том, использует ли респондент творительный падеж в эксперименте на порождение предложений, выяснилось, что оценка приемлемости не всегда верно характеризует фактическое употребление инструменталиса в речи (таблица 3). Так, испытуемый, активно использующий инструменталис, может оценивать примеры с творительным падежом внешнего аргумента как неграмматичные, и наоборот. Этот факт может служить доказательством того, что две стратегии оформления аргументов номинализации сосуществуют в падежной грамматике одного индивида. Таким образом, предположение о том, что стратегии оформления внешнего аргумента имен действий распределены по носителям русского языка,

является неверным. Тогда можно заключить, что наличие двух стратегий кодирования аргументов номинализации ставит под вопрос объяснительную силу существующих падежных теорий, которые делают различные предсказания касательно падежного оформления внешнего аргумента имени действия. Иными словами, возникает необходимость в объяснении, которое учитывало бы сосуществование в пределах одной грамматики двух способов оформления внешнего аргумента при номинализации.

Таблица 3

Соотношение оценки приемлемости употребления INSTR и его фактического употребления

	Эксперимент I (порождение)	Эксперимент II (оценка грамматичности)
INSTR скорее приемлем	72,27%	35,62%
INSTR скорее неприемлем	27,73%	64,38%

4. Анализ

Попробуем объяснить полученные различия в оценках приемлемости творительного падежа внешнего аргумента при различных типах основ. В первую очередь обратимся к структуре номинализации. Как было замечено ранее, после работы А. Алексиаду принято считать, что номинализации содержат в своем составе функциональную вершину легкого глагола *v* [Alexiadou, 2001]. Внешний аргумент при этом занимает позицию спецификатора легкого глагола *Spec, vP*. Над группой легкого глагола в пределах номинализующей оболочки может доминировать еще некоторое количество функциональных проекций, что определяется особенностями конкретного языка.

Предположим, что структура номинализации в действительности является более гибкой. В частности, обратимся к работе А. Кратцер [Kratzer, 1996], в которой она доказывает удобство нового теоретического концепта, приводя в пример объяснение различий между двумя формами герундия (*acc_{ing}* и *poss_{ing}*), в которых сохраняется падежное оформление внутреннего аргумента аккузативом, и отглагольным существительным на *-ing* (*of_{ing}*), при котором внутренний аргумент оформляется предлогом *of*. Предлагается считать, что в последнем случае номинализуется глагольная группа, в то время как в первых двух вариантах – номинализуется структура, возглавляемая группой легкого глагола. Другими словами, автор исходит из того, что номинализации могут подвергаться структуры различного категориального статуса.

Подобная идея для русского языка высказывается в контексте явления каузативно-инхоативной альтернативы. С.Г. Татевосов предполагает, что агентивная интерпретация возникает в результате номинализации группы легкого глагола vP , а декаузативная – в результате помещения под номинализирующую оболочку только группы VP . При этом максимальной вершиной, для которой допустима номинализация, является аспектуальная вершина Asp [Татевосов, 2008].

Попробуем применить такой подход для объяснения вариативного падежного маркирования. Очевидно, что группа легкого глагола входит в структуру номинализации при переходных глаголах. В противном случае оказалось бы невозможно выразить внешний и внутренний аргументы. Неаккузативы определяются как основы, у которых внешний аргумент отсутствует. Поэтому наличие в их структуре вершины v ничем не оправдано. Заметим также, что переходные и неаккузативные основы представляют собой своеобразные полюса на шкале допустимости творительного падежа внешнего аргумента имен действий. При переходных основах творительный падеж внешнего аргумента обязателен, при неаккузативных – аргумент, который мог бы получить инструменталис, отсутствует.

Двухместные основы, управляющие лексическим падежом, и неэргативы сходны по своей структуре относительно механизмов приписывания падежа. Предположим, что дифференцированное маркирование внешнего аргумента для соответствующих типов имен действия можно объяснить разным размером структуры, которая подвергается номинализации. А именно, будем считать, что приписывание творительного падежа внешнему аргументу происходит в случае номинализации как минимум группы легкого глагола vP , а использование генитива – при номинализации глагольной группы VP .

Возникает вопрос, какую позицию занимает агентивный аргумент, маркированный генитивом. Наиболее подходящим кандидатом кажется позиция спецификатора вершины D . Обратим внимание, что А. Кратцер в своем анализе пишет о том, что в результате номинализации глагольной группы VP и соответствующего передвижения именной группы, обозначающей деятеля, в позицию $Spec, DP$ может возникнуть неоднозначная интерпретация, при которой неясно, является ли актанта, стоящий в генитиве, агенсом, или генитив интерпретируется как показатель посессивного отношения [Kratzer, 1996]. В русском языке аналогичное двойное прочтение возможно также только при генитиве; напротив, при инструменталисе тот факт, что внешний аргумент представляет агентивного участника ситуации, не вызывает сомнений.

В пользу предложенного анализа говорит также частое использование творительного падежа внешнего аргумента одновременно с модификацией имени действия обстоятельством. Способность к модификации обстоятельственными оборотами свидетельствует о большем количестве функциональной структуры.

При этом модификация обстоятельством существенно повышает приемлемость творительного падежа при неэргативных основах. Другими словами, инструменталис используется при номинализации структур более высокого категориального статуса, чем глагольная группа.

Таким образом, мы предполагаем, что причина дифференцированного падежного маркирования заключена не в механизмах приписывания падежа, а в доступности для некоторых носителей номинализаций различного размера. Иначе говоря, параметром внутриязыкового варьирования становится не стратегия кодирования, а количество структуры, подвергающейся номинализации. Тем не менее, открытым остается вопрос, почему творительный падеж при неэргативах без обстоятельства значимо менее употребителен, чем при неэргативных именах действия, модифицированных обстоятельством, и двухместных переходных основах, несмотря на то, что он не кажется респондентам неприемлемым и, согласно предложенному анализу, тоже может включать в свой состав вершину легкого глагола *v*.

Итак, мы рассмотрели проблему внутриязыкового варьирования в контексте русских событийных номинализаций. С помощью серии экспериментов удалось доказать, во-первых, что в русском языке существуют две стратегии кодирования аргументов номинализации; во-вторых, что две стратегии не распределены по носителям, а сосуществуют в падежной грамматике одного индивида. Наконец, был предложен анализ, согласно которому дифференцированное падежное маркирование внешнего аргумента определяется количеством функциональной структуры, помещенной в номинализующую оболочку.

Библиографический список

Татевосов, 2008 – Татевосов С.Г. Номинализация и проблема непрямого доступа // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М., 2008. С. 750–773. [Tatevosov S.G. Nominalization and the problem of indirect access. *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest' E.V. Paduchevoi*. Moscow, 2008. Pp. 750–773.]

Пазельская, Татевосов, 2008 – Пазельская А.Г., Татевосов С.Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / Под ред. Плунгяна В.А., Татевосова С.Г. М., 2008. С. 348–380. [Pazel'skaya A.G., Tatevosov S.G. Deverbal nouns and the structure of Russian verb. *Issledovaniya*

по *glagol'noi derivatsii*. Ed. V.A. Plungyan, S.G. Tatevosov. Moscow, 2008. Pp. 348–380.]

Alexiadou, 2001 – Alexiadou A. *Functional Structure in Nominals*. Amsterdam and Philadelphia, 2001.

Dryer, Haspelmath, 2011 – Dryer M.S., Haspelmath M. *The world atlas of language structures online*. 2011. URL: <http://wals.info>. 2011.

Grimshaw, 1990 – Grimshaw J. *Argument Structure*. Cambridge, Mass., 1990.

Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig, 2016 – Gerasimova A., Lyutikova E., Pereltsvaig A. *Case Marking in Russian Eventive Nominalizations: Inherent vs. Dependent Case Theory*. Talk presented at the conference «Formal Approaches to Slavic Linguistics 25». 14 May 2016, Cornell University, Ithaca, NY, USA.

Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig, forthcoming – Gerasimova A., Lyutikova E., Pereltsvaig A. *Case Marking in Russian Eventive Nominalizations: Inherent vs. Dependent Case Theory*. *Russian Linguistics*. Forthcoming.

Koptjevskaja-Tamm, 1993 – Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. Routledge, 2002.

Kratzer, 1996 – Kratzer A. *Severing the external argument from its verb*. *Phrase structure and the lexicon*. Springer Netherlands, 1996. Pp. 109–137.

Marantz, 1991 – Marantz A. *Case and licensing*. *Proceedings of the 8th Eastern States Conference on Linguistics (ESCOL 8)*, Ithaca, NY. Westphal G., Ao B., Chae H. (eds.). CLS Publications, 1991. Pp. 234–253.

Woolford, 2006 – Woolford E. *Lexical case, inherent case, and argument structure*. *Linguistic inquiry*. 2006. Vol. 37. № 1. Pp. 111–130.

П.В. Гращенков

Сложные прилагательные, бинарность ветвления и выбор синтаксического формализма¹

Работа посвящена исследованию внутренней структуры русских сложных прилагательных. Теоретической проблемой, поставленной в статье, является бинарное vs. *n*-арное ветвление элементов высказывания. Как показано в работе, структуры, лежащие в основе деривации, гораздо ближе бинарному, чем *n*-арному ветвлению. Основная аргументация строится на представлениях о структуре составляющих, принятых в современной версии порождающей грамматики. Используемые для доказательства факты связаны с некоторыми ограничениями на образование сложных слов, порядком семантической деривации и правилами постановки ударений. По мнению автора, единственный способ объяснить анализируемые факты русского языка – признать действие последовательного бинарного ветвления при образовании русских сложных слов.

Ключевые слова: синтаксис, составляющие, проекция, сложные слова, прилагательные.

1. Постановка проблемы

Данная работа исследует наиболее продуктивные модели образования сложных слов. Мы будем обсуждать, прежде всего, материал сложных прилагательных, однако, как представляется, основные результаты применимы и к сложным существительным, и к глаголам (последние в русском языке наименее продуктивны). Нашей задачей будет исследовать вопрос о том, какие формальные модели наилучшим образом описывают процесс деривации сложных слов в русском языке.

Основные модели, используемые в современной лингвистике, – грамматика зависимостей и грамматика составляющих. Направление, порядок ветвления и порядок расположения зависимых друг относительно друга имеют разный вес в каждом из этих формализмов, поэтому скажем пару слов об истории и общих свойствах грамматики зависимостей и грамматики составляющих.

Грамматика зависимостей создавалась на основе языков с богатой морфологией и (относительно) свободным порядком слов. В отечественной

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003.

традиции подход в терминах зависимостей связан с именами И.И. Мещанинова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова и их последователей. Для западных исследователей грамматика зависимостей ассоциируется прежде всего с Л. Теньером и И.А. Мельчуком. Отметим, что «второе рождение» грамматика зависимостей пережила при возникновении и развитии синтаксических парсеров в компьютерной лингвистике, что связано с большей простотой представления дерева зависимостей по сравнению с деревом составляющих.

Грамматика составляющих, напротив, была создана на материале морфологически бедного английского языка в рамках структуралистского подхода к языку. Возникнув в 1950-е гг., подход в терминах составляющих наиболее активно развивался в порождающей грамматике Н. Хомского (от «Стандартной теории» 1950-х гг. до современного «Минимализма»), а также в рамках теорий GPSG, HPSG, LFG, CCG, функционально-типологической парадигме и т.д. [Carnie, 2010].

Дискуссия о преимуществах и недостатках каждой из теорий возникла неоднократно. Так, британский лингвист Р. Хадсон, автор формализма Word Grammar, утверждал, что именно понятие зависимости, а не составляющей, является необходимым при синтаксическом анализе [Hudson, 1980a, 1980b]. Одним из контраргументов вступившего с ним в полемику шведского ученого О. Даля [Dahl, 1980], был следующий: при анализе именованного словосочетания *ordinary French house* грамматика зависимостей будет предписывать следующую структуру:

- (1) английский
[[*ordinary*] [*French*] [*house*]]

т.е. оба прилагательных будут присоединяться к вершинному имени независимо. Однако из семантики данной именной группы следует, что такой анализ (допустимый, например, для *small French house*) некорректен, т.к. речь идет не об обычном доме, который одновременно является французским, а именно о такой разновидности домов, которая типична для французских домов, и структура этой именной группы должна выглядеть следующим образом:

- (2) английский
[*ordinary* [*French house*]]

Замечание Даля связано с тем, что грамматика составляющих лучше отражает порядок деривации, и современные версии порождающих грамматик адаптировали грамматику составляющих именно по этой причине. Идея о важности отражения порядка деривации была применена

и к морфологии. Из морфологических явлений с ней оказался связан так называемый «скобочный парадокс» (bracketing paradox)¹.

Как может показаться на первый взгляд, выбор подхода, основанного на составляющих, действительно определяется особенностью (английского) языка: бедность морфологии, не допускающая свободного расположения элементов синтаксиса, приводит язык к большей «кристаллизации» отдельных групп слов (фраз, составляющих, проекций и т.д.). В данной работе мы, однако, будем придерживаться противоположной точки зрения.

Как мы считаем, именно богатство морфологии «затемняет» исходную прозрачную структуру составляющих. Рассмотрим следующие примеры:

- (3) а. не *пробить пулей* → **пулейнепробиваемый*,
**пуляминепробиваемый*
но! *пуленепробиваемый*
- б. *желать победить* → **победитьжелательный*,
**победитьжелающий*
но! *благожелательный, победоносный*

Как показывают примеры, употребление словоизменительной морфологии на первых частях сложных слов недопустимо. В (3а) продемонстрирована невозможность маркирования инструменталисом косвенного объекта, а в (3б) – неграмматичность инфинитивной формы².

Отметим также – этот факт понадобится нам ниже – следующее свойство: падежные флексии не могут содержаться не только на первых основах, но и, например, располагаться перед словообразовательным

¹ По замечанию анонимного рецензента статьи, необходимо «упомянуть об одном недостатке структуры составляющих, часто приводимом ее противниками: ее формализм не предназначен для разрывных составляющих. Уверены ли мы, что не будет существовать словосочетаний типа *ordinary French house*, где более тесно с существительным связано линейно более далекое от него прилагательного». Автор статьи согласен с тем, что разрывные составляющие представляют собой проблему для формализма грамматики составляющих, призванного отражать деривационную историю высказывания. В «большом синтаксисе» эта проблема решается по-разному, например, используется идея о «стирании» некоторого фонологически идентичного материала, а также передвижения типа *Remnant Movement* (передвижение остатка), *Sideward Movement* (передвижение в сторону) и т.д. Наиболее важно для нас в связи с обсуждением фактом морфологии то, что подобные разрывные составляющие не встречаются на морфологическом уровне деривации.

² Единственное известное автору исключение – числительные, которые принимают окончание родительного падежа: *дву(х)страничный, трехдольный* и т.д.

суффиксом. Данное свойство отличает русский язык, например, от тюркских, ср.:

(4) русский

**гореный, *стененый, ...*

(5) казахский

тау-да-ғы

гора-LOC-ATR

горный

В казахском возможно присоединение атрибутивизатора к показателю локатива, в то время как подобные образования в русском (*горе+н+ый* → **гореный*) неграмматичны.

Более того, часто (но не всегда, ср.: *перепончатокрылый, пластинчатоклювый* и т.п.) первые основы не допускают не только словоизменительную, но и словообразовательную морфологию:

(6) а. *большеголовый, огромноголовый* vs. **гигантскоголовый*

б. *быстроногий, босоногий* vs. **обутоногий*

с. *голубоглазый, косоглазый* vs. **скошенноглазый*

Запрет на употребление морфологии делает ситуацию в русских сложных словах похожей на языки с бедной морфологией. В сложных словах, в частности, существует ряд ограничений на порядок и структуру элементов. Пример (7) демонстрирует запрет на употребление в сложных словах более чем двух основ, а пример (8) показывает, что в сложных словах возможно лишь левостороннее ветвление¹ [The Oxford Handbook of Compounding, 2011, p. 111–113; Гращенков, в печати]:

(7) **двухвысокоярусный, *глубоководоотводный,*

**высокоэнергезависимый, *забелооблачный, *замореходный, ...*

(8) *отводить воду* → *водоотводный* vs. **отводоотводный*

пробивать пулей → *пуленепробиваемый*

vs. **непробиваемопулевой*

ходить на судах → *судоходный* vs. **ходосудовой*

Подобные ограничения на структуру сближают русские сложные слова с языками типа английского. Нашей задачей в данной работе будет показать:

¹ Мы принимаем здесь, что числительные в именной группе являются зависимым, а существительное – вершиной (наиболее распространенный подход).

- i) продуктивность¹ процесса образования сложных слов и сводимость его к ряду синтаксических моделей;
- ii) предпочтительность анализа в терминах бинарно ветвящихся составляющих.

2. Продуктивность образования сложных слов и синтаксические модели, лежащие в его основе

2.1. Продуктивность

Образование новых лексических единиц из более чем одной исходной основы является в русском языке продуктивным процессом, ограниченным морфонологически и прагматически, но не семантически. Продуктивность механизма образования сложных слов в русском языке может быть показана на заимствованиях и новых понятиях. Войдя в язык (в той или иной мере) недавно, такие слова могут давать начало новым лексическим единицам:

- (9) *жидкокристаллический, двухъядерный, четырехпроцессорный, многопроцессный, вирусопасный, легкоархивируемый, машиночитаемый, баннерообменный, ...*

Ниже мы в значительной степени будем опираться на языковой материал из «Русской грамматики» под редакцией Н.Ю. Шведовой [Русская грамматика, 1980, §754–780]. Как там указано, «по характеру семантического соотношения объединяемых основ такие сложения делятся на сложения с сочинительным и подчинительным отношением основ» [Там же, §754].

В случае сочинительной структуры элементы, лежащие в основе сложного слова, равноправны с точки зрения синтаксиса, а отношения между ними симметричны (10а). В случае подчинения исходная конструкция эндоцентрична, и в ней выделяется синтаксическая вершина или «опорный компонент» согласно [Русская грамматика, 1980], (10б):

¹ Как заметил один из рецензентов, «не следует забывать и о том, что на образование сложных слов существуют индивидуальные ограничения... Например, невозможно **каждододный* или **каждонедельный*, при возможном *каждодневный*). Подобная закономерность, действительно, имеет место и требует отдельного исследования. Как однако представляется, в ряде случаев (в частности, в случае, приведенном рецензентом), это явление может иметь диахроническое объяснение: статус местоимения-прилагательного *каждый* был иным на некотором этапе существования русского языка. Застывшие формы типа *каждодневный* могут быть сохранены с тех пор, когда грамматические свойства отдельных элементов отличались от современных.

- (10) а. [*красн & бел*]ый, [*кисл & слад*]кий, [*желез & бетон*]ный,
 [*французск & русск*]ий, ...
 б. [[*больш*] голов]ый, [[*много*] слов]ный, [[*легко*] воспламен]имый,
 [[*товар*]обмен]ный, ...

Далее мы подробно обсудим продуктивные синтаксические модели, лежащие в основе сложных слов с подчинительной связью.

Как ожидается, в случае подчинения класс сложных прилагательных может пополняться из стандартного набора синтаксических конструкций: имени и его зависимых, глагола и его зависимых, а также образований с участием предлога. Кратко разберем все эти случаи и проверим, насколько верны наши ожидания, оставляя в стороне сложные слова на основе прилагательных ввиду ограниченности места.

2.2. Образование сложных единиц из именных словосочетаний

Сложные прилагательные более чем регулярно образуются из сочетания имени и зависимого прилагательного:

- (11) *высокогорный, равнобедренный, легкоатлетический, южноафриканский, ...*

Скорее всего, столь же продуктивной, как и модель «прилагательное + существительное» является модель с количественными числительными:

- (12) *одноглазый, одноразовый, двухъярусный, трехэтажный, четырехколесный, ...*

Можно выделить в отдельную группу также порядковые числительные:

- (13) *первоклассный, второсортный, третьестепенный, ...*

Несколько более сложной является ситуация с кванторными словами. Наиболее активно участвующий в деривации сложных прилагательных квантор *весь/все*:

- (14) *всероссийский, всепогодный, всесторонний, всемерный, ...*

Наряду с этим встречаются также образования с квантором *каждый* (чаще, однако, используется компонент *еже-*) и словом *один* в значении «такой же»:

- (15) *каждодневный, каждогодний, одновременный, одноименный,*

Скажем теперь несколько слов о запретах на образование сложных прилагательных от имени и его зависимых. Невозможно образовывать сложные прилагательные из любых падежных зависимых, будь

то посессор в генитиве (любого семантического типа) или (другие) косвеннопадежные зависимые¹:

- (16) а. *дом отца* – **отцедомный*
 б. *бег лидера* – **лидеробеговой*
 в. *ведро воды* – **ведроводный*
 д. *подарок детям* – **детеподарочный*
 е. *страсть к женщинам* – **женцино*/**женострастный*²

В сложных прилагательных недопустимы все типы генитива независимо от семантической роли участника: посессивный генитив и агентивный генитив при отглагольных именах (примеры 16а и 16б соответственно), так называемый количественный генитив (пример 16с) и т.д. Также невозможны и лексические зависимые (16д и 16е), как с предложом, так и без.

2.3. Образование сложных единиц на основе глагола

В случае главного слова-глагола соединяемые основы также могут образовывать разные типы синтаксических конструкций. Здесь наблюдается четыре следующих продуктивных типа: инкорпорация прямого и косвенного объекта, а также инкорпорация обстоятельства и локативного адъюнкта. В [Русская грамматика, 1980, § 755] указано, что сложные прилагательные образуются от глаголов при помощи суффиксов: *-н*, *-тельн*, *-льн*; *-лив/-чив*, *-(о)м/-им*, *-л*, *-к*, *-ен*, *-т*, а также суффиксов причастий.

Приведем сначала примеры образования сложных прилагательных от переходной глагольной основы с именной основой – прямым объектом, как при участии адъективирующих суффиксов (17а), так и с суффиксами причастий (17б):

- (17) а. *бумагоделательный*, *газораспределительный*,
дорожностроительный, *кормозаготовительный*,
теневыносливый, ...
 б. *звукоспроизводящий*, *звукоизолирующий*,
металлообрабатывающий, *нефтеперекачивающий*, ...

¹ Один из рецензентов заметил здесь: «Иллюстрируемое примером (16) ограничение на падежные зависимые опровергается данными сравнительных конструкций типа *собако-головой* (голова собаки). Возможно, автор анализирует их по-другому (например, голова, как у собаки), но в таком случае это требует комментария». Мы благодарны за это замечание, подобная модель является достаточно распространенной, см., например, [Русская грамматика, 1980, § 757].

² Из этой закономерности имеются некоторые исключения: *сладострастный*, *жизнерадостный* и некоторые другие.

Глагольные основы с инкорпорированным косвенным объектом регулярно образуют сложные прилагательные при помощи адъективных суффиксов и причастий:

- (18) а. *электроосветительный, пуленепробиваемый, энергопитаемый, электроуправляемый, ...*
 б. *электродвижущий, газоснабжающий, книготоргующий, домовладеющий, пальцегрозный*¹, *головокружающий*², *землеразрыхляющий*³...

Отдельного обсуждения заслуживает деривация сложных основ от причастий. Во-первых, отметим, что суффиксы страдательных причастий (-м, -т, -(е)н) никогда не образуют сложных прилагательных с инкорпорацией прямого объекта. Приведенные выше примеры (*электропитаемый, пуленепробиваемый*) и аналогичные им дериваты относятся к инкорпорации инструмента/средства, а прямой объект в дериватах с пассивной морфологией неграмматичен (или, что то же – имеет не пассивное, а инструментальное прочтение первого участника):

- (19) а. *звукоспроизводимый* (*«тот, который воспроизводит звук»), *газодобываемый* (*«тот, который добывает газ»), *землеразрыхляющий* (тот, который разрыхляет землю) ...

Данный факт подтверждает гипотезу об образовании сложных прилагательных в синтаксисе, т.к. суффиксы страдательных причастий выполняют те же функции, что они имеют при образовании в синтаксисе. Дериваты с суффиксами -м, -т, -(е)н не могут участвовать в образовании сложных слов с прямым объектом, что говорит о том, что перед нами – на самом деле – суффиксы страдательных причастий (а не прилагательных).

Во-вторых, заметим, что у активных причастий все же имеются пассивные аналоги на -м, инкорпорирующие те же косвеннопадежные участники. Следующие примеры являются пассивными вариантами переходных активных причастий из (18б), к которым добавлены другие дериваты от переходных глаголов:

- (19) б. *электродвижимый, молепожираемый, газоснабженный, снеговзваленный, ...*

Это также говорит о том, что перед нами – суффиксы причастий (а не прилагательных), и, стало быть, в основе сложных слов – глагол

¹ Ну, скорее не скользкий, а, так сказать, пальцегрозный. (Интернет).

² Головокружающий, прохладонесущий, электропитаемый. (Интернет).

³ Почвофреза для мотоблока – основной землеразрыхляющий инструмент. (Интернет).

и его зависимые (а не отглагольное прилагательное). Это, опять-таки, свидетельствует о том, что подход к образованию сложных слов как синтаксическому процессу верен.

Если говорить о глагольной основе с наречиями-обстоятельствами (образа действия), этот случай может быть проиллюстрирован следующими примерами:

- (20) а. *долготерпеливый, трудновоспитуемый, трудноизлечимый, быстросрастворимый, ...*
 б. *здравомыслящий, легковоспламеняющийся, перекрестноопыляющийся, праздношатающийся...*

Инкорпорацию локативного адъюнкта можно продемонстрировать следующими примерами:

- (21) а. *судходный, мореходный, водоплав(атель)ный, центробежный, ...*
 б. *водоплавающий, воздухоплавающий, землеходящий¹, стеноходящий², ...*

Отметим здесь одно интересное свойство. Приведенные выше глагольные основы в синтаксисе присоединяют имя с предлогом, ср.: *ходить по морю, плавать по воде* и т.д. Несмотря на это, в результирующей словоформе предлог оказывается опущен. Ситуация аналогична и у прилагательных, ср.: *морозоустойчивый (устойчивый к морозу), влагодоступный (доступный для влаги)*. Причина этого – в неграмматичности сложных слов из трех и более основ (**двухвысокоярусный, *глубоководоотводный, ...*).

2.4. Образование сложных прилагательных с участием предлога

Предложные конструкции – еще один тип именных словосочетаний, регулярно образующий сложные прилагательные. Предлоги, включаемые в состав сложной основы, могут иметь как пространственную, так и временную семантику:

- (22) *приморский, настенный, придорожный, международный, послеобеденный, ...*

Напомним также сделанное выше наблюдение: предлоги, кодирующие зависимость имени от глагола или прилагательного, не включаются в производное сложное слово:

¹ Так как человек я землеходящий и летать на самолете мне предстояло впервые, ... (Интернет).

² Чувствую, у вас будет новый вид попугая, стеноходящий. (Интернет).

- (23) *судоходный, водолав(атель)ный, воздухоплавающий, ... , морозоустойчивый, влагодоступный, ...*

Интересен контраст между двумя стратегиями: в случае, когда адъективируется цепочка «предлог + существительное», предлог сохраняется, когда же предпринимается попытка адъективировать цепочку «предлог + существительное + причастие/прилагательное», предлог опускается. Как представляется, этот факт служит еще одним подтверждением ограничения на количество ветвлений.

2.5. Продуктивность образования сложных слов: итоги

Подведем предварительные итоги: образование сложных слов является продуктивным процессом, в основе которого лежат регулярные синтаксические конструкции. Этот процесс, однако, ограничен рядом условий, связанных с отличием законов, действующих внутри слова и за его пределами, ср.: «Правда, анализ всех этих разновидностей словосложения в системе существительных и прилагательных на основе прямой аналогии с соответствующими словосочетаниями ... неправилен. Ведь в этом случае игнорируются структурные различия между словом и словосочетанием. И все-таки словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования, синтаксико-морфологическим. Ср.: *железная дорога – железнодорожный, железнодорожник; косить сено – сенокосилка; судоходный (суда ходят) и мореходный (т.е. ходящий по морю); многозначительный и многозначный и т.д.*» [Виноградов, 1975, с. 158].

3. Анализ

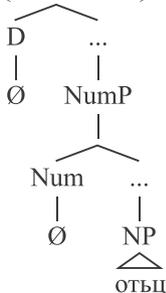
Далее мы представим некоторые аргументы, свидетельствующие о том, что механизм составляющих лучше описывает деривацию русских сложных прилагательных, чем механизм зависимостей. Сначала мы обсудим различные уровни проекции именной группы и падеж, а затем – порядок деривации сложных слов.

3.1. Составляющие и падежное маркирование

В современной генеративной грамматике выражение грамматических категорий связывается с уровнем синтаксической проекции. Составляющая при этом предстает чем-то похожим на матрешку: более низкие уровни проекции вложены в более высокие. Определенный уровень проекции связан с так называемыми функциональными вершинами – единицами, соответствующими грамматическим признакам.

Говоря об именной группе, можно сказать, что выражение падежа в целом возможно лишь максимальным уровнем проекции, DP, – группой определителя или детерминатора [Тестелец, 2001, с. 568; Лютикова, 2014]. Схематически (несколько упрощая картину) связь уровня проекции с падежом можно представить следующим образом:

(24) DP {case:Gen/a/}

Именная группа здесь представлена как вложенные друг в друга проекции DP, NumP и NP. На уровне проекции DP, вершина которой представлена нулем, выражается информация о падеже. Таким образом, если по каким-то причинам «внешняя оболочка» матрешки, DP, отсутствует – падеж не может быть выражен, см. [Лютикова, 2014а] и приведенные там ссылки¹.

С другой стороны, каждый уровень проекции («оболочка матрешки») соответствует определенному типу именных зависимых. Единицы уровня D – артикли, указательные и неопределенные местоимения – должны оформлять референциальный статус, т.е. связаны с дискурсом и контекстом. Данные единицы надстраиваются на самом последнем этапе сборки именной группы, когда единицы, формирующие экстенционал именной группы, уже объединены:

(25) Об [_{DP} этих [всех [своих [чувствах]]]]...
 кроме [_{DP} этих [бешеных [серых [струй]]]]...
 об [_{DP} этих [трех [сутках]]]...
 [_{DP} этих [пресловутых [Неизвестных [Отцов]]]]...
 на [_{DP} этих [гнусных [ехидных [колышках]]]]...
 (Из произведений А. и Б. Стругацких)

¹ Также специальной проекцией выражается число и прочие грамматические категории, релевантные для данного языка.

Единицы уровня DP не могут входить в состав сложного слова:

- (26) а. $[_{DP} \text{этот } [_N \text{год}]] *[_{DP} \text{это(го)год}]\text{-ный}$
 б. $[_{DP} \text{такая } [_N \text{погода}]] \rightarrow *[_{DP} \text{так(о)погод}]\text{-ный}$

Итак, за выражение падежа на словоформах и передачу абстрактного дейктического значения отвечает один и тот же уровень проекции – DP. Сложные слова не могут содержать элементов уровня DP, т.к. данный уровень проекции слишком далеко от лексического ядра и выражает абстрактное значение, тесно связанное с конситуацией. Подробнее про ограничения на проекцию функциональной структуры в лексическую см., например, [Borer, 2013].

Схематически запрет на включение DP (= выражение падежного значения) можно представить следующим образом:

- (27) а. $[_{NP} \text{дом } [_{DP} \text{отца}]] \rightarrow *[_{NP} \text{отце } [_{DP} \text{дом}]]\text{-ный}$
 б. $[_{NP} \text{ведро } [_{DP} \text{воды}]] \rightarrow *[_{NP} \text{вод } [_{DP} \text{ведер}]]\text{-ный}$

В исследованиях по структуре именной группы со времен сильно повлиявшей на формальный синтаксис диссертации Стивена Эбни [Abney, 1987] проекция числительного анализируется как вложенная в DP, см. [Гращенков, 2006; Лютикова, Перельцвайг, 2015] и приведенные там ссылки:

- (28) $[_{DP} \text{эти } [_{NumP} \text{два } [_N \text{года}]]]$

Можно заключить, что образование сложных слов возможно до некоторого уровня именных проекций. Числительные, которые соответствуют проекции NumP, могут входить в состав сложных слов, а надстраиваемые над ними DP (см. выше) – нет:

- (29) а. $[_{NumP} \text{два } [_N \text{компонента}]] \rightarrow [_{NumP} \text{дв } [_N \text{компонент}]]\text{-ный}$
 б. $[_{NumP} \text{пять } [_N \text{комнат}]] \rightarrow [_{NumP} \text{пят}^{\prime} [_N \text{комнат}]]\text{-ный}$

Примечательно, что в случае числительных более *одного* на первой основе при этом всегда присутствует показатель генитива:

- (30) а. *дв-ух-компонент-н-ый*
 б. *пят-и-комнат-н-ый*

Если опираться на грамматику составляющих, и, в частности, Минималистскую программу, можно предложить следующее объяснение. Как известно, русские числительные больше *одного* предписывают всем располагающимся после них элементам родительный падеж:

- (31) а. *При выполнении этого задания ученики также изучили* [NumP два [NP новых электронных компонента]]: *выключатель и зуммер.*
- б. *В доме пять спален, кабинет, [NumP пять [NP больших гардеробных комнат]], кухня, отдельная столовая, закрытый бассейн...*
- (Интернет)

Числительные присваивают падеж не только существительному, а всей проекции в целом. В сложных словах мы имеем, таким образом, следующую ситуацию: родительный падеж приписан всей составляющей, но не может быть выражен существительным – см. указанный в начале статьи запрет на употребление русских падежных с деривационными показателями (*гореный, *стененый, ...). Единственная возможность выразить падежный признак – маркировать само числительное, что и наблюдается в русском языке¹.

Итак, падежное маркирование в составе русских (сложных) основ невозможно, что следует из запрета на вхождение высокого уровня именной проекции, DP, в состав словоформы. Числительные, располагающиеся ниже в проекции, могут входить в сложные слова, но при этом вынуждены выражать падежное значение, т.к. они единственные из всей именной составляющей могут нести падежное окончание.

3.2. Порядок деривации

Интересным вопросом является порядок образования сложных слов. При подчинительном отношении возможны следующие два случая. В (32а) вторая основа сперва присоединяет суффикс, после чего объединяется с первой основой, в (32б) основы сначала образуют общую составляющую, а потом присоединяют суффикс:

- (32) а. [кисл [молок [-ьн]]]
 б. [[[кисл] молок] -ьн]

¹ Автор отдает себе отчет в том, что данный анализ, использующий «механизм пере-вешивания падежа от одного элемента числовой группы к другому» (ренезент) требует дополнительных уточнений, как теоретического, так и конкретноязыкового характера. Мы, однако, считаем, что данное рассуждение является лишь одним из дополнительных аргументов в пользу грамматики составляющих, связанных, кроме этого, с достаточно частной проблемой. Автор позволил себе оставить это рассуждение в данной работе как не несущее основную доказательную нагрузку, но, возможно, имеющее некоторые шансы на развитие в дальнейшем – объяснение наличия падежных окончаний на числительных в сложных словах является непростой задачей для любой теории.

Ниже мы покажем, что в случае подчинительной конструкции мы имеем дело со структурой (32b).

Сложные прилагательные принято считать суффиксальносложными в случаях:

i) когда они образуются при помощи иного, чем исходная вторая основа, суффикса;

ii) если простые аналоги сложных слов отсутствуют;

iii) если сложные прилагательные меняют позицию ударения.

Мы добавим к этим аргументам еще два:

iv) смена семантики второй основы;

v) семантический порядок деривации [Русская грамматика, 1980, §760].

После обсуждения языкового материала мы затронем вопрос о том, почему все эти свойства можно считать аргументом в пользу существования составляющих в составе сложных слов. Мы покажем, что деривация сложных прилагательных проходит в два последовательных этапа:

а) образование сложной основы;

б) последующая суффиксация.

3.2.1. Смена суффикса

В качестве примера смены суффикса сложным прилагательным, i), приводятся следующие случаи:

(33) а. *ходовой – быст^рходный, береговой – левобереж^ный, грузовой – тяж^{ел}огрузный, домовый – однодом^ный, голосовой – многоголос^ный, цветовой – многоцвет^ный, ...*

[Там же]

б. *годовой – ежегод^ный и прошлогод^ный, новогод^ный; городской – иногород^ный, ...*

[Там же]

с. *дворовый – гостинодворск^ий, речной – москворецк^ий; степной – голодностепск^ий (Голодная степь), земельный – новоземельск^ий (Новая Земля)*

[Там же]

д. *душев^ный – криводуш^ный, чинов^ный – разночин^ный, словес^ный – многослов^ный*

[Там же]

Несмотря на то, что некоторые модели в современном языке непродуктивны, другие, безусловно, представляются вполне «живыми». К последним относятся переходы *-ов* в *-н* и *-н* в *-ск*. В обоих случаях из единиц с нейтральной семантикой «относящийся к» мы получаем

семантически специфицированные единицы: в одном случае (переход от *-ов* к *-н*) – это качественные прилагательные с суффиксом *-н*, способные к градуальному изменению признака (ср. также *земляной – редкоземельный, костяной – ширококостный*), в другом (переход от *-н* к *-ск*) – относительные прилагательные с суффиксом *-ск*, одной из функций которого является кодирование локативных отношений.

Изменение семантики второго компонента могло бы говорить о том, что новый суффикс выбирается из-за несовпадения значения. Однако, во-первых, все использованные выше суффиксы в значительной степени десемантизированы. Во-вторых, отсутствие прилагательных типа **ходный, *домный, *голосный, *рецкий, *стенский, ...* говорит о том, что востребованный новый вариант суффикса связан с обеими основами, а не только со второй из основ.

К примерам из [Русская грамматика, 1980] можно добавить еще одну продуктивную модель, связанную с дериватами от частей тела, см. [Виноградов, 1975, с. 162]. Одноосновные прилагательные в данном случае образуются при помощи суффикса *-аст*, имеющего семантику «обладающий X-ом, превосходящим стандарт по некоторому параметру». В образовании сложных прилагательных данный суффикс не участвует, и вторая основа оказывается (фонологически) не маркирована, при этом иногда наблюдается чередование полногласных/неполногласных основ (ср. также *хвостатый – длиннохвостый, крылатый – краснокрылый, ...*):

- (34) *ушастый – вислоухий; головастый – яйцеголовый/двуглавый; глазастый – кареглазый; зубастый – белозубый; щекастый – краснощекий, ...*

3.2.2. Отсутствие исходной лексемы

К описанному выше сценарию близка ситуация ii), при которой вторая основа не образует самостоятельное прилагательное:

- (35) а. *одноногий, семимильный, трехосный, ...*
 б. *серосодержащий, самонадеянный, трудноуловимый, ...*

Примеры (35а) представляют собой случаи, где вторая часть состоит из имени, по тем или иным причинам не образующего самостоятельного прилагательного: **ногий, *мильный, *осный*. В (35б) входят примеры, второй частью которых являются причастия, некоторые из которых существуют в русском языке (*содержащий, уловимый, ...*), однако употребляются только с собственными зависимыми, представляющими собой часть глагольной группы, т.е. могут быть только причастиями, но не прилагательными:

- (36) а. *содержащая вредные вещества продукция*
vs. **содержащая продукция*
б. *с едва уловимым заискиванием* vs. **с уловимым заискиванием*
(Интернет)

3.2.3. Ударение

Далее, перейдем к доводу iii), связанному с ударением. Большинство сложных прилагательных имеет ударение на том же слоге, что и их вторые части:

- (37) *глубоководный, одноразовый, второсортный, металлообрабатывающий, энергопитаемый, воздухоплавающий, приморский, ...*

Отметим, что ударение в таких словах ставится так, как если бы сначала образовывались комплексы [основа1-основа2], а затем присоединялся бы суффикс. Приведем рассуждения А.А. Зализняка: «основа слова *безлошадный* получена в два шага (ср. выше):

1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-*; с акцентологической точки зрения это сильная доминантная основа с ударением на последнем слоге..., но соответствующего реального слова нет;

2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н*» [Зализняк, 2002, с. 421].

Ударение в сложных словах часто не совпадает с ударением на употребленной независимо вершине [The Oxford Handbook of Compounding, 2011]. Русские сложные слова также располагают ударением иначе, чем дериват от второй основы: *дверной – пятидверный, основной – двухосновной*, см. также следующие примеры:

- (38) *земной – иноземный, стенной – тонкостенный, именной – одноименный, большой – сердобольный, лесной – мелколесный, волновой – коротковолновый, вековой – средневековый, морской – североморский, дневной – ежедневный, ...*

[Русская грамматика, 1980, §760]

Отметим, что во всех этих случаях прилагательное от второй основы имеет сильную флексию *-ой*. При образовании сложного слова ударение смещается ровно на один слог вперед – с флексии на основу (*земной – иноземный*) или на суффикс (*волновой – коротковолновый*). В первом случае снова работает логика «образуй сложный комплекс и поставь

ударение на нем, как если бы это было словосочетание». Однако в случае ударения на суффиксе она уже не дает нужного результата.

Объяснить различие в постановке ударений помогает подход, принятый в Распределенной морфологии – синтаксической теории, созданной для анализа морфологических явлений [Marantz, 1997]. Одно из ключевых понятий в Распределенной морфологии – так называемое позднее вставление, Late Insertion [Harley, Noyer, 1999]. В соответствии с принципом позднего вставления сначала абстрактные лексические и морфологические единицы собираются в составляющую, а затем, когда синтаксическое дерево из них уже готово, оно озвучивается фонологическим модулем.

Очевидно, принцип позднего вставления срабатывает в примерах выше на уровне [[основа1-основа2]-суффикс]. В том случае, когда суффикс является потенциальным акцентоносителем, ударение располагается на нем, когда суффикс не может нести ударения, оно падает на основу.

Позднее вставление позволяет разрешить еще одну проблему. А.А. Зализняк вводит понятие так называемого «неплотного соединения» для случаев, когда присоединенная морфема (в нашем случае, т.е. в случае [основа1-основа2], – первая основа) «не меняет акцентуации основной части словоформы... Например, *двухвинтовой* с семантической точки зрения есть относительное прилагательное к “два винта” (как *двуручный* – к “две ручки”), т. е. “семантические скобки” стоят здесь иначе, чем морфонологические. Ср. также отсутствие смысловых различий между вариантами *первоочерёдный* и *первоочередной*» [Зализняк, 2002, с. 376].

Принцип позднего вставления позволяет объяснить такой пример скобочного парадокса из русского языка, т.е. различие в расстановке фонетических и семантических границ. Решение тривиально – озвучивание происходит после «полной сборки» комплекса [[основа1-основа2]-суффикс].

3.2.4. Смена семантики

Аргумент iv состоит в том, что многие основы прилагательных, являющихся вершиной сложных слов, существенно меняют свое значение. Приведем следующие примеры:

- (39) *стодесятикисильный, трехсотлетний¹, разносторонний, равномерный, ...*

¹ Относительно нарушения ограничения на более чем одно зависимое в случаях типа *стодесятикисильный, трехсотлетний* см. [Гращенков, в печати].

Лексемы *сильный, летний, сторонний, мерный* имеют иную семантику, чем аналогичные им части приведенных выше сложных прилагательных. Это можно показать на примере смены их синтагматики:

- (40) *стодесяти**сильный** двигатель* ≠ *сильный двигатель*
*трехсотлет**ний** конфликт* ≠ *летний конфликт*
*разносторон**ний** человек* ≠ *сторонний человек*
*равномерное движени**е*** ≠ *мерное движение*

3.2.5. Семантический порядок деривации

Еще один аргумент из области семантики связан с возможностью отслеживания для некоторых суффиксов их влияния на структуру, которую они оформляют. Так, ряд суффиксов русских прилагательных обладает прозрачной семантикой. Например, суффиксы *-ист* и *-(ч)ат* имеют примерно следующую семантику: «содержащий X в большом количестве (на поверхности)»:

- (41) а. *волокну**стый**, щети**стый**, глини**стый**, бугри**стый**, тенис**тый**, ...*
 б. *веснушча**тый**, бревенча**тый**, дырча**тый**, зубча**тый**, матерча**тый**, ...*

Ряд сложных прилагательных допускает образование с участием *-ист* и *-(ч)ат*:

- (42) а. *тонковолокни**стый**, мелкощети**стый**, твердобугри**стый**, белопери**стый**, широковетви**стый**, мелкозерни**стый**, ...*
 б. *светлобревене**чатый**, крупнодырча**тый**, мелкозубча**тый**, острозубча**тый**, черночешуйча**тый**, мелкотравча**тый**, ...*

Если бы в данных сложных образованиях сначала получались бы прилагательные *волокну**стый**, щети**стый**, бугри**стый**; бревене**чатый**, дырча**тый**, зубча**тый***, мы имели бы значения «тонкий и волокну**стый**», «мелкий и щети**стый**», «твердый и бугри**стый**»; «светлый и бревене**чатый**», «крупный и дырча**тый**», «мелкий и зубча**тый**» (именно таков порядок деривации при сочинении). Очевидно, что значение сложных прилагательных устроено иначе: *тонковолокни**стый*** означает «с тонкими волокнами», а *мелкозубча**тый*** – «с мелкими зубцами» и т.д.

Данные суффиксы, в принципе, могут встречаться и при сочинении, но порядок построения значения уже иной: *солнечно-мгли**стый**, каменисто-мусор**ный*** значат «солнечный и мгли**стый**», «камени**стый** и мусор**ный**».

3.2.6. Порядок деривации русских сложных прилагательных: итоги

Мы склонны считать, что за перечисленными свойствами, которые в [Русская грамматика, 1980, §760] определены как суффиксально-сложный способ словообразования, стоят два последовательных процесса:

- i) образование сложной основы;
- ii) присоединение к такой составляющей суффикса.

Выше мы наблюдали, как последовательность Adj1 + Adj2 + Suff отличается от последовательности Adj2 + Suff следующими свойствами:

(43)

	Adj1 + Adj2 + Suff	Adj2 + Suff
i) суффикс	<i>быстроходный</i>	<i>ходовой</i>
ii) нет исходной лексемы	<i>одноногий</i>	<i>*ногий</i>
iii) ударение	<i>инозёмный</i>	<i>земной</i>
iv) семантика второй основы	<i>стодесяти сильный</i>	<i>сильный</i>
v) порядок деривации	<i>тонковолокнистый</i>	<i>волокнистый</i>

Отсутствие исходной второй лексемы либо смена ее семантики говорят о том, что в сочетании с первой основой вступает не та же единица, которая сочетается с деривационным показателем. То же самое показывает и порядок деривации. Данные факты свидетельствуют о том, что сначала происходит объединение двух основ, а уже затем – присоединение суффикса. Об этом же говорит и различие в поведении комбинации двух основ и одной второй основы при выборе суффикса. Ударение – с учетом позднего вставления – также говорит в пользу того, что

- i) элементы соединяются последовательно;
- ii) в порядке [[основа1-основа2]-суффикс], а не [основа1-[основа2-суффикс]].

Таким образом, рассмотрение правил образования русских сложных прилагательных свидетельствует в пользу подхода, предполагающего бинарное ветвление – последовательное попарное объединение элементов. Бинарное ветвление используется в большинстве современных синтаксических теорий, основанных на грамматике составляющих [Carnie, 2010, с. 120–121], во многом как раз по той причине, что оно отражает порядок объединения элементов, т.е. синтаксической и семантической деривации.

Протицируем здесь результат, полученный А.А. Зализняком на основе наблюдений за русской акцентуацией: «Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде

последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе (т.е. некоторой последовательности морфем, включающей корень) присоединяется один аффикс (в случае словосложения вместо аффикса выступает вторая основа). Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так называемый префиксально-суффиксальный способ, например, *безлошадный*, *обессахарить*, сочетание сложения с суффиксацией, например, *разноязычный*, и другие комбинации... Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений» [Зализняк, 2002, с. 420].

4. Заключение

В данной работе мы рассмотрели материал русских сложных прилагательных. Как мы постарались показать, образование сложных слов, в частности, прилагательных – абсолютно продуктивный процесс, в основе которого лежат те же единицы, что и при образовании словосочетаний в синтаксисе. Мы представили модели образования сложных слов, включающие существительные, глаголы и предлоги.

Мы предложили объяснить запрет на участие определенных типов конструкций в образовании сложных слов принятыми в современной генеративной грамматике представлениями о синтаксической структуре. В частности, запрет на употребление падежных форм и различных типов местоимений следует из того, что они участвуют в проекциях достаточно высокого уровня, которые не могут быть включены в состав (сложных) слов.

Мы также исследовали порядок семантической деривации, правила организации сложной словоформы и постановки ударений в ней. Мы пришли к выводу о том, что в основе образования сложных прилагательных лежит принцип последовательного бинарного ветвления. Как мы полагаем, тот же принцип распространяется и на элементы «большого синтаксиса» в русском языке, но в этом случае последовательное бинарное упорядочивание менее очевидно из-за богатой русской морфологии и связанного с этим свободного порядка расположения элементов в поверхностной синтаксической структуре.

Бинарный характер ветвления говорит о лучшей применимости грамматики составляющих к русскому языковому материалу. Грамматики зависимостей нечувствительны к порядку синтаксической деривации, в частности, из-за того, что задать ограничение на последовательно

биарное ветвление в них – проблематично. Сильная сторона грамматик зависимостей – в наглядном представлении о семантическом устройстве словосочетания. История синтаксической деривации лучше прослеживается при помощи грамматики составляющих.

Библиографический список

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. [Russkaya grammatika T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word-Formation. Morphology]. Ed. Shvedova N.Yu. Moscow, 1980.]

Виноградов, 1975 – Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // Избр. тр.: Исследования по русской грамматике. М., 1975. [Vinogradov V.V. On the question of modern Russian word-formation. *Izbrannye trudy: Issledovaniya po russkoi grammatike*. Moscow, 1975.]

Гращенко, в печати – Гращенко П.В. Морфология – взгляд из синтаксиса // Вопросы языкознания. В печати. [Grashchenkov P.V. Morphology – A view from syntax. Forthcoming.]

Зализняк, 2002 – Зализняк А.А. Акцентная система современного русского литературного языка // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 373–478. [Zaliznyak A.A. An accentual system of modern Russian standard language. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow, 2002. Pp. 373–478.]

Лютикова, 2014 – Лютикова Е.А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 4. С. 50–70. [Lyutikova E.A. Case and noun phrase structure: DOM in Mishar dialect of Tatar. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Seriya Filologicheskie nauki*. 2014. № 4. Pp. 50–70.]

Падучева, 1964 – Падучева Е.В. О способах представления синтаксической структуры предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 99–113. [Paducheva E.V. On methods of presenting the syntactic structure of sentences. *Voprosy jazykoznanija*. 1964. № 2. Pp. 99–113.]

Тестелец, 2001 – Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. [Testelecs Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis [An introduction to general syntax]. Moscow, 2001.]

Borer, 2013 – Borer H. The syntactic domain of content // *Generative Linguistics and Acquisition: Studies in Honor of Nina Hyams* / M. Becker, J. Grinstead, J. Rothman (eds.). Amsterdam, 2013. С. 205–248.

Carnie, 2010 – Carnie A. *Constituent Structure*. OUP, Oxford, 2010.

Dahl, 1980 – Dahl Ö. Some arguments for higher nodes in syntax: A reply to Hudson's 'constituency and dependency' // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. № 5/6. Pp. 485–488.

Harley, Noyer, 1999 – Harley H., Noyer R. *Distributed Morphology* // *Glott Internationala*. 1999. Vol. 4. I. 4. Pp. 3–9.

Hudson, 1980a – Hudson R. A second attack on constituency: a reply to Dahl // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. № 5/6. Pp. 289–504.

Hudson, 1980b – Hudson R. Constituency and dependency // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. № 3/4. Pp. 179–198.

Marantz, 1997 – Marantz A. No Escape from Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of Your Own Lexicon // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 1997. № 4. Pp. 201–225.

The Oxford Handbook of Compounding, 2011 – The Oxford Handbook of Compounding / Lieber R., Stekauer P. (eds.). Oxford, 2011.

И. Игартуа, Н. Мадарьяга

Русские малые числительные и их история в типологической перспективе

В статье рассматриваются морфосинтаксические особенности русских конструкций с так называемыми малыми числительными (*два/две, три* и *четыре*) на фоне общей типологии (малых) числительных конструкций в языках мира. Наша задача – доказать, что с помощью диахронического анализа категории малого числа в истории русского языка, а также посредством сравнения этих словосочетаний с подобными структурами в других языках, можно найти более полное объяснение наличию данных конструкций в современном русском языке.

Ключевые слова: согласование, одушевленность, несогласование, генитив, малые числительные, число, паукальные конструкции, кванторы, русский язык.

I. Igartua, N. Madariaga

Russian lower numeral phrases in typological and diachronic perspective¹

This article discusses the morphosyntactic properties of Russian lower or paucal numerals (*dva/dve* «two», *tri* «three», *četyre* «four») within a more general crosslinguistic view on (low) numeral constructions. We will show that the diachronic analysis of the processes resulting in the heterogeneous pattern triggered nowadays by these expressions and a comparison with other languages displaying similar morphosyntactic patterns can help us clarify more effectively the synchronic use of these constructions in Russian.

¹ We want to thank Pavel Grashenkov and Ekaterina Lyutikova for insightful discussion, as well as the audience at the “6th conference on Typology of Morphosyntactic Parameters”, held in Moscow on October 12–14, 2016, for comments and suggestions.

The research for this paper has been made possible by the grants from the Spanish Ministry of the Economy and Competitiveness FFI2014-57260-P and FFI2014-53675-P. Support given by the research group on linguistics (UF11/14) at the University of the Basque Country (UPV/EHU) and the research group on historical linguistics (IT698-13) funded by the Basque Government is also gratefully acknowledged.

Key words: agreement, animacy, disagreement, genitive case, lower numerals, number, paucal constructions, quantification, Russian.

1. Brief typological introduction to numeral constructions

The languages of the world make use of different morphological strategies with regard to numeral constructions or constructions including an overt numeral. According to Hurford [1994, 2003], for example, we find at least the following ways of forming a numeral construction crosslinguistically:

- (1) a. Numeral + a noun in the singular (or a number-indifferent form)
- b. Numeral + a noun in the plural (or other non-singular value)
- c. Numeral + a classifier + a noun
- d. Numeral + a preposition + a noun
- e. Numeral + a noun in a certain grammatical case (most often, in dative, genitive, or partitive)

Many languages resort to more than one of these strategies, displaying what Corbett [1978, pp. 363–368] calls «split uses». In this case, we can observe in most cases a distinction between lower numerals (in this paper, we will call them «paucal» numerals or «paucals»), which usually behave in a more adjectival fashion and higher numerals, which are more noun-like. This contrast is clear in most Slavic languages, especially in their earlier stages (e.g. Old Church Slavonic and Old East Slavic / Old Russian).

Generally speaking, we can say that Intra-Slavic variation is a good representative of this variety of forms, as the Slavic group of languages makes use of virtually every strategy available crosslinguistically, represented in (1) above. As we see in (2), in the Slavic nominative/accusative environments, even if we limit ourselves to paucal or lower numerals, we can find patterns including nouns in the singular or plural, classifiers, and different grammatical cases:

- (2) a. Languages with numerals associated with plural nouns: Czech, Slovak, Polish, Belarusian, and Ukrainian.
- b. Languages with singular, dual, and plural forms: Slovenian and Sorbian.
- c. Languages with numerals associated with genitive (singular and/or plural) nouns: Russian and Serbian/Croatian (at least in part).
- d. Languages with no declension but displaying an adnumerative form, at times analyzed as a classifier: Bulgarian and Macedonian.

It is a well-established fact that low number (dual, paucal) and low numerals in general often behave in a special way, and Russian is a good example. According to Corbett [2000], the dual number category is quite restricted and usually proceeds according to certain criteria, mostly related to individuation (i.e. the category is more prone to be realized in association with certain formal and semantic features of NP, such as person, animacy, and being a «countee» element, i.e. objects handled in small quantities and frequently counted, etc; cf. [Plank, 1996, p. 137]. The paucal category as a separate number category is even more restricted, representing in most cases an instance of «minor number», as for example in Avar, a Northeast Caucasian language in which only 89 words preserve paucal declension [Sulejmanov, 1985, pp. 115–117].

Another typological observation lies in the fact that lower numerals are more prominent than higher numerals, as the following properties evidence:

i) we find languages displaying only the numerals from 1 to 5, whereas higher numerals are just not used or are borrowed from surrounding languages (Awa Pit, Barasano, Gooniyandi, Hixkaryana, Kayardild, Mangarayi, Yakkha, and so on);

ii) other languages have underived forms only for the numerals «1» to «3–5» (sometimes also a word for «10»), the rest of numerals being created by the addition of low units (for example, in Imonda or Sandawe, in which «six» is just «5 + 1», «seven» is «5 + 2», etc.);

iii) there are languages in which only lower numerals have gender distinctions or declension, the higher ones being uninflected (Latin, Hopi, Taos, and so on);

iv) in some languages, low number and numerals just behave in a special way, displaying special morphology, agreement patterns, and the like (cf. Slavic languages, and the languages reviewed in Section 4 below).

A fact that has been noticed in the literature, as we will see a little later, is the special crosslinguistic incidence of animacy and individuation effects in lower numeral constructions. This is clear also in the case of Slavic paucal expressions: for example, in Bulgarian, Slovak, and Sorbian, there are special numeral forms for animate NPs associated with paucal numerals (2 through 5–6), as shown in (3). Note that the Bulgarian suffix *-ma/-ima* has been considered a kind of classifier [Cinque, Krapova, 2007, fn. 1]:

(3) Bulgarian

a. *dvama* / **dva učenci*
«two disciples»

[Scatton, 1993, p. 209]

b. *dva grada*
«two towns»

As for Russian paucal constructions, we observe a clear-cut differentiation between paucals (*dva, tri, četyre*) and higher numerals: first, they are the only ones showing animacy effects (*vižu [dva stola].NOM/ACC* «I see two tables» vs. *vižu [dvux studentov].GEN/ACC* «I see two students»), even in the case of regular paucals as compared to compound paucals (*vižu [trëx studentov].GEN/ACC* «I see three students» vs. *vižu [dvadcat' tri studenta].NOM/ACC* «I see twenty-three students»); the modifiers (determiners, adjectives) combined with lower numerals very often show nominative plural morphology, unlike higher numerals, always associated with the genitive case (we will see below that this effect is commonly found with dual number crosslinguistically); finally, the morphology of the numeral itself, as well as that of the associated noun, is special, with grammatical gender being one of the formal features that determines different aspects of the pattern (parallels to this are also found crosslinguistically, for example, in Somali and Scottish Gaelic; cf. [Saeed, 1999, p. 71; Corbett, 2000, p. 212]).

Russian paucals have been analyzed in the literature from several points of view [cf. i.a. Corbett, 1978, 1993, 1996; Mel'čuk, 1980, 1985; Babby, 1987; Bailyn, Nevins, 2008; Pereltsvaig, 2010, 2013; Pesetsky, 2013], but in this paper we would like to take another look at the phenomenon from a somewhat unusual standpoint: on the one hand, by introducing some historical data and, on the other, by comparing the relevant patterns with other languages displaying similarities in this kind of construction.

2. The puzzle: Russian paucal constructions in subject function

The most irregular morphosyntactic pattern of Russian quantification is without doubt the one displayed by paucal constructions in subject (or inanimate object) function. Compare the different morphological patterns triggered by Russian numerals in (4):

(4) a. Paucal masculine / neuter subjects:

Lower numeral (2–4) – Adjective_{GEN.PL} – Noun_{GEN.SG}

Paucal feminine subjects:

Lower numeral (2–4) – Adjective_{NOM.PL/%GEN.PL} – Noun_{GEN.SG}

Higher numerals (of any gender) in subject function:

Numeral 5 or higher – Adjective_{GEN.PL} – Noun_{GEN.PL}

Oblique cases (of any gender and with any numeral):

Numeral_{OBL} – Adjective_{OBL} – Noun_{OBL}

These four constructions are illustrated in the examples in (5):¹

(5) a. Žili u babusi dva vesělyx gusja. (=4a)
lived.PL at grandma two happy.GEN.PL goose(M).GEN.SG
«Granny had two happy geese».

b. Dve dobrye / %dobryx babusi deržali
two good.NOM.PL / good.GEN.PL granny(F).GEN.SG had.PL
gusej. (=4b)
geese
«Two good grannies had geese».

c. Žili u babusi desjat' vesělyx gusej. (=4c)
lived.PL at grandma ten [happy geese](M).GEN.PL
«Granny had ten happy geese».

Pesnja o dvux / desjati vesělyx gusjax
song about two.PREP / ten.PREP happy.PREP.PL geese(M).PREP.PL
/ babusjax. (=4d)
/ grannies(F).PREP.PL
«A song about two/ten happy geese/grannies».

Before going on with more peculiarities of the paucal constructions in Russian, let us state clearly an initial assumption: it has been widely shown in the literature of virtually every linguistic orientation that the apparent genitive singular form on the noun in examples like (5a-b) is not a real genitive form, but a special numerative form. The reader may be referred here to Isačenko [1962], Dingwall [1969], Corbett [1978], Mel'čuk [1985], Klimonov [1987], Andersen [1997], Isakadze [1998], Bailyn, Nevins [2008], and Pereltsvaig [2010, 2013].² This form has received several names (numerative, adnumerative, dual, and so forth), but we will call it «paucal», as a cover term including dual number and the numeral «two», as well as the other two low numerals. This is in fact the term most often used with regard to Russian in recent works.

The previous explanations about this irregular pattern can be conventionally divided into two types: first, purely PF-accounts, such as Bailyn, Nevins [2008]. These authors propose a uniform syntax for all the elements included in a paucal construction and explain their heterogeneous

¹ The interlinear glosses in this paper are in accordance with the Leipzig Glossing Rules (<https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>).

² Not all authors agree with this assumption, though. The most representative opponent of this idea is Pesetsky [2013]. For a review including some criticism of this, see for example, Bailyn [2014].

morphological realization as a series of impoverishment processes tied to several case-insertion rules, which would be responsible for rendering the final morphological exponent on each element. However, the second and most frequent type of explanations are those accounting for this irregular pattern from a strict syntactic point of view [Franks, 1994; Isakadze, 1998; Pereltsvaig, 2006, 2010, 2013; Bošković, 2006].

Both kinds of accounts face several problems, namely the existence of syntactic effects (in the case of purely PF-like accounts) and, in the case of the syntactic accounts, the indeterminacy of the semantic component allegedly associated with the different syntactic structures, on the one hand, and the arbitrariness of certain morphological effects not covered by a syntactic explanation, on the other. Let us see some of these effects:

(a) The *syntactic effects* disregarded by a pure PF-account affect several areas of agreement phenomena, but here let us comment only on verbal agreement, which is the most salient one (cf. also [Worth's, 1959] riddle on similar effects on postposed adjectival agreement): in principle, every Russian numeral can trigger plural or default agreement on the verb, as shown in (6), but lower numbers involve an additional effect (7): while masculine/neuter and feminine paucal expressions including a genitive plural adjective (7a-b) follow the alternating pattern in (6), feminine constructions with a nominative plural adjectival variant block default agreement, and must always agree with a plural verb (7c). This effect was noted by [Suprun, 1957, pp. 76–77; Corbett, 2006, pp. 196–197]:

(6) Pjat' studentov/studentok **prišlo/prišli** segodnja na zanjatie.
 five students(M).GEN.PL/(F) came.N.SG/PL today to lesson
 «Five (male/female) students came to class today».

(7) a. Na stole ležali/ležalo dva **krasnix** karandaša.
 on table lied.PL/N.SG two red.GEN.PL pencils(M).PAUC
 «There were two big pencils lying on the table».

b. %Na stole ležali/ležalo dve **bol'six** knigi.
 on table lied.PL/N.SG two big.GEN.PL books(F).PAUC

c. Na stole ležali/*ležalo dve **bol'sie** knigi.
 on table lied.PL/N.SG two big.NOM.PL books(F).PAUC
 «There were two big books lying on the table».

(b) The purely syntactic accounts, on the contrary, face a different type of problem: there is *no clear-cut semantic contrast* between both syntactic variants related to different types of verbal agreement in many cases. Speakers can perceive, as Pereltsvaig [2006] notes, that the agreeing plural variant

in (8) biases the interpretation of the elements included in the paucal expression as individualized, i.e. elements with individual reference, an interpretation rendered, according to Perelstvaig, by the presence of a DP-layer. This would be why the subject of an agreeing verb is able to bind the lower anaphora, while the subject of a default verb has allegedly no DP-layer and therefore cannot bind the anaphora (this last structure would render a group reading of the elements in the subject, according to Perelstvaig):

- (8) Pjat' studentov ??*posmotrelo/posmotreli na sebja
 five students(M).GEN.PL looked.N.SG/ PL at self
 v zerkalo.
 in mirror
 «Five students (group vs. individuated) looked at themselves
 in the mirror».

But there is much more than this to these constructions, even if we restrict ourselves only to their semantic effects. As noted in Section 1, a crucial feature in paucal constructions crosslinguistically can be the presence or absence of a human/animate feature: in Russian, this effect is also observed. To give an example, an inanimate phrase such as the one in (9a), clearly not a DP, but a PP, and even more, deprived from an individual reference reading (because of its approximative sense), renders an ungrammatical sentence. But exactly the same construction when the subject is animate is perfectly fine when the verb stands in plural form (9b):

- (9) a. Prišlo/???prišli ot trëx do pjati pisem.
 came.N.SG/PL from three to five letters
 «Some three to five letters arrived».
 [Ljutikova, 2016, p. 208]
- b. V komnatax **mogut** proživat' ot dvux do trëx
 in rooms be able.PL live from two to three
 studentov.
 students
 «Some two to three students can live in these rooms».

In our own survey on paucal constructions in Russian, answered by 197 native speakers,¹ we also observe the impact on plural agreement triggered by human subjects (and to a slightly lesser extent, also other animate subjects of active verbs) in these paucal constructions.

¹ We thank all the people who agreed to answer the questionnaire and are deeply indebted to Xenia Semionova for her invaluable assistance with distributing it and helping with the answers received.

Another important factor is the position of the subject: postverbal subjects are more prone to trigger default verbal agreement than preverbal ones.¹ This fact led some scholars to propose the so-called Positional Approach [Franks, 1994; Isakadze, 1998; Bošković, 2006]. In fact, it seems that such a positional account, combined with the observation about animacy made before, can override the alleged absence of a DP-layer in most cases, including (8) above; thus, postverbal animate subjects can trigger default on the verb, even in case they bind anaphoras and/or clearly display an individual reference reading, as in (10):

(10) a. **Posmotrelo** se**ba** na jutube pjat' ženščin
 looked.N.SG themselves on YouTube five women(F).GEN.PL
 (po očeredi).

(in row)

«Five women in a row (no group reading) looked at themselves on YouTube».

b. PRO **Staralos'** zalezť na Èverest v odinočku vsego
 tried.N.SG climb to Everest in loneliness only
 dve ženščiny.

two women(F).PAUC

«Only two women tried to climb Everest all alone».

In any case, the semantic effects triggered by the default verbal forms in paucal constructions are nothing comparable to other more salient semantic effects, in which Pereltsvaig's [2006] Small Nominals are certainly involved. For example, small NPs, which are completely non-referential (*vybrat' v prezidenty* «chose as a president», *komnata na pjat' čelovek* «room for five people», *siloj v tri medvedja* «as strong as three bears»), or other parts of Russian quantification (partitives, cumulatives, genitive of negation, and so on), in which the contrast between the agreeing variant (11a) and the non-agreeing one (11b) lies in a very clear distinction in specificity of the corresponding NP subjects:

(11) a. [_D **Voda**] potekla / ne potekla.
 water(F).NOM.SG flowed.F.SG / not flowed.F.SG
 «The water (specific) flowed / did not flow».

¹ Besides these two, other factors also determine the preference for the plural variant: (i) the specificity of the subject, (ii) the individuation level of the elements in the counting (as noted by i.a. [Mel'čuk, 1985; Pereltsvaig, 2006]); (iii) the use of a lower numeral; and (iv) the presence of an active / telic verb [Graudina et al., 1976; Kuz'minova, 2004].

b. dva goda (Čelobitnaja N.G. Šarapova No. 134, 1694, 119)
 two years(M).OLD DUAL
 «two years»

(b) On the other hand, adjectives related to both dual and the lower numerals «three» and «four» were marked with nominative plural (14), but in the 16th century an innovation was introduced in these expressions: some times postposed adjectives could be realized as genitive plural forms, as shown in (15):

(14) a. Masculine
 dva dvora pustye (Gramota from Suzdal', 1612)
 two.M courtyard(M).OLD DUAL empty.NOM.PL
 «two empty courtyards»

b. Feminine
 dvě ry(b)ki zoločony
 two.F fish(F).NOM.PL golden.NOM.PL
 (Gramota No. 99, 1521, Žolobov 2003: 179)
 «two gilt fish»

(15) A indějskii 4 vozyri velikix
 and Indian.NOM.PL four viziers(M).NOM.PL big.GEN.PL
 (Afanasii Nikitin's Journey, 16th century copy, 15)
 «Four important Indian viziers»

According to Žolobov [2003, p. 180], this genitive plural marking was introduced in paucal expressions from the corresponding phrases with higher numerals, most probably from compound lower numerals. This innovation gave rise to a second instance of competing grammars in the language between the 16th and 18th centuries, namely the alternation between nominative plural and genitive plural on adjectives in paucal expressions of all genders [Bogusławski, 1966], which nowadays has survived as such only in the case of feminine paucal expressions (the masculine and neuter pattern definitely adopted the genitive plural form more than a century ago).

4. Morphosyntactic hybrids and some crosslinguistic parallels

After having reviewed the history of the construction at issue, let us have a look at similar patterns of *disagreement* or heterogeneous concord patterns triggered by low number/numerals in other languages.

According to Haspelmath (2013), even if a language marks plurality overtly on regular NPs, the insertion of an overt numeral can give rise to further different patterns, so it can be the case that:

- (i) no plurality marker is used with numerals (as in Lezgian);
- (ii) the plurality marker is allowed optionally with numerals (like Itzaj);
- (iii) the plurality marker is anyway required (in most languages).

Plurality, in these cases, is more often left unmarked when the NP is indefinite (as in Mangarayi) and, on the contrary, is most likely overtly marked on human NPs than inanimate NPs (as in e.g. Sandawe, in which the plural suffix *-sò* is used only with human entities, reminding us of some Slavic languages; cf. Section 1 above).

Graščenkov [2002] defines a further typological property for Haspelmath's [2013] types (i) and (ii): if singular morphology in a numeral expression is allowed in a language, then related categories (adjectives, demonstratives, and verbs) display singular as the preferred form (as in Tsakhur, Ossetic, Finnish, Nivkh, Tatar, Buryat, and so forth), although plural is also available.

This all shows that the presence of a numeral gives rise crosslinguistically to various mismatches or ways of disagreement not only of the noun with respect to the numeral, but also between the noun and related verbs and modifiers.

The same effect is observed with regard to the presence of low number or low numerals in many languages. Let us see a pair of examples focusing on cases in which low number values are implied; in these, dual number triggers morphosyntactically «irregular» patterns or patterns of «disagreement» between the nouns and modifiers / verbs related to it:

(a) Our first language is Mangarayi (a non-Pama-Nyungan Australian language, analyzed by [Merlan, 1982]): here, the disagreement pattern displayed by modifiers / verbs with respect to agreeing subject and objects proceeds according to animacy distinctions, as shown in (16):

(16) Mangarayi

a. Ø-| urʔ+ma-ñ wađi j ŋabaranwa jadba-ra-ŋan.
 3SG/3SG-cut up-PST.PFV also two upperleg-DU-ACC
 «He also cut up the two legs».

b. Da| i-na ŋa| a-bugbug wuran-jirag
 F.NOM-DIS F.NOM-old person 3SG/3DU-eat-PST.PFV
 malam-gara-ŋan.
 man-DU-ACC

«That old woman ate the two men». [Merlan, 1982, p. 91]

In (16a), the verb does not agree in number (dual) with the dual inanimate object, while in (16b) the corresponding exponent in the verb in (16b) does agree in dual with the animate object (we disregard here other potential factors behind this difference, like the contrast between occasional and

natural pairs). This effect is reminiscent of Russian in that in Mangarayi, too, animate and active subjects tend to trigger plural verbal agreement, unlike inanimate subjects.

(b) A very interesting pattern with respect to the category of low number is observed in Hopi, a Northern Uto-Aztecan language, as analyzed by Whorf (1946), Corbett (2000), and Sadler (2011):¹ here the disagreement pattern between a dual noun with respect to its modifiers and verbs results in an asymmetric relation. The morphology displayed on modifiers and verbs, both of them being instances of disagreement with respect to the dual nouns, is different depending on the element involved: in Hopi, only nouns have retained dual morphology, that is, neither verbs nor modifiers have dual forms so that, according to Sadler (2011), these elements are impoverished in diverse ways: «dual» verbs are singular, while «dual» pronouns are plural (17b). Interestingly, the combination of a plural pronoun with a singular verb renders a dual entity in Hopi (17a):

(17) a. Hopi

Puma wari [Corbett, 2000, p. 160]
 DEM.PL run.PFV.SG
 «They (two) ran».

b. Hopi

Puma moosa-vit wari.
 DEM.PL cat-DU run.PFV.SG
 [Kalectaca, 1978, p. 58, *apud* Sadler, 2011, p. 412]
 «Those (two) cats ran».

Sadler's [2011] explanation for this phenomenon is based on an under-specified feature representation together with the neutralization of the distinctions between dual and plural/singular in the case of modifiers / verbs. In this paper, we adopt a similar idea to account for the disagreement pattern in Russian paucal constructions, to which we turn in the next section.

5. Back to Modern Russian

As we said in Section 3, after the complete disintegration of the dual as a number category in Russian, starting from the 16th century on we observe various situations of competing grammars regarding expressions with low numerals. In addition, a spurious element was introduced into Russian in the 16th century, namely a genitive plural marker on adjectives,

¹ Jingulu, another non-Pama-Nyungan Australian language, behaves similarly to Hopi in this respect [cf. Pensalfini, 1999].

which had been limited to other quantificational expressions and higher numerals, but was totally strange in association with low numerals, which had been exclusively nominative (dual/paucal or plural) up to that time.

As reported before, this irregular form was inserted as an innovation under the influence of compound paucal numerals and was a clear instance of the so-called genitive of quantification, which was found in every other instance of Russian quantification, except for low number. Assuming that some sort of quantificational, adverbial, or partitive head – or more than one – is responsible for genitive case assignment in Russian quantification [cf. Babby, 1987; Franks, 1994; Bailyn, 2004; Testelest, 2010; Bošković, 2013; Ljutikova, 2016], we can ask ourselves how speakers managed to accommodate the quantificational «alien» element into paucal constructions.

The original «old» structure related to dual/paucals was a regular nominative construction (the adjective lost its dual exponent very early, and replaced it with a plural form):

- (18) [_(D) [dva [_N dvora pustye]]]
 two.M courtyard(M).NOM.PAUC empty.NOM.PL
 «Two empty courtyards»

On the other hand, the innovating «alien» element was taken from regular quantificational constructions, as in (19):

- (19) [dvadcat' [_Q [_N dvorov **pustyx**]]]. (= quantificational genitive)
 twenty [courtyard empty].GEN.PL
 «Twenty empty courtyards».

The introduction of an innovation in a language gives rise to a situation of competing grammars, which can derive into double coding [cf. Kroch, 1989]: in such cases, the old variant becomes more restricted (in Russian, it was preserved only in feminine expressions containing a nominative plural adjective), while the new variant is progressively spread (here, the variant with a quantificational element inside).

In order to handle the «alien» quantificational element, the speakers could resort to certain mechanisms at the level of the interface with PF, in order to repair this morphological «irregularity»: more specifically, we propose that, as in Hopi, an impoverishment process tied to a pattern of morphological underspecification can solve the morphological problem.

A possible feature specification for nouns and verbs / modifiers in Russian can be the following (very similar to the one proposed for Hopi by [Sadler, 2011]):

(20) Nouns:	Singular Ns	[+sg, -pl]
	Plural Ns	[-sg, +pl]
	Paucal (<dual) Ns	[+sg, +pl]
(21) Verbs/modifiers:	Singular V / A	[+sg, -pl]
	Plural V / A	[+pl]
	Default V / A	[numberless, genderless]

The reader can observe a differentiated number specification for nouns vs. verbs / modifiers in (20) and (21) respectively; only that, unlike Hopi, Russian seems to display a symmetric pattern leveling modifiers and verbs, on the one hand, *versus* nouns, on the other. As in Hopi, nouns would be fully specified as singular, dual/paucal, or plural entities, while modifiers and verbs undergo different impoverishment processes: on the one hand, in the absence of their own paucal morphological exponent, verbs and adjectives can show up in the plural (because it is the way in which they are underspecified). On the other hand, Russian displays a further feature specification, namely a «default» form (characterized as [numberless, genderless]), which surfaces as neuter singular on verbs and as genitive plural on adjectives (as is usual in quantificational contexts).

So in the old pattern, the one preserved only in feminine nominative phrases, the impoverishment is quite straightforward, and probably did not change much from the very first time when dual was lost: here, the noun would be fully specified as paucal / dual ([+pl, +sg]), and the adjective and the verb would be impoverished simply as [+pl], surfacing as a plural form (see 22):

(22) tri	krasnye	knigi	ležali	/ *ležalo...
three	red.NOM.PL	book(F).NOM.PAUC	lied.PL	/ *N.SG.
«Three red books were lying...»				

The innovative quantificational pattern (all genders) is more complicated, as it includes a quantificational element, triggering a default ([numberless, genderless]) feature within the numeral expression itself. This feature «competes» with the fully specified plural feature contained in the nominative paucal noun of these expressions so that, depending on which of them projects, the verb can be impoverished as [+pl] or as [numberless, genderless]. Hence the (dis)agreement variants on the verb:

(23) tri	krasnyx	karandaša	/ %knigi	ležali
three	red.GEN.PL	pencil(M).NOM.PAUC	/ book(F).NOM.PAUC	lied.PL
/ ležalo...				
/ N.SG.				
«Three red pencils were lying...»				

In case no overt modifier is included, still the quantificational feature can be present, triggering the same (dis)agreement pattern with the verb.

Finally, when an overt nominative determiner or prequantifier is inserted (see 24), this element remains out of the scope of the lower quantificational element and, as it is fully specified as [-sg, +pl], and is the last merged element, it overrides the presence of the lower quantificational head, avoiding default and forcing plural verb agreement:

- (24) *èti tri krasnyx karandaša ležali / *ležalo...*
 these.NOM.PL three red.GEN.PL pencil(M).NOM.PAUC lied.PL / N.SG
 «These three red pencils were lying...»

6. Conclusions

In this paper, we have explored a new way of analyzing Modern Russian numeral expressions that contain the low numerals *dva/dve*, *tri*, and *četyre*, by combining the historical data at our disposal and those from other languages that behave in a similar way with respect to the morphology of dual/paucal constructions. We have proposed that the disagreement pattern most extended nowadays in Russian paucal expressions had its origin in an innovation that took place in the 16th century and consisted of inserting a genitive quantificational form (and thereafter, adapting it) into paucal constructions. This initially spurious element was successfully accommodated by means of certain mechanisms of number feature impoverishment, similar to those taking place in Hopi. These impoverishment patterns led to the double (dis-)agreement verbal pattern we observe nowadays in these constructions in Modern Russian. The old nominative structure was preserved only in feminine paucal phrases including an overt nominative adjective, while the innovative one was extended to every other paucal context.

References

- Andersen, 1997 – Andersen H. Does the past have a future? *Acta linguistica Hafniensia*. 1997. Vol. 29. Pp. 149–177.
- Babby, 1987 – Babby L. Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1987. Vol. 5. No. 1. Pp. 91–138.
- Bailyn, 2004 – Bailyn J.F. The case of Q. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 12: The Ottawa meeting*, 2003. Arnaudova O., Browne W., Rivero M.-L., Stojanović D. (eds.). Ann Arbor, 2004. Pp. 1–36.
- Bailyn, 2014 – Bailyn J.F. Review of «Russian case morphology and the syntactic categories» by David Pesetsky. *Russian Language Journal*. 2014. Vol. 64. Pp. 230–243.
- Bailyn, Nevins, 2008 – Bailyn J.F., Nevins A. Russian genitive plurals are impostors. *Inflectional identity*. Bachrach J.F., Nevins A. (eds.). Oxford, 2008. Pp. 237–270.

Bogusławski, 1966 – Bogusławski A. Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim. Wrocław, 1966. [Boguslavsky A. Semantichne pojechie lichebnika i jego morfologia w języku rosyjskim [Semantic Representation of Numerals and their Morphology in Russian]. Wrocław, 1966.]

Bošković, 2006 – Bošković Ž. Case and agreement with genitive of quantification in Russian. *Agreement systems*. Boeckx C. (ed.). Amsterdam, Philadelphia, 2006. Pp. 99–120.

Bošković, 2013 – Bošković Ž. Phases beyond clauses. *Nominal constructions in Slavic and beyond*. Schürcks L., Giannakidou A., Etxeberria U., Kosta P. (eds.). Berlin, Boston, 2013. Pp. 75–128.

Cinque, Krapova, 2007 – Cinque G., Krapova I. A note on Bulgarian numeral classifiers. *Pitar Moş: A building with a view. Papers in honour of Alexandra Cornilescu*. Alboiu G., Avram A.A., Avram L., Isac D. (eds.). Bucharest, 2007. Pp. 45–51.

Corbett, 1978 – Corbett G.G. Problems in the syntax of Slavonic numerals. *The Slavonic and East European Review*. 1978. Vol. 56. No. 1. Pp. 1–12.

Corbett, 1993 – Corbett G.G. The head of Russian numeral expressions. *Heads in grammatical theory*. Corbett G.G., Fraser N.M., McGlashan S. (eds.). Cambridge, 1993. Pp. 11–35.

Corbett, 1996 – Corbett G.G. Minor number and the plurality split. *Rivista di Linguistica*. 1996. Vol. 8. Pp.101–122.

Corbett, 2000 – Corbett G.G. Number. Cambridge, 2000.

Dingwall, 1969 – Dingwall W.O. Government, concord and feature-change rules. *Glossa*. 1969. Vol. 3. Pp. 210–240.

Franks, 1994 – Franks S. Parametric properties of numeral phrases in Slavic. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1994. Vol. 12. Pp. 570–649.

Graščenkov, 2002 – Гращенко П.В. Родительный падеж при русских числительных: типологическое решение одной «сугубо внутренней проблемы» // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 74–119. [Graščenkov P.V. Genitive case with Russian numerals: Typological solution of one «strictly internal» problem. *Voprosy jazykoznanija*. 2002. No. 3. Pp. 74–119.]

Graudina et al., 1976 – Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976. [Graudina L.K., Ickovič V.A., Katlinskaja L.P. Grammatičeskaja pravil'nost' russkoj reči. Opyt častotno-stilištičeskogo slovarja variantov [Grammatical correctness in Russian text and discourse: An experimental frequency and stylistic dictionary of variants]. Moscow, 1976.]

Haspelmath, 2013 – Haspelmath M. Occurrence of nominal plurality. *The world atlas of language structures online*. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig, 2013.

Hurford, 1994 – Hurford J.R. Typology of numeral-noun interaction. *Proceedings of the Edinburgh linguistics department conference '94*. 1994. Pp. 33–40.

Hurford, 2003 – Hurford J.R. The interaction between numerals and nouns. *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Plank F. (ed.). Berlin, NY, 2003. Pp. 561–620.

Isačenko, 1962 – Isačenko A.V. Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I: Formenlehre. Halle (Saale), 1962.

Isakadze, 1998 – Исакадзе Н.В. отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. [Isakadze N.V. Otrazhenie morfologii i referencial'noj semantiki imennoj grupy v formal'nom sintaksise [The expression of morphology and referential semantics of NP in formal syntax]. PhD diss. MGU, 1998.]

Kalectaca, 1978 – Kalectaca M. Lessons in Hopi. Tucson, AZ, 1978.

Klimonov, 1987 – Климонов В.Д. Естественность и маркированность в грамматических формах числа у имен существительных в современном русском языке // Zeitschrift für Slawistik. 1987. Vol. 32. Ss. 187–204. [Klimonov V.D. Naturalness and markedness in numeral forms of nouns in Modern Russian. *Zeitschrift für Slawistik*. 1987. Vol. 32. Pp. 187–204.]

Kroch, 1989 – Kroch A. Reflexes of grammar in patterns of language change. *Language Variation and Change*. 1989. Vol. 1. Pp. 199–244.

Kuz'minova, 2004 – Кузьминова Е.А. Согласование подлежащего и сказуемого при выражении подлежащего числительными и количественными сочетаниями // Книга о грамматике. Т. I / Под ред. А.В. Величко. М., 2004. С. 28–34. [Kuz'minova E.A. The agreement of quantitative and numeral subjects with predicates. *Kniga o grammatike I*. Velichko A.V. (ed.). Moscow, 2004. Pp. 28–34.]

Ljutikova, 2016 – Лютикова Е.А. Формальные модели падежа: теории и приложения. М., 2016. [Ljutikova E.A. Formal'nye modeli padeža: teorii i prilozhenija [Formal models of case: theories and applications]. Moscow, 2016.]

Mel'čuk, 1980 – Mel'čuk I.A. Animacy in Russian cardinal numerals and adjectives as an inflectional category: A problem of agreement. *Language*. 1980. Vol. 56. No. 4. Pp. 797–811.

Mel'čuk, 1985 – Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985. [Mel'čuk I.A. Poverxnostnyj sintaksis russkix čislovyx vyraženij [Surface syntax of Russian numeral expressions]. Vienna, 1985.]

Merlan, 1982 – Merlan F. Mangarayi. Amsterdam, 1982.

Pensalfini, 1999 – Pensalfini R. Optional disagreement and the case for feature hierarchies. *Papers from the 35th annual regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Billings S.J., Boyle J.P., Griffith A.M. (eds.). Chicago, 1999. Pp. 167–178.

Pereltsvaig, 2006 – Pereltsvaig A. Small Nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24. No. 2. Pp. 433–500.

Pereltsvaig, 2010 – Pereltsvaig A. As easy as two, three, four? *Formal Approaches to Slavic Linguistics 18: The Cornell meeting, 2009*. Browne W., Cooper A., Fisher A. et al. (eds.). Michigan, 2010. Pp. 418–435.

Pereltsvaig, 2013 – Pereltsvaig A. On number and numberlessness in languages without articles. *Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Cathcart C., Chen I.-H., Finley G. et al. (eds.), 2013. Pp. 300–314.

Pesetsky, 2013 – Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, Massachusetts, 2013.

Plank, 1996 – Plank F. Domains of the dual, in Maltese and in general. *Rivista di Linguistica*. 1996. Vol. 8. No. 1. Pp. 123–140.

Sadler, 2011 – Sadler L. Indeterminacy, complex features and underspecification. *Morphology*. 2011. Vol. 21. Pp. 379–417.

Saeed, 1999 – Saeed J.I. Somali reference grammar. Amsterdam, Philadelphia, 1999.

Scatton, 1993 – Scatton E.A. Bulgarian. *The Slavonic languages*. Comrie B., Corbett G.G. (eds.). London, NY, 1993. Pp. 188–248.

Sulejmanov, 1985 – Сулейманов Я.Г. О формах ограниченного и неограниченного множественного числа имен существительных в аварском языке // Категория числа в аварском языке: Сб. ст. / Под ред. К.С. Михайлова. Махачкала, 1985. С. 114–119. [Sulejmanov Ja.G. On forms of restricted and non-restricted plural of nouns in Avar. *Kategorija čisla v dagestanskix jazykax: sbornik statej*. Mikailov K.S. (ed.). Махачкала, 1985. Pp. 114–119.]

Suprun, 1957 – Супрун А.Е. К употреблению родительного и именительного падежей множественного числа прилагательных в сочетании с числительными *два, три, четыре* в современном русском языке // Ученые записки Киргизского государственного педагогического института. 1957. № 3. С. 72–84. [Suprun A.E. On the use of the genitive and nominative plural adjectives in constructions with the numerals «two», «three», «four» in Modern Russian. *Učenyje zapiski Kirgizskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta*. 1957. Vol. 3. Pp. 72–84.]

Testeleets, 2010 – Testeleets Y.G. Case deficient elements and the direct case condition in Russian // Язык и речевая деятельность. Петербургское лингвистическое общество. Том 9. 2006. СПб., 2010. [Testeleets Y.G. Case deficient elements and the direct case condition in Russian. *Jazyk i rečevaja dejatel'nost'. Peterburgskoe lingvističeskoe obščestvo*. Vol. 9. 2006. Saint Petersburg, 2010. Pp. 126–143.]

Whorf, 1946 – Whorf B.L. The Hopi language, Toreva dialect. *Linguistic Structures of Native America*. Osgood C. (ed.). NY, 1946. Pp. 158–183.

Worth, 1959 – Worth D.S. Grammatical and lexical quantification in the syntax of the Russian numeral. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1959. Vol. 1–2. Pp. 117–132.

Žolobov, 2002 – Жолобов О.Ф. Морфосинтаксис числительных *два, три* и *четыре*: к истории малого квантитатива [Žolobov O.F. The morphosyntax of the numerals *dva, tri, četyre*: a contribution to the history of smaller quantitatives]. *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. Pp. 1–27.

Žolobov, 2003 – Жолобов О.Ф. К истории малого квантитатива: аднумеративные формы прилагательных и числительных [Žolobov O.F. On the history of smaller numerals: the forms of adjectives and nouns with numerals]. *Russian Linguistics*. 2003. Vol. 27. Pp. 177–197.

Барабаш Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, докторант Института современных лингвистических исследований МПГУ; старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета. E-mail: olphil@mail.ru.

Гвоздецкая Наталья Юрьевна – доктор филологических наук, доцент; заведующая кафедрой английской филологии, Институт филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва. E-mail: ngvozd@yandex.ru.

Герасимова Анастасия Алексеевна – студентка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь лаборатории общей семантики, Институт современных лингвистических исследований МПГУ. E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com.

Гращенко Павел Валерьевич – кандидат филологических наук; старший преподаватель отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник лаборатории общей семантики, Институт современных лингвистических исследований МПГУ. E-mail: pavel.gra@gmail.com.

Игартуа Иван – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии), Университет Страны Басков (Universidad del Pais Vasco / Euskal Herriko Unibertsitatea), г. Виктория, Испания. E-mail: Ivan.igartua@ehu.es.

Мадарьяга Нереа – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии), Университет Страны Басков (Universidad del Pais Vasco / Euskal Herriko Unibertsitatea), г. Виктория, Испания. E-mail: Nerea.madariaga@ehu.es.

Семина Анастасия Игоревна – аспирант кафедры тюркской филологии, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: aisemina@mail.ru.

Солдаткина Янина Викторовна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русской литературы, Институт филологии МПГУ. E-mail: jaseneva@yandex.ru.

Barabash Olga V. – PhD in Philology; Senior Research Fellow, Research Institute of Fundamental and Applied Studies of Penza State University. E-mail: olphil@mail.ru.

Gerasimova Anastasia A. – Student of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Researcher, Laboratory of General Semantics, Institute for Modern Linguistic Research of Moscow State University of Education. E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com.

Grashchenkov Pavel V. – PhD in Philology; Senior Lecturer in the Department of Theoretical and Applied Linguistics Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Researcher, Laboratory of General Semantics, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education. E-mail: pavel.gra@gmail.com.

Gvozdetskaya Natalya Yu. – Doctor of Philology; Head of the Department of English Philology, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: ngvozd@yandex.ru.

Igartua Iván – PhD in Philology; Assistant Professor of the Classical Studies Department (Area: Slavic Philology), University of the Basque Country (Universidad del País Vasco / Euskal Herriko Unibertsitatea), Victoria, Spain. E-mail: Ivan.igartua@ehu.es.

Madariaga Nerea – PhD in Philology; Assistant Professor of the Classical Studies Department (Area: Slavic Philology), University of the Basque Country (Universidad del País Vasco / Euskal Herriko Unibertsitatea), Victoria, Spain. E-mail: Nerea.madariaga@ehu.es.

Semina Anastasia I. – Post Graduate Student of the Department of Turkic Languages of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: aiseмина@mail.ru.

Soldatkina Yanina V. – Doctor of Philology; Professor of the Department of Russian literature, Institute of Philology, Moscow State University of Education. E-mail: jaseneva@yandex.ru.

O. Barabash

Semantic transformations of legal terms outside of the legal discourse

The purpose of the article is to trace what kind of semantic transformations undergoes legal term outside of the legal discourse, as well as to assess the possible linguistic and legal implications of such transformations. In addition, the article propose criterion for distinguishing such phenomena as despecialization and determinologization, as well as the distortion (substitution) of the concept expressed by the term.

Key words: legal term, meaning transformation, determinologizations, despecialization, substitution of concepts, discourse.

A. Gerasimova

A parametric approach to intralingual variation: problems and methods

This paper addresses intralingual variation in the context of Russian event nominalizations. I present new data that expands our knowledge about case assignment strategies in Russian event nominalizations. Experimental data shows that external argument of nominalization exhibits differential case marking, and that both variants are available for all Russian speakers. My analysis suggests that the observed case variation is determined by the amount of functional structure dominating VP in the nominalization.

Key words: nominalization, noun phrase structure, argument structure, case variation, differential case marking, intralingual variation, Russian.

P. Grashchenkov

Complex Adjectives and Binary Branching in Syntax

The paper investigates the internal structure of Russian adjectival compounds. A theoretical problem, posed by the author is the choice between binary or n -ary branching. As the paper shows, structures, underlying derivation, are closer to the binary branching than to the n -ary branching. The argumentation is based on the views of the constituency structure, adopted in the modern generative framework. The facts, involved for the discussion, deal with the constraints on the compound derivation, the order of derivation and the accentuation rules. As the author claims, the properties of Russian adjectival compounds can be explained only if we adopt consistent binary branching.

Key words: syntax, constituents, projection, compounds, adjectives.

N. Gvozdetskaya

Nominal Compounds in Old English Poetic Text (a Syntactic and Narrative Aspect)

The paper deals with Old English nominal compounds from the point of view of their place in the syntactic and narrative text structures. The inner semantic form and diffuse semantics of so called substantive epithets is analyzed in its relation to predicative constructions. The connection of compounds with the units of alliterative verse and some techniques of epic narration is discussed, the epic variation in particular. Their similarity to formulaic expressions and their role in the creation of epic imagery is shown at the example of the poems «Beowulf» and «Elene».

Key words: nominal compounds, syntax, semantics, alliterative verse, Old English poetry, «Beowulf», «Elene».

I. Igartua, N. Madariaga

Russian lower numeral phrases in typological and diachronic perspective

This article discusses the morphosyntactic properties of Russian lower or paucal numerals (*dva/dve* 'two', *tri* 'three', *četyre* 'four') within a more general crosslinguistic view on (low) numeral constructions. We will show that the diachronic analysis of the processes resulting in the heterogeneous pattern triggered nowadays by these expressions and a comparison with other

languages displaying similar morphosyntactic patterns can help us clarify more effectively the synchronic use of these constructions in Russian.

Key words: agreement, animacy, disagreement, genitive case, lower numerals, number, paucal constructions, quantification, Russian.

A. Semina

On interpretation of motives
in Turkish medieval mournful songs
(on the material of qita)

The article covers main features of Turkish mournful songs called *mersiye* written in the form of *qita*. Leaning against *qitas* recorded in *divans* of Turkish poets of the XV–XIX cc. the author divides *qita-merisiye* in three types. These types differ both in formal features (length and presence/absence of *chronogramm*) and in motives as well as in the aims of their creation. In *qitas* of the first type poets expressed their own sorrow concentrating on motives of mourning to depict the way they felt. In *qitas* of the second type main part belongs to motives of departure, with biographical details being interwoven; in *qitas* of this type poets highlighted the fact of death and marked the time it happened with the help of poetical figure *tarikh*. In *qitas* of the third type poets tried to immortalize the name of the diseased and to praise him. The main role in such *qitas* is given to panegyric motives ornamented with details of the earthly life of the diseased.

Key words: medieval Turkish literature, *mersiye*, *qita*, *tarikh*.

Ya. Soldatkina

The motives of A. P. Platonov's prose
in the novel «Aviator» by E.G. Vodolazkin

The article reviews the contemporary novel «Aviator» by E.G. Vodolazkin in the context of the current socio-cultural attempts to rethink the Soviet past and build a dialogue with the Russian literary tradition and philosophy of the twentieth century, in particular the anti-utopian works of A.P. Platonov («The Foundation Pit») and «Philosophy of the Common Cause» by N.F. Fedorov. The author analyzes the transformation in the novel by Vodolazkin Platonov's themes of overcoming death and symbols of the cemetery, collecting and saving things.

Key words: contemporary Russian prose, literary tradition, dystopia, Russian cosmism, motive, plot, «Aviator», E.G. Vodolazkin, A. Platonov's prose.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2016.3

Электронная версия журнала:
www.mpgu.ru

Сдано в набор 20.09.2016 г.
Подписано в печать 30.09.2016 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.